
ЮЛИЯ КОВА
DUO

#DUO (СИ)

Юлия Кова

Аннотация
Юлия Кова. #DUO
Глава 1. Обложка
Глава 2. Титульный лист
Глава 3. Эпиграф
Глава 4. Переплёт
Глава 5. Каптал
Глава 6. Аннотация
Глава 7. Выходные сведения
Глава 8. Ляссе
Глава 9. Отстав
Глава 10. Концевой титульный лист
Глава 11. Послесловие

Аннотация

Звезды сияют с небес, глядя, как мы проживаем наши ничтожные жизни. И плачут, и плачут…

Юлия Кова
#DUO

Мои терпеливым читателям посвящаю.
С любовью и признательностью Е. Локтионовой и В. Якимову,
которые никогда не встречались, но без которых сюжет этой книги не был бы придуман.

От автора

Имена, характеры, места действия, как и все аналогии с действительными порталами 'Самиздата', а также с их авторами и читателями случайны. Некоторые бизнес — идеи, описанные автором, в том числе, и по 'усовершенствованию' самиздатовских сайтов — фантазия автора, и только.

Глава 1. Обложка

Обложка книги — это её мягкое или твёрдое бумажное покрытие, а также элемент художественного оформления.[1]

— 1 —

16 мая 2016 года, понедельник.

'Терман Дьячков и я сидим в миниатюрном кафе 'Стокманн', встретившись в ТЦ 'Мега' на Тёплом Стане.

— Гера, продай мне свой портал 'самиздата', — начинаю я.

Дьячков, успевший откусить изрядный кусок от тарталетки с ягодами, делает некрасивое глотательное движение, крякает и преувеличенно — аккуратно вытирает губы салфеткой. После чего аккуратно пристраивает остатки 'корзиночки' на тарелку и вперяется в меня светло — голубым взглядом:

— А зачем тебе это, Тёмыч?

— Ну — у, — я задумчиво обвожу кончиком пальца кромку чашки с едва заметной щербин-

---

[1] Примечания: 1

Обложка книги — это её мягкое или твёрдое бумажное покрытие, а также элемент художественного оформления.

кой, — у тебя же этот сайт писателей — графоманов всё равно загибается? А я знаю, как его раскрутить.

— Да? И как же?

'Ага, вот прямо сейчас возьму и объясню этому горе — бизнесмену, как именно…'

Впрочем, здесь надо бы представиться и рассказать вам, кто я такой.

Итак, меня зовут Артём Соболев. Москвич, холост, 'не состоял', 'не привлекался', 'не изготовлял', 'не ношу' и 'не употребляю' всё то, о чём предупреждают Минздрав, наркоконтроль и органы по борьбе с проституцией. Выгляжу на двадцать пять, хотя 19 января мне исполнилось двадцать семь. У меня короткие, чуть вьющиеся чёрные волосы, тонкие черты лица и полный, красиво очерченный рот, доставшийся мне от мамы. Чтобы прибавить себе солидность и возраст, одеваюсь я преимущественно в строгие костюмы. Вместо наручных часов пользуюсь iPhone, что подчёркивает мой имидж и чью продукцию я, несмотря на последние 'достижения' разработчиков 'Apple', пока ещё предпочитаю всем остальным моделям.

Я стараюсь выглядеть так, как должен выглядеть солидный банковский клерк, перспек-

тивный госслужащий или менеджер крупной компании. Но я нигде не работаю, хотя и числюсь главным бухгалтером некоего садоводческого товарищества, примыкающего к коттеджному посёлку, где живут мои родители. Ненавижу скандалы, визгливые женские голоса и отборный русский мат. Отношусь к дебилоидным сериалам по 'СТС' и 'ТНТ' так же, как и к книгам начинающих писателей — графоманов. Питаться предпочитаю в двух приличных ресторанах, расположенных на Старом Арбате, где никогда не встретишь пиццу, кальян и водку. Одним словом, я обычный, или, как сейчас говорят, 'нормальный', молодой человек, четыре года назад закончивший 'Плехановский' и проживающий в родительской двушке в центре Москвы. У меня есть только два 'ненормальных' качества: я умею делать деньги буквально из воздуха, и я точно знаю, чего я хочу от женщин.

Начнём со слабого пола. С некоторых пор моё отношение к женщинам читается так же сухо и лаконично, как моё резюме или трудовая книжка. Принципиальный гетеросексуалист, с 7 июля 2015 года я стал приверженцем той простой мысли, что женщина не может нести ответственность за свои слова и поступки. Именно поэтому

решение о том, какими будут наши отношения (и будут ли они в принципе), отныне принимаю только я. А я выбираю женщин, лёгких в общении и создающих вокруг себя атмосферу секса и дружелюбия, но никак не стервозности, и, уж тем более, не конечной инстанции относительно моих слов. Но я же умею исправлять ситуацию. Например, если женщина меня не слушается, то я вынимаю из неё женское начало: дотрагиваюсь, беру за руку или целую в щёку. Остаётся только добавить, что самые серьёзные отношения до 7 июля 2015 года длились у меня ровно год и четыре месяца, после этой даты — два месяца, или около того.

Что касается денег, то здесь у моего 'ненормального' дара всегда был отличный возврат на инвестиции. Ещё в школе я прославился тем, что продавал ответы на контрольные, подбив учеников на создание 'шпор' весьма оригинальным образом. За два часа до начала занятий за школьным двором кипела жизнь: девчонки снимали колготки и расписывали ноги формулами по двум вариантам решения задач, раздобытым в школьной учительской. Я же получал за идею стабильный доход, которого хватало на завтраки, на такси и на походы в кино. Но самым блестя-

щим в этом первом моём бизнес — проекте было то, что учителя так и не догадались, почему на всех контрольных мальчики непременно рассаживаются с девочками.

Следующим этапом моей предпринимательской деятельности стало платное распространение сочинений. Для этого Герман заблаговременно узнавал темы, распространяемые через Городской отдел народного образования. Я же через подставных лиц ('пэтэушники' из соседнего к нашей школе 'колледжа') продавал страждущим готовые тексты и тетрадки, заверенные печатью школы. Кстати, штампы я не крал. Сосед (меланхоличный романтик, учившийся в МАРХИ) старательно срисовывал с тетради макет и находил конторы, которые за определенную плату изготавливали штемпели по образцу.

В 'Плехановском' родился мой первый серьёзный проект. Идею мне подсказала жалоба одного из приятелей, трудящегося на 'Microsoft': 'Артём, прикинь, все обновления в базу данных мы вбиваем вручную'. Так в середине нулевых возник изящный технологический сайт, дающий ответы на все вопросы изголодавшихся по адекватной информации пользователей. Придуманный мной портал я загнал в крупную ИТ — корпорацию. Там

идею переработали, и она легла в основу внутрикорпоративных сайтов многих известных теперь компаний. Правда, мало кто догадывался, что эту же концепцию я перепродал и двум аспирантам из МГУ, построившим первый в России пиратский 'торрент' для скачивания фильмов и кодов.

Потом в моей жизни был портал по доставке цветов и сайт по продаже одежды. Кстати, пошитые китайцами костюмы были ничем не хуже брендовых, хотя однажды я крупно подзалетел с цветом лейблов на куртках 'Адидас', ибо китайцы под водительством Германа вышили немецкий фирменный знак цветами российского флага. Далее (и уже без Германа) возник сайт по беттингу, где принимались финансовые пари и ставки на азартные игры. Апофеозом же моей антрепренерской деятельности стала хитроумная онлайн — система заказа такси, ввиду моего малолетства оформленная на отца и названная 'Форсаж'.

Эта затея была самой гениальной из всех. Именно из неё впоследствии вырос тот глобальный портал, которым для вызова такси пользуется каждый пятый москвич. За полученный куш отец реализовал мечту всей своей жизни: купил коттедж в Подмосковье, куда и уехал проживать с мамой их 'золотые' годы. Ну, а я поселился в двух-

комнатной квартире родителей, в Авиационном переулке, граничащем с Ленинградским проспектом, доскрипел до диплома о законченном высшем и получил право официально валять дурака. Правда, бездельничать мне наскучило быстро, и я, напоследок воплотив несколько фикций (например, наладил поставку воздушных шариков для корпоративных праздников, что принесло мне двести тысяч в сезон продаж), теперь захотел новый бизнес.

— Гера, так сколько возьмёшь за свой портал?

— Тём, а ты хоть знаешь, что такое самиздат в принципе? — Дьячков, любивший щегольнуть знаниями из 'Википедии', поиграл бровями и приготовился прочитать мне небольшую лекцию.

— Ну — у, — я побарабанил пальцами по пластиковому покрытию стола, — если процитировать гениальных придурков из 'Лукморья', то весь современный самиздат — это несколько сайтов, на которых собираются писатели, отринутые издательствами в виду того, что их 'прозы' не поддаются ни осмыслению, ни логике, ни элементарной переработке. Если же тебя интересуют голые факты, то само определение 'самиздат' возникло в сороковые годы, когда советская цензура

запретила печататься поэту Николаю Глазкову. И тот стал издавать по три — четыре книги своих стихов за свой счёт и дарить их друзьям. Пародируя название советских издательств, таких, как 'Воениздат', 'Профиздат', 'Госиздат', Глазков указывал на обложке своих книг 'Само — издат'. Как-то так.

— Подготовился? — хмыкнул Герман и пнул пальцем запеченный ободок хрустящей тарталетки.

— Естественно.

Впрочем, мой ответ Герману и не требовался. Он хотел набить цену на свой портал — я хотел снизить стоимость своей покупки.

— А как ты собираешься раскручивать мой ресурс? — Герман поднял на меня большие, трогательные, обрамлённые длинными золотистыми ресницами глаза, и я вдруг подумал, что у Дьячкова тоже есть особый дар — способность залезать мне на шею.

Я не успел ответить, когда перед нами, по — модельному покачивая бёдрами, затянутыми в узкие джинсы, прошла потрясающая блондинка лет двадцати — двадцати пяти. У неё были изумительные лицо, волосы и фигура — лучшие, что я когда-либо видел. Я откинулся в кресле и прищу-

рился, задавая себе вопрос, что скрывается за этой сокрушительной внешностью. Я точно знал, что есть женщины, которых ненавидят за их красоту, глупость и доброту — и есть женщины, которых любят за их ум и стервозность. К какой породе принадлежало это золотоволосое существо, сходу сказать было трудно. Пока я разглядывал блондинку, пытаясь её 'прочитать', девица одарила меня надменным и неприязненным взглядом прозрачных светло — зелёных глаз. Небрежно поправила ремешок модной сумки, свисавший с её плеча, и, продолжая что-то бормотать в мобильный, завернула за угол парфюмерного отдела, где и остановилась.

'Ясно… По сучьей шкале Артёма Соболева, десять из десяти. Абсолютная стерва. Точка.'

Я повернулся к Герману, который, как оказалось, тоже рассматривал блондинку.

— Гера, — позвал я.

— А? — Дьячков неохотно повернулся ко мне.

— Гера, возвращайся на землю. Что касается твоего портала, то, во — первых, я могу его перепродать. Во — вторых, я могу его перелопатить и создать на базе имеющихся у тебя подписчиков нормальную электронную библиотеку.

— А может, тебе проще взять меня в долю? Я

всё-таки в этом деле кое-что смыслю. — Дьячков в последний раз мазанул жадным взглядом по фигуре блондинки. — Ноги у неё, кстати, отличные. Видел? Может, снимешь? Для меня?

— Не видел… Гера, я тебя в долю не возьму. Ты пойми, мне не жаль с тобой поделиться, просто я пока и сам не знаю, во что всё это выльется.

Но я врал: я знал. Дьячков моментально потерял томность во взоре и забыл о блондинке.

— И сколько ты предлагаешь? — подобрался на стуле он.

— Говори свой прайс.

В искусстве 'купи подешевле — продай подороже' я собаку съел и хорошо знал, что здесь существует только одно правило: проигрывает тот, кто первым назвал свою цену.

— Я хочу шесть миллионов, — твёрдо произнёс Герман. Я прикинул: в принципе, портал стоил того. Но я фыркнул и покачал головой:

— Окстись, Ниловна. По моим подсчётам, тебе этот сайт приносит в год максимум пять миллионов.

— Пять пятьсот, — 'нагнулся' Герман.

'Ага, перебьёшься.'

— Гера, четыре.

Дьячков пожевал губами.

— Нет.

— Ну, нет — так нет. Как хочешь… Кстати, а вот эти 'зайки' мне нравятся. — И я указал подбородком на глазасто — грудастую парочку, состоявшую из брюнетки и рыженькой. 'Зайки' под ручку прошли к плакату Натали Портман и замерли рядом с блондинкой. — Возьмём девочек? Только брюнетка, чур, моя.

— Что?.. Артём, подожди ты, какие ещё девки, когда мы с ценой так ничего не решили? Ты за четыре восемьсот будешь покупать?

В общем, бизнесмен из Германа был такой же, как из его мамы — школьный завуч. То есть 'никакой' в принципе.

— Четыре, Гера. Че — ты — ре. У меня больше нет. Давай, сворачивай трёп, а то 'заек' упустим. — Девочки, облюбованные мной, топтались у плаката и, игриво оглядываясь на нас, с хохотом и шутками выбирали себе какую-то ерунду — не то помаду для волос, не то блеск для лица. Впрочем, я в этом не разбираюсь.

— Гера, всё, я пошёл к брюнетке. — Я начал вставать.

— Четыре пятьсот!

— Дьячков, ну нет у меня больше. Всё, давай, созвони…

— Ладно, твоя взяла, — проворчал Герман. — Пусть будет четыре. Но тогда брюнетка моя.

— Ещё чего!.. Впрочем, так и быть. Но если склеим 'заек', то едем к тебе. У меня завтра утром мать в Москву приезжает.

— Сволочь ты, Соболев… Ладно, уболтал.

Вот так я его и сделал.'

— 2 —

16 мая 2016 года, понедельник.

' 'Он не любил критику от женщин. Он вообще не выносил, когда женщина им командовала. Женщина была для него слабым существом, и это он диктовал ей условия. Он был талантлив, и умел обвораживать, но у него был бешеный нрав, и хватка — почти железная. И всё, что было связано с ним, было непредсказуемо'.

Продиктовав в мобильный телефон последние строчки своей первой книги, я остановилась за плакатом с Натали Портман, рекламирующей тональный крем от 'Шанель'. Убрала сотовый в сумку и покосилась на двух молодых людей, сидящих в коричневых креслах за бежевым столиком в кафе 'Стокманн'. В полупустом торговом центре эти двое выглядели интригующе: красавец — блондин и мальчишка — брюнет, одетые в дорогие костюмы. Впрочем, брюнет мне сразу не

понравился. Стройный и миловидный, он, тем не менее, казался созданным из каких-то ломанных линий. А вот второй умел произвести впечатление: широкоплечий, солидный, обладающий уверенностью человека, знающего себе цену.

'Вот его я и сделаю героем своего романа, когда буду выбирать обложку для книги', — тут же решила я.

То, что произошло через секунду, смахнуло мою уверенность так же быстро, как порыв ветра уносит с собой ненужный клочок бумаги. Брюнет что-то сказал блондину, и тот обиженно надул щеки. Брюнет же непринужденно улыбнулся, продемонстрировав белозубую улыбку, плавно встал (и куда только делась скованность?) и уверенным шагом направился к парочке девиц, на вид лет восемнадцати (высокие каблуки, мини — юбки, сильно декольтированные топы, с такими вырезами на груди, которые даже не приглашали в постель, а буквально туда тащили). На меня, стоявшую рядом, брюнет даже не взглянул. Для него меня словно не было.

— Привет, зайки, — начал молодой человек тем подкупающим тоном, который заставил меня замереть и стать невольной свидетельницей сцены классического 'съёма', которая сейчас раз-

ворачивалась перед моими глазами. — Ну что, как ваши дела?

'Зайки' немедленно залились жизнерадостным смехом:

— Ой, а этот молодой человек, оказывается, к нам? Прям так неожиданно, Оля.

— Ой, сама не знаю, что и сказать, Наташа.

Пока 'зайки' трещали и ёжились в лучах обрушившейся на них славы, брюнет успел вплотную приблизиться к ним и приобнять их за талии. По — хозяйски притянул рыжую к себе. Секунда — и он медленно провёл кончиком носа над её ухом.

— Всю жизнь хотел вдыхать такой запах, — сообщил брюнет тем вкрадчивым голосом, от которого у рыжей 'зайки' моментально подкосились ножки. — Как тебя зовут, мечта всей моей жизни?

— Оля… — растерялась 'зайка'.

— Оля, — повторил парень, растягивая букву 'л', точно покатал это имя на языке. — А вас? — Это было адресовано брюнетке, которая принялась ревниво грызть алые губки.

— Наташа! — рявкнула брюнетка.

— Оля и Наташа? Чудесно… Не возражаете, если мы с другом угостим вас кофе? — Последнее было обращено к брюнетке. Оглядев блондина,

сидящего за столом, 'зайка' хищно прищурилась.

— А давайте, — задорно объявила она.

И пара усмиренных 'заек' в объятиях хитроумного мальчишки направилась к блондину.

'Ну ничего себе…'

Этому темноволосому хлыщу на вид было лет двадцать пять, мне — уже двадцать семь, и я никогда — слышите? — никогда не оказывалась в той нелепой ситуации, когда тебя вот так, легко и просто, проигнорировали. И в моём детстве, и в более позднем отрочестве, и в институте, и даже в бюро переводов, где я работала последние три года, я всегда была первой, на кого обращали внимание, и единственной, кем всегда восхищались. Правда, люди, хорошо меня знавшие, добавляли ещё одно: 'Дуа — это редкостное сочетание красоты и стервозности'. А теперь я со всеми своими активами буквально шла на дно, оказавшись в унизительном положении своих подруг, которым на выпускном не хватило пары. Оценив, как я выгляжу со стороны, с этим своим уязвлённым лицом и раздражённым взглядом, я фыркнула. Кого я ревную? К кому? Зачем? Это было просто смешно! Стараясь не оглядываться на щебет и голоса, доносившиеся ко мне со стороны кафе, я затолкала в шелковые недра сумки

мобильный телефон и зашагала в сторону эскалаторов, ведущих в зону парковки. Нашла свой золотистый 'ауди', видевший и лучшие времена, и отправилась домой, к Димке.

Играя на дороге в 'пятнашки' с другими автомобилями, я быстро двигалась в сторону Олимпийского проспекта и размышляла ни о чём и обо всём. О том, что 'Дуа' — это моё школьное прозвище, образованное от моей грузинской фамилии, Тодуа. Мама, редкая по красоте грузинка (а у настоящих грузин только светлые глаза и светлые волосы) назвала меня Катя — Екатерина, уверяя всех и каждого, что это имя носили только красавицы, королевы и святые. 'И ещё грешницы', — с некоторых пор мысленно добавляла я.

Впрочем, 'грешить' я начала скорее поздно, чем рано. Мой первый 'грех' случился со мной в шестнадцать лет, за полгода до того, как от рака сгорела мама. Отчаявшись от мрачного ожидания неизбежного конца любимого мной человека, я безвольно отдалась своему однокласснику, который был моей первой детской влюбленностью. Игорь стоял со мной на похоронах, когда в землю опускали обитый красным гроб, и преданно оставался рядом ещё год. Потом наши отношения сами собой сошли на 'нет',

потому что дружба, увы, сломалась, а любовь, потоптавшись на обломках полудетской связи, замешанной на признательности и тоске, ушла, так и не случившись.

Следующий 'грех' произошёл у меня ровно через полтора года. Синеглазый Серёжа был братом моей институтской подруги. Из жарких, совсем не братских объятий родилась настоящая страсть — и такая же ревность, которая у мужчин обычно сопряжена с отчаянием, а у женщин — с предприимчивостью. Устав от ежедневных объяснений на тему: 'Почему ты ему улыбалась? Кто тебе звонил? Где ты была?', я не придумала ничего лучше, как устроить дикий, злой и недостойный гордой фамилии моих предков скандал, и удалилась в будущее, уже манившее меня обложками глянцевых журналов. Нет, дело было не в поиске лучшей доли или больших денег — к тому моменту я начала сниматься в рекламе свадебных платьев, восхитительного белья и дорогих автомобилей 'А — класса', и даже связала свои дни и ночи с симпатичным шведом — фотографом модельного агентства 'Арт — Престиж'.

История чувств, подиума и профессиональных съёмок закончилась через два года, когда агентство стало напоминать миниатюрное эскорт

— бюро в стиле Листермана, а мой любимый — вести странные речи о том, что было бы неплохо снять домашнее порно. 'Нужно всё попробовать, пока ты красива и молода. Хочешь, я покажу тебе некоторые наши с тобой сеты?' Увидев то, что наснимал Бьорн, я проплакала полночи. Как девушка не только красивая, но и разумная, я утром собрала свои вещи, забрала все свои и его негативы и навсегда выкатилась из студии, показав шведу на прощание средний палец и пообещав, в случае чего, нажаловаться своему папе.

Последним моим 'грехом' стал Дима — Дмитрий Бергер, симпатичный тридцатилетний разведённый шатен с лучистыми глазами, заглянувший в бюро переводов, где я подвизалась в качестве карманного полиглота. Диме был нужен мультиязычный переводчик на техническую литературу. Начальнику бюро переводов было проще предложить меня, знавшую три языка. К слову, иностранные языки я учила с лёту. Правда, этот мой дар Бог ещё при моём рождении обменял на мою полную беспомощность в математике, о чём Димка тогда не догадывался. Как не знал он и о том, что моей единственной и безусловной любовью на все времена оставались лишь книги.

С раннего детства я очень любила читать. 'Уне-

сённые ветром', 'Театр', 'Гордость и предубеждение' стали моими первыми друзьями, а Скарлетт О'Хара, Джулия Ламберт и Элизабет Беннет — героинями на все времена. Правда, до того, как это случилось, я написала свой первый роман, который назывался 'Любовь зла'. За этим 'творчеством' последовали 'Любовь зла-2', 'Любовь зла-3' и даже 'Любовь зла-4'. Те рукописи я под огромным секретом показывала только маме. Мама хвалила меня, и лишь спустя многие годы, уже будучи первокурсницей Литературного института имени Горького (выпускниками которого, к слову, являются Евтушенко, Симонов, Пелевин и поэт Николай Глазков) я смогла по — настоящему оценить улыбку на маминых губах и то, как мама забавно покусывала внутреннюю сторону щеки, принимая мои 'нетленки'. После смерти мамы моими преданными читательницами были только подруги. Дима же оставался к моему творчеству совершенно равнодушен, что не мешало мне любить его искренне и верно.

И вот теперь я, продираясь сквозь светофоры, двигалась к дому Димки, памятуя о том, что в моей сумке сюрприз: пара нарядных буклетов с образцами обручальных колец, выбранных мной в 'Мете'. А ещё я размышляла о том, что моя

первая книга, которую я очень хотела издать к нашей с Димкой свадьбе, наконец, закончена. Осталось только передать рукопись корректору и подобрать издательство.

Но сначала мне предстояло решиться на довольно рискованный шаг, подсказанный мне Бергером. Вчера поздно вечером, когда я, устроившись рядом с ним, втолковывала ему, полусонному, какой хороший и современный роман о любви я написала, Дима предложил мне сначала разместить книгу на самиздатовском сайте.

— Катя, прежде чем набивать шишки с крупным издательством, посмотри, что читатели скажут.

В любовной литературе Бергер, что называется, был 'ни бум — бум', но в продвижении своего дела он собаку съел. Пока я колебалась, Дима, словно подслушав мои мысли, усмехнулся:

— Знаешь, Кать, откуда я этому научился? — Он прочертил ласковую дорожку на моём обнажённом плече.

— Нет. Ты никогда не рассказывал. — Я подперла голову рукой, следя за тем, как смуглая ладонь Димы начала привычное, плавное скольжение к моей груди, укрытой за атласом пижамы.

— Я написал буклет о своей фирме и показал его

не друзьям, а своей, теперь уже бывшей жене. А Алла посоветовала мне обкатать моё 'сочинение' на заказчиках, потому что клиенты — это всегда критики. А твоими критиками, Кать, должны стать твои читатели. Вот поэтому я и рекомендую тебе разместить рукопись на каком-нибудь самиздатовском сайте. К примеру, на портале Германа Дьячкова. Я там пару раз интересные книги находил. И ещё мой тебе совет: возьми себе псевдоним.

— Зачем? — удивилась я. — Я не стесняюсь того, что я написала.

— Это хорошо, — кивнул Димка. — Но, видишь ли, если твоя книга на портале Дьячкова читателям не понравится, то пробиться на другом самиздатовском сайте будет уже сложнее. Иногда имеет смысл прятать свою фамилию.

К слову, Димка свою фамилию не любил и на визитках фигурировал исключительно как 'Дмитрий Гер — владелец сервисного центра'.

— Как насчет Дуа? — подумав, спросила я.

— На мой взгляд, на обложке это не прозвучит… Катя Дуа. Ду — а, — Димка вывел на моём плече изящную финтифлюшку, которую неожиданно закруглил буквой 'О', чем и подсказал мне идею.

- 'DUO' лучше? — Я вскинула на него глаза.

— А это что означает? — Димка даже руку убрал.

— Ну, роман же о любви? А 'duo' означает дуэт. Или — нас двое. Как ты и я. — Я сама потянулась к своему жениху.

— Отлично, — мурлыкнул Димка. — Ну что, отметим рождение новой литературной звезды?

— О да! — Сделав страстное лицо, я нырнула ему на грудь.

Вот так и появилась на свет автор книг Катя DUO.'

Глава 2. Титульный лист

Титульный лист — одна из первых страниц книги, предваряющая текст произведения. На титульном листе размещаются имя автора, название книги, место издания, и т. п.[2]

— 1 —

17 мая 2016 года, вторник.

'В полседьмого утра обнаруживаю себя на разгромленной кухне Дьячкова. Первым делом открываю холодильник, ищу холодный сок или воду. Моё внимание тут же привлекает непочатая бутылка 'Боржоми', заправленная в белый пластиковый 'карман'. Выхватываю бутылку, сворачиваю пробку, делаю несколько жадных глотков. Оглядываюсь. Квартира Дьячкова сейчас очень похожа на дешёвый почасовой отель, а я — на его постояльца. Ещё бы: я стою у холодильника, а на диване валяются мой пиджак и рубашка, правый носок и потерянный 'зайкой' кружевной розовый лифчик. Картину вчерашней

---

[2] Примечания: 2

Титульный лист — одна из первых страниц книги, предваряющая текст произведения. На титульном листе размещаются имя автора, название книги, место издания, и т. п.

пьянки довершают разбитый бокал и сломанная сигарета, прилипшая вместе с осколками к залитому 'Пепси' полу.

Морщась от отвращения, иду в душ. Выдавливаю на палец островок зубной пасты, тщательно чищу зубы и разглядываю себя в зеркале. Зелёное от бессонницы лицо, карие глаза с треснувшим в уголке сосудом, под глазами — синие круги. На шее засос. Одним словом, на лицо (и на лице) — вся медицинская палитра нездорового загула. Хоть иди на передачу к Малышевой и с трибуны объявляй, что нельзя пить, курить и трахаться. 'Докатился, Соболев?' — моё отражение укоризненно глядит на меня. А я спрашиваю себя, почему я снова встречаю утро среди несвежих вещей, ненужных друзей и унизительных мыслей о том, что моя жизнь понемногу превращается в полное дерьмо? Признаваться в этом мне ужасно сложно, но моя душа, застёгнутая на все пуговицы, уже давно гниет без свежего воздуха. Но у открытого сердца есть один существенный недостаток: в него слишком легко плюнуть.

Набираю воду в ладони, долго полощу рот. На прощание показав зеркалу 'фак', выхожу на кухню. Быстро натягиваю несвежую рубашку (что радости тоже не добавляет), прихватываю сумку,

оставленную в прихожей. Проверяю, здесь ли две копии договора и диск с базой данных, которые я вчера успел отобрать у ещё трезвого Дьячкова. Убедившись, что я ничего не забыл, хватаю пиджак, обуваюсь, достаю iPhone и пишу смс: 'Гер, утро! Не забудь, в 16:00 встречаемся у юристов'.

Теперь точно всё. Продвигаюсь к двери.

— Доброе утро, ты уже встал? — слышу позади загадочное.

'Нет, это я оделся, чтобы лечь спать', — так и подмывает сказать в ответ. Оборачиваюсь: подруга моей 'вчерашней', брюнетка Наташа стоит в безразмерной футболке (видимо, выданной ей Германом для девичьих походов в ванную), и, опираясь на косяк двери, ведущей в комнату, внимательно на меня смотрит.

— Ага, доброе. Ты чего поднялась?

'Вернее, какого чёрта?'

— А я пить захотела. — Наташа отлепляется от косяка, выскальзывает из тапочек, и придвигается ко мне ближе. Видимо, 'зайка' ещё не догоняет, что вечер любви закончился, а серое утро развело нас с ней, как мосты в белые ночи в Питере.

— Ты уже уходишь, Артём? А может, мы кофе выпьем? Я хорошо кофе варю. Гораздо лучше, чем в 'Стокманн'.

'Намёк? Предложение переспать? Впрочем, какая разница?..'

— Правда? Жаль, но не получится, 'зайка'. — Я отпираю дверной замок. — Видишь ли, у меня сегодня мать с дачи возвращается. А у неё ключей от квартиры нет, и я должен её встретить.

Но я вру: 'приезд' моей мамы — это мой железобетонный способ быстро сваливать по утрам. Самый надёжный вариант, чтобы не звать к себе 'заек', не провожать их домой и не делить на двоих одно такси. Чтобы обрывать все связи вот так, быстро и мимоходом.

— Мы ещё увидимся? — Наташа трогательно складывает губки бантиком. — Ты позвонишь Оле?

— Безусловно, — снова вру я.

Наташа что-то ищет в моих глазах. И, очевидно, находит ответ, потому что отводит свой взгляд в сторону и говорит:

— Ладно, Артём. Я всё поняла… Я ничего не скажу Ольке… Смешно, но нам обеим всегда нравились такие, как ты. Только я уже 'тёртая', а Олька каждый раз надеется на продолжение. А продолжения никогда не бывает… Не будет его и в этот раз. Ну что, я угадала?

Наташа грустно смеётся. А я в эту секунду ду-

маю, что вчера я был трижды прав, когда хотел её для себя. Красива, умна, ненавязчива — такая могла бы меня понять, не строя особых иллюзий и точно зная, когда наступит конец отношениям без обязательств. Но сейчас даже это невозможно. И мне остаётся только кивнуть Наташе:

— Ты всё правильно поняла, 'зайка'. Не обижайся. И, пожалуйста, закрой за мной двери.

Не дожидаясь лифта, сбегаю по лестнице вниз. Распахиваю дверь подъезда и оказываюсь на улице. Глотнув чистый воздух, ещё не загаженный выхлопами машин, выдёргиваю из кармана мобильный, ищу в 'иконках' 'Яндекс. Такси'. Вызываю машину. Диспетчер сообщает, что жёлтый 'форд' подъедет через десять минут. В ожидании такси присаживаюсь на низкий зелёный заборчик, окружающий периметр сине — белой пятнадцатиэтажки. Тупо рассматриваю заброшенную детскую площадку, шоколадного питбуля, с остервенением роющегося в красно — жёлтой песочнице, и хозяина пса — пузатого чувака с поводком на шее. Мужик равнодушно следит за собакой, отхлёбывает из банки пиво, смачно затягивается беломориной и периодически сплёвывает сквозь зубы, целясь в бордюр песочницы. Сделать бы ему замечание или про-

сто закатать между глаз за такое свинство, но вместо этого вытаскиваю из кармана 'Ротманс' и закуриваю сам. Закашлявшись, давлю в горле противный никотиновый ком, и спрашиваю себя, когда я так изменился? И отчего теперь всеми моими действиями руководят только деньги, похоть, трезвый расчёт и чувство самосохранения? Неужели я стал другим в тот день, когда выбрал себе не ту женщину?

Говорят, измена всегда касается супругов, и никогда третьего. 7 июля 2015 года я вывернул эту истину наизнанку и смог убедиться лично, что измена всегда остаётся изменой, чем бы её вам ни объясняли. Но если первая измена — это как выстрел в упор, то вторая — тот самый случай, когда ты ничего больше не чувствуешь, потому что ты уже мёртв…

От шелухи скорбных мыслей меня освобождает шорох шин подъехавшего автомобиля. Забираюсь на заднее сидение 'форда', видевшего и лучшие времена.

— Доброе утро. Маршрут тот, что указан? — Водитель жизнерадостно улыбается мне прокуренными зубами.

— Тот, — сухо киваю я. — Авиационный переулок, дом восемь. И если можно, то побыстрей.

Дорогу знаете?

— А навигатор на что? Вообще, если б не это устройство… — И тут 'бомбила' заводит утомительный монолог о полезности технологий, о том, что погода в Москве не задалась, что хороший телефон стоит дорого, что автобусы 'подрезают' и что у 'водилы' жена и двое детей в Ульяновске, которых надо кормить, и…

— Простите, — прерываю его изыскания я, — не возражаете, если мы просто помолчим? Мне поработать надо.

Таксист обиженно умолкает и демонстративно включает радио.

Достаю из сумки наушники, и, игнорируя звуки долетающего до меня разухабистого шансона, погружаюсь в мысли о том, каким будет мой портал. Детище Дьячкова носит простое и безыдейное имя 'ЛитСам'. Это то, что всегда раздражало меня. Ещё бы: в нашей стране примерно сорок литературных сайтов имеют в своём наименовании корень 'лит', ещё сорок — местоимение 'сам'. Причем, выглядят эти порталы как клоны, зачатые в одной пробирке и выращенные в одном инкубаторе. Убедиться в моей правоте не сложно, достаточно сравнить все сайты с точки зрения подхода к авторам, к читателям, к структуре пор-

талов и востребованности жанров.

Итак, авторы… Раньше мы были самой читающей нацией — теперь стали самой пишущей. Но мой личный хит — парад самиздатовской глупости возглавляет писательская страница, в логике которой может разобраться только человек, любящий постигать невозможное. Вот скажите, зачем вообще нужна эта страница автору? Чтобы добавлять на неё произведения и оценивать их 'читаемость'. Авторский блог, форум, 'стена' — всё шелуха портала. Привлечь авторов на сайт можно только двумя вещами: большим количеством читателей и удобным размещением книги. И если с первым у Германа было ещё туда — сюда, то со вторым — швах полный. К примеру, процесс добавления книги на сайте, описанный его модераторами как 'быстро, просто, доступно', был сравним по 'лёгкости' с обучением азбуке Брайля. В итоге, писатель, помыкавшись на собственной странице, терял терпение и переходил на другие сайты, где добавлять и убирать свои книги он мог именно 'просто'.

Структура портала… Её венчает вторая 'любимая' мной тема под названием 'жанры'. Угадайте, какой раздел на самиздатовских сайтах лидирует по количеству читателей? Детективы? Любовные

романы? Да ладно, бросьте! Это — силовой секс, обманчиво названный 'эротикой', потому что восемьдесят процентов этой, с позволения сказать, 'прозы' затмевают собой даже качественное шведское порно. Впрочем, написанное для женщин 'порево' доставляло бы и мужчинам, если б не было снабжено слезоточивым сюжетом и постоянным головняком, выпадавшим героине на задницу. В общем, можно до бесконечности развивать эту скользкую тему, неведомо когда ставшую героином для женщин, но я в ближайшие же дни собирался раз и навсегда закрыть этот жанр на своём сайте, потому что авторами я видел не тех, кто 'доставлял', а тех, кто приносил мне доход, не играя на респектабельности.

Отдельной строкой стояла работоспособность портала. И эксергия сайта определялась не готовностью 24x7x365, а прослойкой действующих писателей и читателей. Сайт Германа заключал в своих недрах примерно сто тысяч авторов, причём постоянно писали лишь пятьдесят процентов. Отбросив пиратов, ставящих лицензионные произведения, а также 'семейных' авторов с читательским кругом в пять человек, я получал примерно тридцать пять тысяч писателей. И это количество для меня обозначало не

людей, а показатель рентабельности, к которому примыкал ещё один пласт — прослойка активных пользователей.

Вот здесь надо сразу отделить зерна от плевел — то есть изолировать активных читателей от Интернет — троллей. Понятие 'тролль', кстати, образовано не от мифологического персонажа, а от английского 'троллинг', то есть 'ловли на блесну'. И если активный читатель за год прочитывает примерно триста книг, то тролль, взращённый блогами, входит на портал только с одной целью: спровоцировать автора и читателей на эмоциональную перепалку. Вычислить этот зубодробительный контингент легко. Дело в том, что существует специальное программное приложение, которое 'опознаёт' пользователей, болтающихся на форумах и активно пишущих 'комменты'. Далее остаётся только свести статистику по их комментариям. И если на три негативных отзыва по книгам не приходится хотя бы один положительный, то перед вами не читатель, а тролль — неумный, упорный, навязчивый. Вот эту шелупонь я собирался отключить от своего портала сразу. И не потому, о чём подумали вы. А потому что я не хотел давать этим 'големам' топтать мою денежную полянку — то

есть авторов, приносящих мне деньги.

Как правило, 'тролли' реализовывают себя на разнообразных форумах. На каждой авторской странице портала Дьячкова было отведено специальное место для подобных 'симпозиумов'. Вот скажите, в чём задача автора, книгу писать или проводить пресс — конференции? И в чем рентабельность форума для меня, как владельца сайта, желающего получать прибыль, а не держать за свой счёт место для обсуждения книги одним автором, его тремя читателями и всё тем же троллем, который в жизни не купит ни одну книгу?

Прикинув, что я буду менять в первую очередь, решил начать с имени сайта и назвать убогое детище Германа — внимание, занавес, барабанная дробь! — 'Звёздами самиздата'. Следующим шагом я собирался ввести в портал два ключевых принципа: за книги авторов могли голосовать только читатели; авторы не могли голосовать в принципе. Увы, к этому моменту я хорошо знал, как создавались 'палёные' рейтинги Германа. Например, на его сайте уже год, как крутился один хитроумный чел, возомнивший себя богом русско — народного фэнтези. Писал он так, что блинами разило из каждой строчки текста. Удерживал же он своё первое место тем, что 'гасил' конкурентов

негативными оценками.

Теперь оставалось решить, как привлечь на портал читателей. На текущий момент на 'ЛитСам' их было триста тысяч. Для увеличения количества до полмиллиона, я в самое ближайшее время планировал договориться с авторами и издательствами на полную публикацию у себя самых модных книг.

Вот тут мы и подходим к главному. Давно известно, что нет таких крепостей, которые не взял бы бизнесмен за триста процентов прибыли. Для отбивки 'бабла', потраченного мной на портал, я планировал ввести градацию авторов. Писатели, получившие большинство оценок, как раз и были 'звёздами самиздата'. С остальных авторов, с читательским кругом в пять человек, я собирался брать регистрационные взносы за возможность публикации. Как я уже говорил, на портале Германа было примерно сто тысяч авторов. Откинув тех, кто мог уйти с сайта из-за нововведений, и списав на форс — мажор ещё двадцать процентов, я получал примерно пятьдесят тысяч писателей, с которых я уже в первый месяц планировать снять по сто долларов. Так я молниеносно отбивал пятьдесят тысяч 'зелёных', что, при пересчёте на текущий курс рубля, составляло три с половиной

миллиона. Мне оставалось вернуть ещё пятьсот тысяч. А для этого я планировал к чёртовой матери снести все 'стены' и форумы (обсуждайте книги в социальных сетях, на кухне, а не за мой счёт!), и на освободившемся месте построить издательство на паях с адвокатской конторой.

Но было ещё кое-что, что я не учёл в своей схеме. Моё одиночество разъедало меня, став той хрестоматийной ржавчиной, которое превращало в грязный сток все мои встречи с женщинами. Это следовало немедленно прекратить.

К 16:00, составив в голове план разговора с Германом, натянул джинсы, ветровку, прихватил солнцезащитные очки, вызвал такси и прибыл на Ленинградский проспект, к дому четырнадцать. Отпустив водителя, направляюсь к престижной сталинской 'высотке'. Знакомый подъезд украшен чёрной с золотой табличкой 'Адвокатская контора Дробин и Ко'. Невыспавшийся, помятый, но решительно настроенный Дьячков, облачённый в костюм, уже топчется у крыльца, украшенного затейливыми латунными завитушками.

— Ты опоздал, — заявляет он мне вместо приветствия.

— Во — первых, здравствуй. Во — вторых, я-то

как раз вовремя. Это ты, как всегда, раньше всех. — Я сдвигаю очки на лоб. Солнечный зайчик, отражённый от зеркальной глади моих 'авиаторов', стреляет Герману в правый зрачок. Дьячков недовольно морщится.

— Прости, — я переправляю очки на затылок.

— Ты деньги привёз? — Герман суёт в рот сигарету.

— Если сегодня подпишешь договор, то завтра до двенадцати сделаю перевод всей суммы на твой банковский счет.

Сложив ладони лодочкой, даю ему прикурить, и, как бы между прочим, начинаю второй этап игры, начавшейся вчера в 'Стокманн'.

— Гера, а ты не против, если некоторое время ты для всех побудешь владельцем сайта?

— Тебе моё имя надо? — Герман, как хорошо тренированный пёс, тут же делает 'стойку' на мои 'бабки'.

— В принципе, не особо. — 'Ага, я всегда быстро отбивал атаку на мой кошелёк.' — По большому счёту, могу и своё имя поставить. Но, видишь ли, поскольку я хочу начать с изменений в твоём портале, то было бы неплохо оставить имя прежнего владельца сайта. Так модернизация легче пройдёт. К тому же, ты уже есть в 'Википедии'.

— Триста тысяч, — лихо объявляет Герман.

— Герыч, побойся Бога! — Я смеюсь. — Ты что, фирма 'Apple'?

— Рублей, а не евро, жмот, — недовольно бормочет Гера.

— Ну — у, — прикидываю я, — это я ещё могу. — Поправляю ремень сумки на плече. — Но, видишь ли, я не золотая рыбка, и у меня тоже есть желания. Всего три. Ну как, выполнишь?

— Это какие же? — Дьячков подозрительно косится на меня.

— Дай мне телефон той брюнетки, Наташи, — невозмутимо объявляю я.

— Чего?! — Герман выкатил глаза, как ребёнок, которому объяснили, что конфет в доме нет и не будет.

— Телефон Наташи — это, во — первых, — преспокойно продолжаю я. — Во — вторых, ты с ней больше не встречаешься.

Герман раздражённо пуляет сигарету в урну:

— Соболев, у тебя чердак сдуло?

— И в — третьих, ты с ней больше не спишь. Это всё.

— И всё за триста тысяч? — Теперь Дьячков пытается рыть асфальт каблуком ботинка. — А может, пятьсот тысяч, а?

— Гер, мы не в публичном доме, — я вздыхаю. — И, кстати, учти, что я не Наташу себе покупаю, а плачу за твоё имя. Мне нужна та ссылка в 'Википедии'.

— Тогда, гм, какого… тебе сдалась эта хитрая 'зайка'?

— А это мой личный бонус. Ну как?

Дьячков грызет губы. Я жду — я всегда умел ждать.

— Ладно, Соболев… Уговорил, — в конце концов, скрипит Герман.

И мне остаётся только поздравить себя с удачно завершённой сделкой.'

— 2 —

20 мая 2016 года, пятница.

'Сквозь кремовые шторы в спальню проник золотистый рассвет тёплого майского утра. Открыв глаза, я не спешу вставать. Лежу рядом с Димкой и, заложив руки за голову, вспоминаю свой сон, в котором мне явился тот странный, увиденный мной в 'Меге', темноволосый мальчишка. В моём видении он подошёл так близко ко мне, что я, невольно ощутив тепло и мощь его тела, почувствовала себя маленькой и беззащитной.

— Что вам надо? — едва разлепив губы, испуганно пищу я.

Он промолчал. Наклонился — и я впервые отчётливо разглядела его ярко — карие злые глаза в мохнатых и чёрных ресницах и полный, красиво очерченный рот, сжатый в тугую линию.

— Что вам надо? — Я делаю попытку сбежать, но ноги меня не слушаются, как это часто бывает во сне, когда за тобой гонятся, а ты не можешь сдвинуться с места и ощущаешь ужас.

Но брюнет отступил, чтобы сгинуть в дымке видения, а я проснулась.

И вот теперь, рассматривая мирно спящего Бергера, разглядывая его спокойное во сне лицо с едва заметной щетиной, я размышляла, чем мне запал в душу всего однажды виденный мной человек и чем он поразил меня? Своими ухватками? Тем, что ловко обворожил двух 'заек'? Но на меня, в мои разумные двадцать семь, подобные манеры уже не производили впечатления. Или же меня возмутил его внимательный и недовольный взгляд, которым он 'прошёлся' по моему лицу, груди и ногам? Но мне никогда не нравились мужчины, которые смотрели на меня, как на врага.

Ломая голову над загадкой, я невольно дождалась будильника, который противно заверещал на отметке '07:59' утра. Изогнулась, ловко при-

хлопнула кнопку ладонью. Поцеловала Димку, прошептала ему в ухо: 'Пора вставать', выскользнула из постели и направилась к окну, чтобы поднять шторы. Складывая тугую 'римскую' занавеску в крупные кремовые складки, слышу за спиной скрип тугих пружин и шорох одеяла.

— Катя, — игриво зовёт меня Бергер.

Оборачиваюсь. Димка, лёжа на боку, опирается на локоть взлохмаченной головой и рассматривает меня с тем особенным блеском в глазах, который предшествует сексу.

— Ты такая красивая, — продолжает Димка.

— И что? — я, не сдержавшись, фыркаю.

— Это был комплимент. А теперь иди сюда, — и Димка игриво хлопает ладонью по простыне.

— А это ещё зачем?

— Если послушаешься, то я сделаю тебе хорошо, — вкрадчиво шепчет Димка.

— Дим, вот скажи мне честно, — поворачиваюсь спиной к подоконнику и опираюсь ладонями о его гладкую пластиковую поверхность, — ты меня выбирал по какому принципу? Женщина — грелка, девушка с характером, или Катя с головой на плечах?

— Мне нужна женщина, которая мне подходит, — серьёзно говорит Бергер.

— То есть ты выбирал по принципу 'чувства — хорошо, а разум лучше'? А раз так, то я очень тебе советую посмотреть на будильник. Сколько сейчас времени?

— Мать моя в кедах! — Димка выпрыгивает из кровати и пулей несётся в ванную.

— Вот именно, — киваю я и запахиваю халат, — и мне твой секс длиной в две минуты не нужен!

Через полчаса, накормив Бергера оладьями и яичницей, всучила ему, упирающемуся, список нужных для дома покупок (пятикилограммовая бутыль 'Лоск', двухлитровый гель — концентрат 'Вернель', три килограмма картошки), после чего с чувством выполненного долга выдохнула, притащила ноутбук в комнату и устроилась на диване. Позвонила на работу, выяснила, что на меня сегодня желающих нет, распрощалась до понедельника и, наконец, занялась тем, что ещё вчера просила моя душа: с трепетом открыла файл со своим первым литературным детищем.

Мой любовный роман назывался ёмко и интригующе: '#Двое'. Внутри интриги лежала модная тема противостояния, где главный герой стал заложником обстоятельств, а героиня — его мишенью. Сюжет строился на том, что делец тридцати лет сделал 'стойку' на женщину, но был

вынужден выбирать между ней и своими амбициями. Динамику развязке добавляли четыре откровенных сцены. Венчало же моё произведение искреннее посвящение: 'Дмитрию Бергеру, герою на все времена'. И вот теперь мне остаётся только разместить мою книгу на самиздатовском сайте. Но прежде, чем выносить свой роман на строгий суд читателей, я решила как следует познакомиться с порталом. И я набираю в поисковой строке уже знакомый веб — адрес. Ссылка тут же приводит меня на страницу портала 'Звёзды самиздата'.

'Не поняла… а куда делся скромный 'ЛитСам'?'

Проверяю адрес. Всё правильно, но со среды действует переадресация. Значит, хозяин сайта решил обновить портал? А зачем, спрашивается? Посерфив страницы новоиспеченных 'Звёзд', с удивлением оцениваю новый, качественный, но не перегруженный дизайн, легко запоминающийся логотип (звезда и буквы 'С' и 'И', раскинутые на лучах) и перехожу на авторскую страницу. Изучаю её и с удивлением обнаруживаю, что мне здесь всё нравится. А что читатели, как они восприняли модернизацию? Заглянула в комментарии, оставленные только на главной странице. Оказалось, практически ни один че-

ловек не остался равнодушным к новшествам. И хотя кое-кто дал изменениям негативную оценку, подавляющее большинство сошлись на том, что владелец портала — гений.

Вот тут мне становится очень интересно, а кто такой, этот Герман Дьячков? Набираю в поисковой строке имя владельца сайта. Первая же ссылка приводит меня в 'Википедию'. Открываю статью — и замираю, как кролик под светом автомобильных фар. Ещё бы: уважаемая Интернет — энциклопедия неопровержимо свидетельствует, что креативным владельцем портала и господином Дьячковым в одном лице является — занавес, барабанная дробь! — тот самый блондин, виденный мной в 'Меге'. Потаращившись на фотографию импозантного 'старого' знакомого, всё-таки фыркаю. Роберт Харрис недаром писал, что проделок судьбы нельзя избежать, потому что каждый из нас прикован к ней, как к движущейся тележке. Приедешь сам — или судьба притащит тебя к пункту назначения волоком.

Мысленно поблагодарив фортуну, благосклонную ко мне, пробегаю глазами пять абзацев, посвященных Дьячкову. Оказывается, Герман родился 11 марта 1989 года, в Москве, как и я. Закончив Государственный университет

управления, создал свой собственный бизнес — самиздатовский сайт 'ЛитСам', который недавно прошёл монументальную модернизацию. Порылась в закладках с фотографиями Дьячкова. Перебрав три однотипных изображения, где Герман красуется в компании изящных 'заек' чисто модельной внешности, усмехаюсь, но беру этот факт себе на заметку.

Захлопнула поисковые 'окна' и принялась размышлять, каким образом в Германе уживаются несочетаемые вещи. Ему явно нравились женщины, а значит, и он должен был иметь подход к ним. Но там, в 'Меге' Дьячков удовлетворился выбором, сделанным за него мальчишкой. Так неужели Дьячков привык быть на вторых ролях? Но бизнесмены — это всегда лидеры, и это я хорошо знала по своему Димке. Так в чём же дело? Раскладывая так и эдак не состыковывающийся пасьянс, я так и не придумала вразумительного объяснения. В конце концов, махнула на всё рукой и зарегистрировалась на портале. Получив доступ к авторской странице, подумала — и добавила туда свою собственную фотографию (портретный снимок, сделанный Бергером — так, ничего особенного). После чего отыскала кнопку 'выложить книгу' и 'влила' в 'Звёзд самиздата'

свой роман. Секунд через пятнадцать мелькнула иконка входящей почты. Открыв приложение, вижу ответ от 'Звёзд самиздата'. 'Уважаемый автор', — читаю я очень пафосное начало. Поздравив себя с тем, что Димка посоветовал мне такой великолепный сайт, быстро пробегаю письмо глазами — и окаменеваю. Ещё бы: мой личный 'звёздный час' длился всего три секунды!

'Уважаемый автор, — сухо гласит короткий ответ, — главный редактор портала, г — н Дьячков, получил Вашу заявку на публикацию. К сожалению, в настоящее время Ваше произведение не может быть размещено на сайте. За разъяснениями рекомендуем обратиться к главному редактору и владельцу портала, так как политику работы с новыми авторами с 18 мая 2016 года определяет лично он. С уважением, модератор 'Звёзд самиздата''.

'Ну ничего себе…'

Первым моим устремлением было послать 'Звёзд самиздата' в… куда подальше, и попытать счастья в каком-нибудь ином, менее 'звёздном' месте. Вторым моим желанием было позвонить Бергеру и высказать Димке всё, что я думаю по поводу его советов. Вместо этого сбросила с колен ноутбук, побегала по комнате и пару раз мыслен-

но 'приложила' Димку, 'Звёзд' и непостижимого Дьячкова. Наконец, взяла себя в руки и вернулась к компьютеру. Разглядывая письмо, срубившее мои белые крылья, я размышляла о том, почему придурок Дьячков не принял мою книгу? Ведь в ней было учтено всё: и динамичность сюжета, и реалистичность характеров, и даже модный жанр. Но роман, тем не менее, был отвергнут. Из-за чего? И тут мне припомнилась одна из первых лекций, прослушанных в институте.

' — Коллеги, — пожилой профессор расхаживает по миниатюрной сцене огромного зала кафедры современной русской литературы, — запомните раз и навсегда: вы можете писать книги, которые заслужат признание профессиональных критиков. Вы можете даже получить Букеровскую премию или же Нобелевскую премию по литературе. Вы можете публиковаться только в самых крупных издательствах и получать солидный гонорар, но если вас не будут читать, то, как автор, вы — никто. Без читателей вы просто не существуете'.

Тогда, сидя за длинной партой и разглядывая в огромном университетском окне ясное, синее небо, я отчётливо, раз и навсегда, сформулировала свою жизненную цель. Я хочу стать читаемым

автором. Именно поэтому я так долго училась писать. Именно поэтому я не поставлю крест на своём первом романе. Это было просто выше моих сил. А значит, мне предстояло бороться за то, во что я верила. И начать я должна была с себя: забыв о гордости, выслушать мнение владельца сайта. Не зря же, в конце концов, этот странный Дьячков, судя по письму модератора, был готов ответить мне на претензию?

Вот так, вооружившись скромностью, мудростью и несвойственным мне терпением, я скопировала адрес Дьячкова в почту и написала: 'Уважаемый Герман, спасибо за ответ. Мне искренне жаль, что моя книга Вам не понравилась. Не могли бы Вы пояснить мне, что я должна исправить в ней с тем, чтобы моё произведение было опубликовано? С уважением, Екатерина DUO'.

Я отправила письмо, и теперь мне оставалось только ждать ответ.'

Глава 3. Эпиграф

Эпиграф — это изречение, краткая цитата перед книгой или его частью, характеризующая основную идею произведения.[3]

— 1 —

20 мая 2016 года, пятница.

'В пятницу вечером, окончательно одурев от объяснений с тупым модератором, втолковал ему, что если он не придёт в себя, то я его просто уволю. После чего дело пошло быстрей: появились и требуемый мной шаблон, и служебное рвение. За пять минут получил список неактивных авторов, который до этого просил полчаса. Ещё через час вычленил тех, кто не представлял свою жизнь без 'ЛитСам' и скопом направил всей группе письмо с предложением заплатить регистрационный взнос. Ответы (как и денежный ручеёк) полились рекой. Письма я перепулил в модератора (пускай кувыркается), а сам сложил 'процентовку' тех, кто обещал заплатить. Просчитав, что уже в следующую среду у меня на

[3] Примечания: 3

Эпиграф — это изречение, краткая цитата перед книгой или его частью, характеризующая основную идею произведения.

кармане будет сорок тысяч 'зелёных', поздравил себя с тем, что нюх снова меня не подвёл, и с неохотой взялся за то, от чего полдня бегал. Мне предстояло просмотреть книги новых авторов. Для начала разложил 'прозы' по жанрам. Тех, кто писал интеллектуальные детективы или современную прозу, сразу поставил на ленту. По тем, кто работал в жанре 'приключения' и 'фэнтези', сделал отметку 'подумать'. Сочинения тех, кто 'катал' любовные романы, решил почитать завтра.

Потерев воспалённые глаза, собираюсь пристроить планшетник на подзарядку, когда замечаю письмо, направленное мне некой Екатериной DUO. 'Ё — моё, ну и фамилия… Это ещё кто?'

Но ник меня зацепил и я, чисто из спортивного интереса, открываю имейл. Читаю: 'Уважаемый Герман, спасибо за ответ. Мне искренне жаль, что моя книга Вам не понравилась. Не могли бы Вы пояснить мне, что я должна исправить в ней с тем, чтобы моё произведение было опубликовано?'

'Ну ничего себе… Самоуверенная особа.'

Так, а мне-то что делать? Сразу послать её, или попросить заплатить мне? Или же сначала взглянуть на то, что она написала? К последнему меня

склоняет тот факт, что современные любовные романы сейчас на пике моды.

Вздохнул и с ногами завалился на диван. Пристраиваю планшетник к колену, и, готовясь 'насладиться' 'шедевром', открываю первую страницу романа '#Двое'. Мой взгляд тут же падает на эпиграф: 'Дмитрию Бергеру'. Зажмуриваюсь. Через секунду перечитал посвящение. Нет, я не ошибся: действительно, книга посвящена именно Дмитрию Бергеру. На сетчатке моих глаз немедленно встаёт та женщина. Впиваясь ногтями в зелёную обивку дивана, резко сажусь. Замечаю, что мои руки начинают мелко дрожать, а костяшки пальцев белеть. Отбрасываю планшетник, как ядовитую гадину, в сторону. Запустил пальцы в волосы, стиснул зубы, закрыл глаза…

Когда и как мужчина выбирает себе женщину?

— Мама, с днём рождения! — Прижимая к груди корзину роз, я взлетаю на крыльцо аккуратного двухэтажного домика из красного кирпича, где живут мои родители.

— Тёмочка, мальчик мой, приехал! Здравствуй… О, какие цветы! Спасибо за то, что помнишь, как мне нравятся розы. — Мама потянулась за цветами и за моей головой, чтобы поцеловать меня в щёку.

— Как жаль, Вы не сказали мне, что у Вас день рождения, — услышал я позади низкий чувственный голос. — Я бы не стала бы вам мешать и зашла со своим вопросом попозже.

Оборачиваюсь. Сначала увидел огромные блестящие серые глаза, потом хищный алый рот и чёрные, струящиеся по плечам, волосы. Она была немногим старше меня. Зовущая, манящая. И прекрасная.

— Артём, познакомься, это наша соседка, Алла Викторовна Бергер. — Мама, явно гордясь мной, торжественно водрузила розы на стол. — Зашла поинтересоваться, к кому лучше обратиться по электросчётчикам.

— Здравствуйте, Алла, — глядя в призывные чёрные зрачки, медленно произнёс я.

— Артём? Ну что ж, здравствуйте…

Когда я влюбился в неё? Тогда, с первого взгляда? Или чуть позже, когда после ужина, на который пригласила её моя мама, я проводил Аллу до ворот её коттеджа и узнал, что завтра она возвращается в Москву? Или — когда она мне сказала, что мы вряд ли ещё раз встретимся, потому что свой дом она продаёт, чтобы вложить деньги в дело?

— Я могу завтра подбросить Вас до Москвы, —

боясь услышать в ответ 'нет', предложил я.

Взмах ресниц, лукавый взгляд и улыбающийся уголок алого рта. Алла всё поняла про меня. Впрочем, она всегда понимала меня, потому что с первой секунды 'прочитала' меня — нет, не как раскрытую книгу, а как блокнот, исписанный моим крупным почерком.

— Вам очень хочется меня подвезти? — засмеялась она.

— Да.

— Ну что ж, если удобно, то подвезите, Артём…

В двадцать пять у мужчины понятия 'похоть' и 'любовь', как правило, разделимы, но, глядя на Аллу, уютно устроившуюся рядом со мной, на заднем сидении автомобиля, чувствуя аромат её кожи и влекущее тепло её тела, я чётко осознавал, что в этот раз всё будет по — другому. Она влекла меня своей отстранённостью и тем, что сразу дала мне понять: в любых отношениях она всегда будет главной. А ещё я подумал, каково это засыпать и просыпаться рядом с ней? И как это, каждое утро вставать и видеть её улыбку?

Мы остановились у её дома, я открыл ей дверь машины, проводил до подъезда.

— Прощайте, Артём.

— Я бы хотел с вами встретиться.

Алла изогнула бровь.

— Артём, вам сколько лет? — усмехнулась женщина.

— Двадцать пять, а что? — обиделся я.

— А мне почти тридцать.

— А мне это всё равно. Или у вас кто-то есть?

Алла долго меня рассматривала.

— Такой смешной мальчик. И какие потрясающие, открытые всему миру, глаза… — Алла наклонилась, чтобы на прощание поцеловать меня. Я успел перехватить её руку и дерзко впился ей в рот. Через месяц мы стали любовниками…

Желание — это худшее из зеркал: на себя невозможно взглянуть со стороны, когда хочешь по — настоящему. И чем запутаннее отношения, тем сильней влечение. Алле нравилось заниматься любовью, но она ничего не рассказывала о себе.

— Скажи, а что с твоим бизнесом? — В одну из наших коротких встреч спросил у неё я.

— Ничего не получается. — Обнажённая Алла задумчиво отвела глаза. — Знаешь, я так хочу построить сервисный центр, но ничего не получается. Ни — че — го.

— Женщина, что ты смыслишь в машинах? — усевшись на корточках напротив неё, полушутя — полусерьёзно спросил я.

— Мальчишка, а что ты понимаешь в бизнесе? Ты же не водишь, — Алла изогнулась и шутливо щёлкнула меня по носу. Задетый за живое, я в первый раз откровенно рассказал ей, на что я способен. Надо ли говорить о том, что ровно через два месяца сервисный центр Аллы заработал?

Какие токи идут от женщины к мужчине? И почему частота ударов сердца женщины превращает в раба одного мужчину, когда второй просто женится на ней и руководит всеми её устремлениями?

— Алла, ты знаешь, какой сегодня день? — 7 июля 2015 года я сидел на диване, прижимая к себе ещё свою женщину.

— Знаю, — Алла потерлась мягкой щекой о мою ладонь. У неё была смешная привычка забавно морщить нос, отчего от внешних уголков её глаз разбегались лучики.

— Нет, не знаешь. У нас сегодня не просто годовщина. — Я аккуратно перенес её, ещё смеющуюся, на стол, раздвинул ей колени и встал между её ногами. Опустил руку вниз и, глядя в её моментально обточившееся от желания лицо, дразня её, медленно выдвинул ящик письменного стола. Достал обитую красным бархатом коробочку и поставил её на гладкое колено Аллы.

— Что это?

— А ты открой. — Я игриво подтолкнул футляр вверх по её бедру.

— Артём, а это случайно… случайно не то, о чём я подумала?

Алла отвернулась, но я успел увидеть в её глазах страх и неуверенность.

— Да, это именно то. Я люблю тебя.

Алла неохотно протянула руку к футляру. Я, поглаживая её ноги, внимательно наблюдал, как она достаёт выбранное мной обручальное кольцо: белое золото в два обруча.

— Какое красивое, — прошептала она.

— Выходи за меня замуж, — прислонившись лбом к её лбу, попросил я.

— Всё не так просто, — Алла высвободилась из моих рук и аккуратно вернула кольцо в коробочку.

— Скажи 'да', — настаивал я.

— Подожди.

Пытаясь уговорить её на свой лад, я начал укладывать её на стол:

— Скажи 'да'.

— Артём, хватит. — Оттолкнув меня, женщина спрыгнула со стола.

— Что не так?

— Всё не так. Просто…я уже замужем.

В тот день она прикончила меня в первый раз. Но мёртвым меня сделал именно Дмитрий Бергер. Потому что я, дурак, с неделю промучившись от безысходности, тоски и ревности, сам к нему поехал. Отправился в тот самый сервисный центр, созданный мной для Аллы.

— Я хочу, чтобы вы дали вашей жене развод. За это я обещаю забыть, что в этот бизнес вложены мои деньги и время, — прямо с порога заявил я.

— Ты думаешь, это я держу Аллу? — Тридцатилетний, харизматичный мужчина насмешливо разглядывал меня, сидя за столом в созданном мной офисе.

— Да, — кивнул я. — Она боялась вас обидеть, она думала…

— Ты знаешь, что такое хороший брак? — Дмитрий Бергер поднялся и теперь стоял передо мной, покачиваясь с пятки на носок. — Брак — это прежде всего партнёрство.

— Я разорю ваш бизнес, если вы не отпустите Аллу, — ещё не понимая, что я услышал сейчас, пригрозил я.

— Ты ничего мне не сделаешь. — Бергер отвернулся и подошёл к окну. — Ты ничего мне не сделаешь, — лениво повторил он, рассматривая

парковку, полную страждущих автовладельцев. — Алла говорила, что ты не сторонник теневых игр и всегда играешь в открытую. Но ты так ничего не понял о моей, теперь уже бывшей, жене. Наш с Аллой развод состоялся ещё полгода назад. Я бы и раньше отпустил её, но она так цеплялась за меня… подарила мне эту фирму… Видишь, как получается? — Бергер усмехнулся. — Ты отписал свою долю Алле, а она всё отдала мне… Я с самого начала знал о тебе, но меня Ваши отношения устраивали.

— Почему? — Я, как утопающий, схватился за косяк двери.

— Почему? — Бергер обернулся и неприятно осклабился. — Ну, наверное, потому что ничто так не лечит самолюбие брошенной женщины, как влюблённый в неё мальчишка. Я тебе не соперник, мальчик — это ты был третьим лишним…

Чуть позже я высчитал, что эта сцена заняла ровно три минуты. За это время меня расчленили, выпотрошили и вышвырнули на помойку. Но я собрал себя по частям и даже научился ровно дышать. Правда, я не мог больше работать. Вычеркнув из телефонного списка всех друзей, знавших про меня и про Аллу, я с месяц прова-

лялся на диване. Глядел в потолок и без конца представлял, как Алла раскаялась и вернулась ко мне. И что любила она только меня. И только мне подставляла губы для поцелуя.

Потом пришёл день, которого я боялся больше всего: Алла не просто продолжила жить, а снова вышла замуж и навсегда переехала в Санкт — Петербург. Она ни разу не позвонила мне, ни разу не написала. А я? А я стал объяснять себе, что вся наша история с ней совсем не конец света и что так случается почти со всеми моими ровесниками. Я утешал себя тем, что миллион раз читал про это в социальных сетях, препарируя чужую жизнь и чувства таких вот, как я, лишних. И при этом отчётливо понимал, что я снова вру себе, потому что 'со всеми' это совсем не 'с тобой'.

Дальше были загулы, попытка работать и новые поиски забвения. В конце концов, я смог убедить себя, что я никогда не любил Аллу.

И вот сейчас, когда прошёл почти год, как я потерял её, я больше не хочу себе лгать. Я любил её. Любил любой, хотя это она командовала мной и вечно мной помыкала. Любил, и именно поэтому мой счётчик написанных ей сообщений зашкалил за нереальную отметку в восемьсот семьдесят три смс — ки. Но я больше не тот герой,

которым я был. Я перестал воевать за женщин, бросаться за них в огонь, в воду и на амбразуры. В мире, в котором отныне я существую, больше не берут пленных. Да, я сумел покинуть все миры, в которых жила Алла, но вокруг меня по — прежнему вращаются созданные ею планеты. И одной из этих планет является её бывший муж. Быть может, мелочная месть — это плохое лекарство от растоптанной любви и попранного самолюбия, но почему бы мне не восстановить справедливость и хоть на миг не показать Дмитрию Бергеру, как чувствует себя униженный человек? И что это такое, быть третьим лишним?

С этой мыслью я возвращаюсь на диван. Беру ноутбук и подключаю авторскую страницу Екатерины DUO. Для начала я хочу знать, кто эта женщина и как она выглядит. И если она похожа на Аллу, то ей не поздоровится. Google 'вращает' мышку. Я всё ещё жду. И наконец, на мониторе возникает изображение, заставившее меня замереть на месте. Матьтвоютак, поверить не могу: передо мной — блондинка, которая в 'Меге' нахально и самоуверенно промаршировала мимо меня. Стервозная девчонка с ногами от ушей и юным лицом мадонны даст фору даже Алле. Воистину, этот мир полон красивых женщин. Вот

только женщины в это мире давно не красивы сердцем. Наученный горьким опытом, я знаю, что под маской красоты женщины часто делают гадости. И если б я сразу взял Аллу в оборот, то всё было бы иначе. Но с этой Катей DUO у нас получится неплохой дуэт. Я бы даже сказал, особый…

Вот только он вряд ли обрадует её. Впрочем, мне это всё равно.'

— 2 —

21 мая 2016 года, суббота.

'Суббота утром. Димка, на прощание чмокнув меня в нос, опять убежал в свой офис. В последнее время в его сервисном центре что-то не заладилось, и он пропадал на работе все выходные. Вопрос со свадьбой тоже подвис, но я принимала Димку таким, какой он есть, и не доставала его расспросами. Правда, однажды я предложила ему помочь, на что он самолюбиво ответил, что в моей помощи он не нуждается и решит все вопросы сам. И я отступила: я никогда не любила навязываться. К тому же, все свои проблемы я тоже привыкла улаживать сама, и именно поэтому не стала говорить Димке, во что мне обошёлся вчерашний день и общение с модератором 'Звёзд самиздата'. Я не хотела лишний раз расстраивать своего жениха. Слоняюсь по квартире и думаю,

чем бы заняться. Мои размышления прерывает звук почты. Беру телефон. В отправителях значится Герман. Похоже, моё письмо и ставка на фотографию всё-таки сработала?

Улыбаюсь, открываю 'входящие', ищу письмо.

'Добрый день, Катя…'

'Добрый день, Катя. Я получил Ваше письмо и прочитал Вашу книгу. И я скажу Вам честно: я не уверен, что Ваш роман будет хорошо воспринят читателями. Вы, как я понял, автор молодой? И хотя в мои задачи не входит поддержка начинающих писателей, но я готов рискнуть и поставить Вашу книгу на ленту, если Вы докажете мне серьёзность своих намерений'.

'Не поняла… Что он хочет вымутить с меня? Деньги за публикацию?'. Внутри меня поднимается волна праведного возмущения. Продолжаю читать письмо:

'Я предлагаю Вам очень простое пари. Напишите то, что у Вас получается лучше всего. Удивите меня чем-нибудь. С уважением, Г. Дьячков'.

'Ну ничего себе…'

'Добрый день, Герман! Лучше всего у меня получается писать о природе. О чем бы Вы хотели прочитать? О зайцах или о погоде? С уважением, Катя'.

'Вот тебе.'

Отправляю письмо. Проходит две секунды.

'Мне нравится Ваше чувство юмора, Катя, но роман у Вас не про 'заек', а про чувства. Ведь Ваша книга про любовь? Вот и удивите меня описанием какой-нибудь чувственной сцены'.

Сейчас у меня вообще нет слов. Подумав, пишу: 'Герман, простите, а те чувственные сцены в романе Вас не вдохновили?'.

Я напечатала это и прикусила губу. Кажется, мы разругаемся. Но моя книга держит меня, и я начинаю молиться, чтобы хозяин сайта не оказался слишком самолюбивым и чересчур обидчивым. Впрочем, у Германа, видимо, хорошее чувство юмора, потому что ко мне приходит моментальный ответ:

'А что, там было про чувственность? Простите, но мне показалось, что все эти сцены взяты из Камасутры'.

'Даже в жизни половой надо думать головой', — вот что мне хочется написать ему. Но я — девушка воспитанная, к тому же Дьячков явно меня провоцирует. И я начинаю размышлять, как перевести диалог в то русло, которое станет неудобным ему. Обдумав коварной план чисто женской мести, печатаю Дьячкову:

'Герман, поскольку Вы по роду своих занятий читаете много книг, то, безусловно, можете показать мне хороший пример. Поэтому предлагаю поступить следующим образом: я присылаю Вам два небольших этюда собственного сочинения. А вы мне — два своих. Оценивать все четыре композиции будем мы с Вами'.

'А если я Вас обману и скажу Вам, что Ваши этюды мне не понравились?', — приходит в ответ.

'В таком случае, я выложу всю нашу переписку в Интернет или на Вашем сайте, и предложу читателям высказать своё мнение. Уж от этого-то Вы точно не отвертитесь!'.

Да, я пустилась на шантаж и откровенно рискую, но мне почему-то кажется, что этот человек заглотит мою наживку.

'Ладно, Катя'.

'Вот ты и попался, Дьячков!'

'Отлично, — быстро, пока Герман не сообразил, что к чему, печатаю я. — Тогда Вам и карты в руки. Жду от Вас первый этюд. Две тысячи знаков, срок — два часа. Время пошло. Катя'.

Посмеиваясь, жду, что он ответит мне. Письмо Германа приходит только через десять минут. Недовольство сквозит в каждой букве: 'Ладно. Хорошо. Согласен'.'

Глава 4. Переплёт

Переплёт — плотная оболочка книги, состоящая из передней и задней сторон, соединённых в корешке.[4]

— 1 —

21 мая 2016 года, суббота.

'Вы думаете, я хороший бизнесмен? Я — идиот! Попал в переплёт хитрой стерве, с которой решил чуть — чуть поиграть. Я-то рассчитывал, что она соскочит с пари и предложит мне денег, которые я, псевдо — Герман, попрошу её передать через своего друга. Ну, а дальше включается банальный 'съём': 'Здравствуйте, Катя, меня зовут Артём… И мне тоже очень приятно… Ой, а не вас ли я видел в 'Меге'? Надо же, как забавно, что нас снова свела судьба… Да — да, Герман — мой хороший приятель. Он мне всё рассказал про вашу с ним переписку и попросил меня встретиться с вами только с одной целью: он просит искренне извинить его за ту глупую шутку с этюдами… Почему он сам с извинениями не пришёл? Ну, ему это не

[4] Примечания: 4

Переплёт — плотная оболочка книги, состоящая из передней и задней сторон, соединённых в корешке.

к лицу, он, знаете ли, всё-таки владелец портала… Нет — нет, какие взносы, что вы, что вы… Я, кстати, тоже пробую писать. Вы не могли бы дать мне совет, как начинающему автору?'.

Дальше обмениваешься с девочкой телефонами, ведёшь себя по — джентельменски, общаешься только по — дружески. Потом включаешь прикосновения и лёгкий шёпот на ухо. Затем следуют объятия, поцелуй и — опля! — вы уже спите вместе. Дальнейшее — по обстоятельствам. Например, ты можешь намекнуть Кате DUO, кто такой Дмитрий Бергер. Или — с её помощью найти на него такой компромат, который прельстит 'налоговую' и прикончит созданный мной сервисный центр. Или же — ты отправляешься к Бергеру и объясняешь ему, что его девушка у тебя в любовницах. В общем, как вы понимаете, у меня была целая куча вариантов, как наставить этому козлу рога. Вместо этого я, самоуверенный осёл, сам угодил в историю. Правильно говорят, что если мужчина приобретает хитрость, то женщина с ней рождается…

Ну, а мне-то что делать теперь? Нанять за пару сотен какого-нибудь писателя, который за пару часов состряпает мне две тысячи знаков о чувственности? Но, во — первых, за это время никого

приличного я не найду, а во — вторых, хоть я и не большой спец в любовной литературе, но у меня пока хватает мозгов, чтобы понять: невозможно подделать оригинальный стиль автора.

В очередной раз обозвав DUO 'хитрой гадюкой', как приговорённый к смертной казни, ползу к столу и сажусь за ноутбук. Настраиваюсь на 'творчество'. Господи, как люди вообще пишут книги, романы, истории? Ведь в голове — масса мыслей, куча образов, горы сюжетов, а попробуешь переложить их в слова — и всё, ты не у дела. Или у авторов есть тот особый секрет, который зовётся Музой? Но Муз в наше время фимиамом не призовёшь. А может быть, авторы — как те пылесосы? Втягивают в себя всё, что видят, чувствуют и слышат, после чего перетряхивают полученный сбор и выуживают самое ценное? И если это так, то у меня есть шанс написать свой этюд.

Откидываюсь в кресле, открываю фотографию DUO и представляю, каким могло бы быть наше знакомство, если бы Аллы и Дмитрия Бергера никогда бы не существовало на свете. Наверное, я сидел бы в каком-нибудь маленьком кафе, но, увидев Катю, подошёл бы к ней и сделал всё, чтобы она от меня не сбежала. Я рассмешил бы её какой-нибудь шуткой, а она бы мне улыбнулась.

Я пригласил бы её в кино, или на чашку чая, а она бы согласилась. И, сидя в тёмном зрительном зале — или же рядом с ней на мягком и низком диване в маленьком кафетерии, я бы в первый раз взял её за руку. И если б она не отдёрнула ладонь, то я переплёл бы с ней пальцы. Проводил бы её до дома, и, устроившись рядом с ней в такси, всю дорогу смотрел на неё, замирая от аромата её духов, прикосновения, нечаянного взгляда. И там, у её подъезда, я обязательно попытался бы её поцеловать…

'Ты не знаешь ни моего лица, ни тела, ни моего запаха. Я никогда не касался тебя. Я не приходил к тебе даже во снах. Но ты очень мне нравишься, и я точно знаю, чего я хочу от тебя. Помнишь, ты описывала в своих книгах, как целуются влюблённые? Но ощущала ли ты такой поцелуй сама? Я расскажу тебе, как это могло бы быть у нас.

Представь себе свой дом, подъезд и одинокий двор. В темноте нет звуков, шорохов и голосов — здесь сейчас только ты и я. Я отпускаю такси и, когда оно отъезжает, делаю шаг к тебе. Ты отступаешь, но я подхожу к тебе вплотную. Моё лицо — над тобой. В протесте или испуге ты вскидываешь вверх руки. Я перехватываю твои ладони и кладу их себе на шею. Ты в первый раз

прикасаешься ко мне. Пока ты узнаёшь меня, я наклоняюсь и легко целую тебя в губы. Вот так я забираю твой страх и жду твоё первое 'да'. Ты не ожидала, что я проявлю столько нежности и ласки? Пока ты размышляешь, что у меня на уме, я быстро кусаю тебя в губы. Набрав воздух в лёгкие, ты учишься ровно дышать, а я закидываю назад твою голову. Твой первый полувздох — полустон даёт мне понять, что я близко к тебе, Катя…

Ты изгибаешь спину. Обхватив твой затылок одной рукой, второй провожу под твоей грудью. Твоё сердце срывается в быстрый такт. Выгибая тебя на руке, осторожно прикусываю мочку твоего уха. Чтоб приглушить твой тихий стон, я шепчу тебе, как сильно ты мне нравишься. И это действует на тебя возбуждающе, а близкое расположение моего рта усиливает звук шёпота.

И всё равно ты по — прежнему не торопишься мне отвечать, поэтому у меня есть право решать, как мне целовать тебя. И я завожу ладонь тебе на талию. Моё дыхание обжигает твой рот, и я касаюсь кончиком языка твоих губ, пробуя приоткрыть тебя. Ты отворачиваешься. Но я упрям, поэтому обязательно повторю это позже. А пока я опускаю лицо к изгибу твоей груди. Мой бог, как сладко ты пахнешь…

Твои ладони становятся влажными, а сердце ускоряет ритм. И я возвращаюсь к твоим, теперь уже приоткрытым, губам. Я чувствую твоё дыхание, и проникаю в твой рот. Я знаю, как творить с тобой чудеса, ведь мой талант — это изобретательность. Сила, с которой я впиваюсь в тебя, решает всё. Я беру тебя за подбородок и поднимаю твоё лицо в направлении нашего поцелуя. Я помню, как тебе нравилось, когда я тебя трогал. Но теперь я хочу, чтобы ты сама прижалась ко мне. И ты поддаёшься, Катя. Твоё дыхание становится рваным и перемешивается с моим… Казалось бы, всего одно движение — и ты уже моя… Но я ставлю точку и жду от тебя продолжения'.

Прочитав то, что я написал, захлопнул ноутбук. Разыскал сигареты и пулей вылетел на балкон. Стою, курю, рассматриваю пустой двор и думаю, плакать мне или смеяться? С одной стороны, 'проза', несомненно, 'удалась'. С другой, я — взрослый чувак, хозяин крупного сайта, описываю свои чувства и поцелуи. Да тот же Дьячков будет ржать надо мной, как конь над овсом, если только узнает об этом. Так может, ну её к дьяволу, эту DUO? Поставлю её роман на ленту, и дело с концом. От меня не убудет. Правда, в этом случае мне также придётся авансом признать, что я ни

черта не смыслю в деле, которым я занимаюсь. А значит, выхода у меня нет. Фак. Меня 'сделали'. Она меня сделала!

Я злюсь на себя, на Бергера, на Дьячкова. На эту Катю с немыслимым псевдонимом 'DUO', так ловко навязавшую мне свою игру, и… Так, стоп. Для этой Кати я кто? Герман Дьячков или Артём Соболев? А раз для DUO я Герман, то с него и весь спрос. Конечно, рано или поздно, Катя узнает, кто я такой. Но ведь и я всегда могу сказать, что я не писал никакой 'прозы'? Например, совру, что нанял автора, вот и весь сказ. И кстати, подобное 'творчество' может сблизить нас с Катей раньше и проще, чем я себе распланировал.

От этой мысли у меня повышается настроение. Щурясь на яркое солнце, с удовольствием докуриваю сигарету, возвращаюсь в комнату, сажусь за стол. Вычитываю текст и, ощущая себе Пелевиным, Остером и Николаем Глазковым в одном лице, направляю Кате своё первое произведение.

'Ловите, Катя, — пишу я. — С Вас — продолжение. Две тысячи знаков и полтора часа времени'.'

— 2—

21 мая 2016 года, суббота.

'Да кто он такой, этот Герман Дьячков? Нет, он, конечно, не мастер любовного жанра, но то, что

прочитала я, меня несомненно тронуло. И если откинуть романтику, чувственность и включить рассудок, то разум подсказывает мне: Дьячков знает, как управляться с женщинами. А ещё — он провокатор. Приняв пари, он всё-таки меня обставил, навязал свои правила игры и быстро поднял ставки. И если б я хорошо разбиралась в картах, то я бы сказала, что Герман Дьячков затеял дьявольский покер. Откуда я знаю об этой игре? Ну, Димка как-то рассказывал, что это — единственная игра, в которой не лгут, но всё — блеф и притворство. Именно поэтому 'акула' (так в покере называют настоящего мастера) никогда не делает 'бет' (ставку), если перспективы победить противника нет. Но все хорошие игроки умеют терпеливо ждать и всегда планируют свои действия. И когда видят возможность выиграть, то ставят на кон сразу всё…

Димка любил играть в покер. 'Скажи, влюблять в себя — это тоже игра?', — спросила я тогда у него. Бергер промолчал, отвёл в сторону глаза и перевёл разговор на другую тему.

И тут в мою голову приходит мысль. Я пишу Герману: 'Признаю, что этот этюд выиграли Вы. Но раз Вы подняли ставки, то мне нужна фора'.

Ответ приходит через пять минут: 'Спасибо, что

не солгали. В какой форе Вы нуждаетесь, Катя? Хотите больше времени на написание этюда или мне уменьшить количество знаков?'.

'Нет, я хотела бы, чтобы Вы мне кое-что рассказали'.

'И что Вас интересует?', — забавляется он.

'Чтобы написать о Вас, мне нужно Вас представлять. Расскажите мне о себе, какой Вы?'.

В этот раз ответ приходится ждать четверть часа. Я нервничаю, потому что время, отпущенное мне на написание этюда, безвозвратно уходит. Когда я начинаю грызть внутреннюю сторону щеки, что случается со мной только в минуты растерянности, приходит ответ: 'Я живу один. Хотите в гости? Увидите всё своими глазами'. Причём, в конце письма Герман в первый раз ставит 'смайлик'. Он что, ещё и заигрывает со мной? И, хотя предложение Германа после этюда о поцелуях может раздразнить 'зайку', у меня пока ещё есть жених и голова на плечах.

'Не в этот раз, — пишу я Дьячкову, стараясь оставаться вежливой. — Так Вы ответите мне на вопрос?'.

'Хорошо, я попробую. Начнём с того, что я не люблю агрессивных женщин и сам никогда не добивался уважения силой, потому что быть муж-

чиной, на мой взгляд, это отвечать за свои слова и поступки. Я вспыльчивый и экспрессивный, но я умею ждать, и никогда, ни к чему не принуждал женщину. Но я и приверженец той мысли, что моя женщина никогда не одёрнет меня при посторонних, потому что в любых отношениях веду я. А я выбираю женщин толковых и разумных, со своей позицией. Ещё есть вопросы?'.

И тут на меня снисходит озарение. Да ведь этот человек одинок! Одинок по — настоящему, потому что с такой позицией не смирится ни одна уважающая себя женщина.

'Вы знаете, что у меня есть жених?', — уже в открытую пишу я.

'Догадываюсь. А Вы, задав этот вопрос, хотите сказать, что Вы от нашего спора отказываетесь? Тогда я выиграл, а Вы проиграли. А значит, по условиям пари Вы теряете возможность разместить свою книгу на моём портале'.

'А если я выложу её на другом самиздатовском сайте?', — начинаю злиться я.

'Тогда я выставлю в Интернет всю нашу переписку'.

От этого ответа я вздрагиваю. Впрочем, на что я надеялась, когда решила первой его шантажировать?

'Так что Вы надумали?' — между тем любезно осведомляется Дьячков.

'Я поднимаю ставки, — прикусив губу, отчаянно печатаю я. — И я пришлю Вам свой этюд в две тысячи знаков уже через полчаса'.

Увы, то, что задумала я, грешно и небезопасно. Но это покажет Дьячкову, как я могу провоцировать мужчин и что я его раскусила. Мысленно попросив прощение у Димки за то, что я собираюсь сделать, пишу Герману то, что не решилась бы написать никому другому.

'После нашего свидания ты в одиночестве возвращаешься домой. Да, я тебе отказала, и ты так и не поднялся в мою квартиру, на что очень рассчитывал. Желание всё ещё мучает тебя, но ты садишься в машину и едешь в свой дом, пустой, неуютный, холодный. Скажи, в этом доме хоть раз была та, кого ты любил по — настоящему? Как звали эту женщину? Кем она была для тебя? Скажи, мы с ней очень похожи? И чьё лицо сейчас стоит перед твоими глазами? Моё — или той женщины?

Ты отпираешь дверь и медленно входишь в прихожую. Включаешь в ванной комнате свет. Скидываешь одежду и встаешь под душ. Опираешься руками о гладкую стену и подставляешь

лицо льющимся сверху струям. Ты мучаешься невозможным: ты хочешь хоть на минуту вернуть меня, чтобы забыть ту, другую. Но та женщина — совсем не я. И водяные струи, которые сейчас стекают вниз, по твоему лицу и телу, кажутся тебе уже не её, а моими руками. Они так нежно кружат по тебе, но в самый последний миг отступают.

Пытаясь справиться с возбуждением, ты закрываешь глаза. Чьё лицо стоит сейчас перед твоим мысленным взглядом? Чьи руки ты помнишь — чьи пальцы, которые осторожно трогали тебя, дразнили — и исчезали?

Твоя левая рука по — прежнему опирается о стену ванной. Другая невольно опускается вниз, вдоль по твоей талии. Ты на секунду замираешь, ещё не решаясь сделать то, что ты так часто делал, когда думал о той женщине. Но та, что предала тебя, уже ушла, а мой запах ещё рядом. И ты, не в силах бороться с искушением, опускаешь руку ниже. Ты крепко сжимаешь себя. Возбуждению противостоять невозможно, потому что желание обладать сейчас сравнимо только с болью. И ты, в душе ненавидя меня и ту игру, которую мы затеяли, начинаешь понемногу ускорять темп и втягиваешь воздух в лёгкие. Холодная вода и

жар внутри тебя затягивают тебя в центрифугу, где удовольствие и ненависть сплетаются в тугой клубок. Злость обостряет чувства, не так ли? Твоя рука не останавливается. Ещё и ещё раз, быстрей и медленней. Последний такт приносит дрожь и стон опустошения.

Спустя секунду ты приходишь в себя. Поднимаешь темноволосую голову, открываешь карие глаза и понимаешь, что ты по — прежнему один. Та женщина, которую ты любил, ушла. А меня с тобой никогда не было'.

Я не стала перечитывать то, что я написала Дьячкову. Испугалась, что струшу и не отправлю ему этот этюд. Допечатав всего одну фразу: 'Если хотите выиграть пари, то даю Вам время до понедельника', захлопнула крышку ноутбука, вскочила и принялась расхаживать по квартире, давя в себе ощущение, что я, со своим желанием опубликовать книгу, зашла на запретную территорию. Словно что-то заставило меня сунуть руку в механизм часов, а острые шестерёнки прижали кончики моих пальцев. И пусть ещё не больно, но вытащить руку уже нельзя. Мелькает трусливая мысль отозвать письмо. Бросаюсь к ноутбуку, но на входящей почте Gmail уже висит 'единичка'. Это означает только одно: Герман мне

ответил. Перевожу дух. Открываю ответ Дьячкова и читаю:

'Прекрасно, Катя. Просто великолепно. Вот только отчего Вы решили, что у меня карие глаза и тёмные волосы?'.

'Не поняла…'

Заглядываю в этюд: точно, я это написала. Пронзает мысль: кого я представляла себе, описывая Дьячкова? Прикусываю губу, 'набиваю' не самый лучший ответ:

'Авторская фантазия, не более'.

'Ах, это Ваша фантазия? — Далее следует 'смайлик', но улыбка кажется зловещей, а не весёлой. — Ладно. Тогда мне остаётся честно признать, что второй раунд Вы выиграли. Я подумаю и напишу Вам ответ относительно Вашей книги. Прощайте, Катя'.

Я просидела перед монитором ещё с полчаса. Убивая время, ответила на письма подруг, обсудив с ними их мужей, детей, погоду, рецепты, подспудно ожидая совсем другого письма. Но Герман молчит, и я начинаю жалеть о своём поступке. Волей — неволей, но я причинила другому человеку боль, и теперь меня мучает совесть.

В попытке уйти от собственных мыслей, хватаю телефон и звоню Димке.

— Привет! — усталым голосом отвечает он. — Ну, что случилось?

— Кажется, я напортачила, — неумело жалуюсь я.

— Что-то с 'ауди'? — в голосе Бергера наконец-то просыпается интерес.

— Да нет, не с машиной… Дим, а можно, я к тебе сейчас на работу приеду?

Мне действительно очень плохо. Почувствовав мой настрой, Бергер покорно вздыхает и неохотно говорит:

— Ну, хорошо. Приезжай.

Хватаю ключи, стремглав выбегаю из дома.'

Глава 5. Каптал

Каптал — элемент книжного переплёта, используемый для крепления книжного блока к переплётным крышкам.[5]

— 1 —

21 мая 2016 года, суббота.

'У вас никогда не возникало желание придушить женщину? Вернее, так: сначала отодрать её, как сидорову козу, а уже потом придушить её? Вот это ровно то, что сейчас чувствую я, потому что этот, с позволения сказать, 'этюд' вызвал во мне не столько желание, сколько дикую ярость. Катя (вот чёрт, даже имя её спокойно произнести не могу!) почти всё обо мне угадала. А эта её 'опечатка' про тёмные волосы чуть не подбросила меня к потолку. Интересно, кого она себе представляла, когда сочиняла это? С Дьячковым мы не похожи, но у Екатерины DUO, видимо, то самое чутьё, которое управляет случайностями. Но как я воспитан — о том судить не ей, а тем, кто знает, что стоит за моими поступками. Впрочем, Катя

---

[5] Примечания: 5

Каптал — элемент книжного переплёта, используемый для крепления книжного блока к переплётным крышкам.

меня и не судила — она просто, изящно и доходчиво объяснила мне, в кого я превращаюсь.

Пиная мебель, попадающуюся мне на пути, расхаживаю по комнате и размышляю о том, что моей жизни пора срочно менять обёртку. Год назад я сам запер себя в крепостных стенах, отсёк от настоящих друзей и перестал быть с женщинами, которые по — настоящему нравились мне. И если Аллу нельзя заменить никем и никак, а на белобрысых (злобно сглатываю), а на блондинок, да ещё с именем Катя, я теперь вообще спокойно смотреть не смогу, то стоит подумать об эрзаце той, кто мне сейчас нужен.

Прокручивая идеи и контакты в iPhone, нахожу номер, который Герман неохотно продиктовал мне во вторник. Пока идёт соединение, выхожу на балкон.

— Алло? — в голосе Наташи сквозит лёгкое удивление. И 'л' в слове она тянет точно так же, как и я, что почему-то тоже меня не радует. — Алло, кто это?

— Привет, это Артём. — Никогда не тратил время, отвечая на вопрос: 'Ты меня помнишь?'. Не помнит — всегда можно сослаться на ошибку и положить трубку.

— Привет, — смеётся Наташа. — Какой прият-

ный сюрприз, Артём.

— Ну, как твои дела, 'зайка'?

— Неплохо… Скажи, ты мне набрал, чтобы я тебе дала номер Оли? — В тоне Наташе появляется еле скрытое раздражение.

— Наташ, — я вздыхаю, потому что мне сейчас не до заигрываний и не до вранья, — поверь, если б я хотел позвонить Оле, то я бы уже разговаривал с ней, а не с тобой. Скажи, ты не против увидеться?

В ответ — пауза. Девочка явно переваривает информацию. Я жду. И, наконец:

— Знаешь, я буду рада.

— В гости хочешь? — уже напрямик спрашиваю я.

— Хочу, — задорно отвечает 'зайка'. — Говори адрес, и я приеду.

— Диктуй, где живёшь. — Я ещё не настолько опустился, чтобы сваливать на девушку дорогу к своему дому. Наташа чётко, старательно, по слогам произносит свой адрес. Прикинув, что 'зайка' живёт от меня в пяти автобусных остановках, обещаю приехать уже через пятнадцать минут. Наташа снова смеётся и обещает встретить меня внизу. 'Отбиваю' звонок, закрываю ноутбук и выхожу из дома.

Таксист подруливает к подъезду, у которого в зелёной нарядной юбке и босоножках на каблуках крутится моя 'зайка'. Распахиваю дверь машины, протягиваю ей букет тюльпанов, смеюсь:

— Привет, прыгай внутрь.

Наташа принимает цветы, улыбается и, подобрав длинный подол, садится со мной рядом. Такси трогается.

— Какие красивые, — восхищенно шепчет Наташа, отчего-то краснеет и прячет лицо в тюльпанах. — Знаешь, мне ещё никто не дарил цветы на… на первом свидании, — храбро заканчивает 'зайка'.

— Тогда целуй. — Я шутливо подставляю ей щёку. Но Наташа обвивает мою шею и нежно прикасается губами к уголку моего рта.

— Я так хотела это сделать… ещё в понедельник, — интимно шепчет она мне. Поворачиваюсь и смотрю в её блестящие глаза. Надо же, а они у неё серые, как у Аллы, а не зелёные, как показалось мне при нашей первой встрече. Наташа ловит мой взгляд:

— Что?

— У тебя глаза необычные.

— Тогда были линзы, — смущённо признаётся она. — А куда мы едем?

— Ко мне в гости, как я и обещал. Или ты хочешь изменить маршрут? — В душе я молюсь, чтобы Наташа не навязала мне поход в кино, в кафе, в парк или в торговый центр.

— Нет — нет, давай поедем к тебе.

'Какая славная 'зайка'!'

Таксист высаживает нас у моего дома. Наташа собирается открыть дверь машины. Я трогаю её за руку:

— Дай мне поухаживать за тобой.

Щедро рассчитываюсь с игриво ухмыляющимся 'бомбилой', выпрыгиваю из автомобиля и подаю руку Наташе.

— Выходите, леди, — забавляюсь я. Наташа мило краснеет и, сжимая мои пальцы, выскальзывает из такси. Впрочем, мою ладонь она не торопится отпускать.

— Что? — теперь смеюсь я.

— Ты умеешь ухаживать. С тобой я чувствую себя принцессой, — признаётся Наташа. Приобняв её за плечи, целую её в тёплый висок, кружу носом над ухом, но отчего-то представляю себе совсем другую женщину. У этой женщины светлые волосы и глаза цвета дягиля. Но эти мысли сейчас неуместны, и я открываю дверь подъезда:

— Входи.

— А ты один живешь, или с родителями? — Наташа разглядывает кнопки лифта, который я успел вызвать.

— Один.

— Но ты же говорил, что…

— Наташ, — пользуясь тем, что кабина лифта очень мала, подхожу к 'зайке' вплотную. — Наташ, неважно, что я тогда говорил. Тогда всё было по — другому.

— А сейчас?

— А сейчас здесь только ты и я.

— Тогда хорошо, — шепчет Наташа.

В молчании мы прибываем на пятый этаж. Открываю двери:

— Проходи, располагайся и чувствуй себя, как дома.

Пока Наташа осматривается и осваивается (длинная, выстроенная полукругом, прихожая и три стеклянных двери, ведущие в кухню и в комнаты), я бросаю ветровку на стул и иду на кухню. Споласкиваю руки, открываю холодильник и ставлю на барную стойку бутылку 'Пино Гриджио'.

— Или ты есть хочешь? — Я протягиваю Наташе высокий бокал.

— Нет, есть я не хочу. — Наташа чуть — чуть от-

пивает из стакана. В её глазах появляется огонёк, который мне пока не понятен.

— За повторное знакомство. — Я опираюсь бедром о подоконник, шутливо салютую 'зайке' и подношу бокал к губам. Вино терпкое, ледяное. Ставлю запотевший бокал на столешницу стойки.

— Расскажи о себе, — предлагаю я, закладывая ладони в задние карманы джинсов.

— Потом, — Наташа ставит свой бокал рядом с моим. Освобождается от босоножек и медленно подходит ко мне: — Всё потом, Артём…

Она привстаёт на цыпочки. Я обнимаю её за талию, разворачиваю спиной к столу. Целую в шею, в губы. Они мягкие, тёплые и послушно раскрываются навстречу мне. Я поднимаю Наташу и сажаю её на кухонный стол. Поглаживаю её бёдра, чуть — чуть отодвигаю кружево юбки и вижу крохотную татуировку.

Я прикусываю её губы. Наташа тяжело дышит и ловко отправляет ладонь мне под футболку. Завожу назад руки и тащу майку через голову. Мои пальцы тянут ремень. Наташа пытается расстегнуть молнию на юбке.

— Не снимай, — шепчу я и укладываю Наташу боком на стол.

— Почему?

— Мне так больше нравится.

Но я вру: у Аллы татуировки не было. Как не может быть вульгарной отметки и у той, пока ещё мне недоступной…

Тремя часами позже, я сижу на кухне один. Передо мной открыт ноутбук. Монитор светит голубым цветом. Наташа безмятежно спит в спальне, куда я отнёс её. Мы так и не допили вино и ни о чём толком не разговаривали. Но, может быть, это и к лучшему, потому что я ставлю пальцы на клавиатуру и начинаю выплёскивать себя в злых словах, отточенных и яростных фразах, в чувствах, которые я больше не хочу в себе давить. Я выдёргиваю из себя откровенность, но не ищу в ней спасения, потому что всё, чего я хочу — это вывернуть наизнанку женщину.

'Ты так хотела опубликовать свой роман и выиграть наш спор, который я в шутку предложил тебе, что, не задумываясь, ударила меня по самому больному месту. Твой дар чувствовать других людей — это не талант, Катя. Это — как сделка с дьяволом, потому что сегодня, впервые за много дней, я привёл в свою квартиру женщину. Я занимался с ней любовью, но представлял я тебя. И знаешь, что мне грезилось? То, что ты пришла ко

мне. Ты. Сама. Приехала.

Уверенно прошла в комнату и замерла, увидев лишь стол.

— У нас с тобой пари, — напомнил я. — Но ты ещё можешь уйти.

— Зачем? Ты ничего мне не сделаешь.

— Уверена? — Ты лихо киваешь. — Прекрасно. Тогда раздевайся.

Я отхожу, давая себе лучший обзор.

Знаешь, что такое беспомощность? Это то, когда ты не можешь ответить ни 'да, ни 'нет', потому что принадлежишь другому, но у тебя уже есть наше пари, которое ты хочешь выиграть. И ты, отворачиваясь, нехотя стягиваешь одежду. А я разглядываю тебя. Я знал, что ты красива, но не представлял, что ты совершенна настолько. И, будь моя воля, я бы бесконечно рассматривал тебя. Но я подхожу к тебе, беру тебя за талию и подсаживаю на стол, а ты пытаешься подтянуть меня ближе, чтобы укрыть наготу за моим телом. Но я отвожу твои руки и укладываю тебя на бок, чтобы не видеть твоих молящих и растерянных глаз.

— Притяни колени к груди.

Знаешь, как стекает вода по обнаженной мужской плоти? Как она умеет гладить и возбуждать,

но не давать освобождения? Ровно это я и собираюсь продемонстрировать тебе. И я прикасаюсь к внутренней стороне твоих бёдер, кружу губами по нежной коже, понемногу приближаясь к той запретной черте, за которой ты уже потеряешь опору.

— Что ты делаешь?

Вместо ответа, я откровенно раскрываю тебя и пробую на вкус. Ты вскрикиваешь и втягиваешь воздух в лёгкие. Теперь я добавляю к своей ласке ещё и пальцы:

— Скажи, тебе так нравится?

Но ты молчишь, а стало быть, и наш спор ещё не окончен. И я продолжаю ласкать тебя, дразнить, провоцировать, трогать, действуя всё откровенней, выбивая из тебя то крик, то стон. Ты пытаешься перевернуться, но я держу тебя в том положении, которое удобно мне. Растравливая тебя поцелуями, я точно знаю, что твоё тело предаст тебя раньше, чем гордость и принципы. Но это — не насилие, потому что всё закончится ровно в тот момент, когда ты скажешь мне 'нет'. Так отчего ты молчишь, Катя?

Твой вздох — и невольное движение бёдрами навстречу мне. Ты лицемерка, девочка. Ты играешь в то, что давно могла бы уже прекратить, но

ты этого не делаешь. А знаешь, в чём дело? Тебя волнует наша игра. Я тебя волную.

— Мы не должны… Ты не должен. — Ты всё ещё пытаешься удержаться на краю и прячешь лицо в ладонях. И вот он, твой главный вопрос:

— Зачем ты это делаешь?

— Мне ничего больше не остаётся, — отвечаю я. И я честен с тобой, потому что, прочитав твой этюд, задался только одной целью: привязать тебя к себе так, как попыталась это сделать со мной ты…

Есть такая пословица: когда ужинаешь с дьяволом, то ешь с аппетитом. Этот этюд — последний. Больше я не буду тебе писать, потому что понял: слова о чувственности — это как духи на коже любимой женщины. Не обязательно выливать весь флакон — порой достаточно и одной капли'.

Я так и не отправил Кате письмо. Сохранил его в черновиках и подошёл к окну. Поставил ладони на подоконник, прижался горячим лбом к холодному стеклу. Наш спор зашёл слишком далеко. Пока я размышляю, как закончить эту нелепую переписку и добраться до Бергера, до меня доносится сигнал входящей почты. Возвращаюсь к ноутбуку и вижу в нём новое письмо от DUO. Интересно, что ей ещё надо от меня? Или она хочет

узнать, как поживает мой этюд? С раздражением сажусь за стол и открываю письмо: 'Добрый вечер, Герман! Скажите, мой роман откровенно Вам не понравился или Вы готовы его купить?'.

'Она там совсем взбесилась со своей книгой?' — думаю я. Хмыкнув, читаю дальше: 'Если Вы согласны приобрести мою рукопись, то я предлагаю это обсудить. Вы сможете со мной встретиться?'.

Сейчас у меня вообще нет слов. Ставлю локти на стол, тру ладонями лицо. Подумав, печатаю: 'Добрый день, Катя. Вам так нужны деньги?'

'Да'.

'Сколько?'.

'Я бы хотела получить двадцать пять тысяч долларов'.

'Ничего себе…'

Я фыркаю. Не выдержал — и расхохотался. Похоже, эта DUO не в ладах ни с бизнесом, ни с математикой.

'Скажите, эти деньги нужны Вам или кому-то другому?', — уже откровенно интересуюсь я.

'Мне', — опрометчиво — быстро печатает Катя.

Я сую в рот сигарету. Прикуриваю, глядя из-за сложенных в лодочку ладоней на экран ноутбука. На глади монитора отражается золотой огонёк. Он словно метка памяти, что через полтора ме-

сяца наступит годовщина того проклятого дня, когда меня 'кинула' Алла. И я ловлю себя на мысли о том, что наша встреча с Катей — это та самая случайность в цепи закономерностей, которая и расставит всё по местам. И я направляюсь в комнату. Стараясь не разбудить спящую Наташу, выдвигаю ящик письменного стола и вынимаю год назад спрятанную там сим — карту, которую я использовал только для разговоров с Аллой. Возвращаюсь к компьютеру и пишу Кате тот ответ, на который она точно клюнет. Потом иду в комнату:

- 'Зайка', вставай. — Я трогаю Наташу за плечо.

— Иди сюда, — ещё сонная, Наташа тянется ко мне. Но я отступаю:

— Одевайся. Я тебя провожу.

На сегодня свидание закончено.'

— 2 —

22 мая 2016 года, воскресенье.

'Сегодня впервые за долгое время я ночую в своей квартире. Я стою в большой, пустой комнате. Разглядываю в окно заливающую двор темноту, разбавленную раструбами льющихся вниз фонарей, подсвечивающих вывеску адвокатской конторы 'Дробин и Ко'. И думаю я о том, когда я сбилась с пути? Похоже, это произошло в тот

день, когда я бросила вызов Герману, а он сыграл со мной точно так, как подкидывают на руке монетку. Я покорно ложилась в его ладонь то 'орлом', то 'ребром', то 'решкой', расценивая это как случайность, в то время, как для Дьячкова все мои поступки были цепью закономерностей…

Тремя часами ранее я приехала в офис к Бергеру.

— Дмитрий Владленович разговаривает по телефону, — предупредила меня помощница.

— Ничего, мне можно. — С милой улыбкой, от которой секретарша Димки кисло и недовольно морщится, толкаю дверь в комнату с табличкой 'Дмитрий Гер' и вижу Бергера, сидящего ко мне в пол — оборота. Меня он не слышит, не видит и продолжает кричать в трубку:

— Алла, выкручивайся как хочешь, но мне нужно двадцать пять тысяч! Каких рублей?.. Алла, опомнись: дол — ла — ров!.. Значит, ты попросишь… Как у кого?! У своего мужа! А можешь позвонить своему разлюбезному Соболеву и попросить его включиться в это дело… Ты же говорила, что он бизнесмен от Бога? Вот тогда и ищи своего Артёма!

Кто такой Артём Соболев — мне всё равно. Но вот Аллу я видела. Всего один раз, полгода назад,

когда я вот также приехала к Димке, я столкнулась с ней в дверях. Тогда-то я её и разглядела. Холёное лицо, холодные глаза, отличная фигура — и алый, как рана, рот настоящей хищницы, из тех, что всегда с добычей в зубах. Чуть позже, когда Алла начала звонить нам домой и требовать к телефону 'своего бывшего', я раз и навсегда отшила её. И вот теперь выясняется, что Димка сам ей звонит, да ещё и денег с неё требует!

'Ну ничего себе…'

В это время Бергер поворачивается и натыкается на мой взгляд. Очевидно, у меня на лице поистине 'бесценное' выражение, поскольку Димка быстро бросает в трубку: 'Алла, перезвоню позже', после чего даёт 'отбой'. Откидывается в кресле и виновато глядит на меня:

— Катя, ты всё слышала?

Киваю и жду продолжения.

— Кать, ну прости, — Димка смущённо ерошит волосы. — Я знаю, как ты реагируешь, когда я говорю об Алле.

— Когда ты говоришь о своей бывшей жене, я нормально реагирую, — справедливо возражаю я. — Меня раздражает, когда ты говоришь не о ней, а с ней. Зачем ты звонил ей?

— Ну, у меня неприятности.

— Тогда объясни, — стараясь говорить спокойно, предлагаю я, хотя внутри у меня образуется трещина.

— Я… в общем, полгода назад я взял в банке кредит, — неохотно винится Димка. — А сейчас кредиторы требуют, чтобы я вернул заём.

— Тогда почему ты не попросил о помощи меня? — Прислоняюсь к двери.

— У тебя есть двадцать пять тысяч 'зелёных'? — Бергер невесело хмыкает.

— У меня нет, но я могу занять у отца.

— То есть ты хочешь сказать, что мне к лицу брать деньги у тестя? — Димка немедленно становится в позу 'пусть я нищий, но гордый'.

— У будущего тестя, — холодно напоминаю я о наших отношениях.

— А что, уже есть разница?

Я молчу. Оценив мою позу и мимику, Бергер встаёт и решительно направляется ко мне. Подходит вплотную, упирает ладони по обе стороны от моего лица и наклоняется. Его губы успевают коснуться моих, когда я отворачиваюсь.

— Дим, не сейчас. Мы ещё не договорили.

— Ну, что не так? — Димка обхватывает мой затылок и буквально впечатывается в меня. — Ну, что не так, Катя?

— Я сказала 'нет'! — Упираюсь ладонями в грудь Бергеру, стремясь прекратить сцену, напомнившую мне один этюд. Вот только в том этюде не было насилия — как не было и Димки, который, коротко вздохнув, покорно вернулся в кресло. Сел и подбородком указал мне на стул напротив своего стола.

— Хорошо, давай поговорим, — делая хорошую мину при плохой игре, предлагает Бергер. Отклеиваюсь от двери, выполняю команду.

— Знаешь, я никогда не думал, что однажды наступит такой день, когда мне придётся признаться в беспомощности, и не кому-нибудь, а тебе. — Димка задумчиво на меня смотрит. — Но мне действительно очень нужны деньги… Так нужны, что я даже пытался найти покупателей на свою квартиру. К сожалению, сейчас кризис в стране, и на моё элитное жильё даже за эту ничтожную сумму желающих не нашлось.

— Не хочешь разговаривать с моим отцом — я могу взять в банке кредит, — подумав, предлагаю я.

— На двадцать пять тысяч долларов? — Димка качает головой. — Катя, под это нужен весомый залог. Скажи, у тебя есть хоть что-нибудь, что ты можешь положить на ту чашку весов, напротив

которой лежат два миллиона?

— Может, и есть, — помедлив, говорю я. Но я лгу: у всего всегда есть своя цена.

Поднимаю на Димку глаза:

— Когда тебе нужны деньги?

— 7 июля… А что, ты что-то придумала?

— Пока ещё не знаю… Дим, ты извинишь меня, если сегодня вечером я встречусь с подругами? Возможно, буду дома очень поздно, или вообще не приду ночевать.

— Кать, я тебя обидел? — Бергер бледнеет и тянет ладонь, чтобы схватить меня за руку.

— Дим, да не бери ты ничего себе в голову, я просто по девчонкам соскучилась. Я же не ухожу от тебя! — Изобразив улыбку, поднимаюсь из-за стола. Димка откидывается в кресле и разглядывает меня, силясь понять, что у меня на уме. В конце концов, мягко берёт меня за руку, тянет к себе и ставит между своими коленями. Опираюсь на ручки кресла и наклоняюсь, чтобы чмокнуть его в лоб. Димка обхватывает меня за талию, трётся щекой о моё бедро:

— Кать, не бросай меня.

— Не буду, — искренне обещаю я и целую его в щёку.

Спустя десять минут мы вместе выходим из

офиса. Усевшись в 'ауди', я машу Димке и выжимаю газ. Выруливаю с парковки, проезжаю ещё метров двести и сворачиваю в первый попавшийся двор. Прижавшись к тротуару, закапанному зелёными чёрточками листьев солнечных московских акаций, перевожу рычаг на режим 'парковки'. Откидываю голову на подушку кресла и прикрываю глаза. Да, я нашла выход и знаю, как помочь Димке. Но боже мой, как горько, как жалко, что я сама не успею узнать то, что мне так долго грезилось.

Мои подруги, те, кто учился со мной и начал публиковаться рано, не раз говорили, что счастье выхода первого романа ни с чем не сравнимо — и оно совершенно незнакомо тем, кто никогда ничего не писал. Потому что плоха твоя книга или хороша, но всё в ней сложилось именно так, как планировал ты, её автор. В процессе написания ты слышал и негодование, и похвалу, и комментарии, и придирки, но к тебе уже не относились, как к обычному человеку. Ты стал тем, кто смог сочинить книгу. Настоящую книгу. И вот теперь всё это уходило от меня. Мечта, которой я дышала, как и моё первое литературное детище с моим именем на обложке — всё ускользало в песок несбывшихся надежд. Цена потери была

высока, но… сколько стоит фантазия, когда из жизни человека, которого ты любишь, уходит что-то, им созданное?

Перестав терзать себя, отклеиваюсь от сидения, роюсь в сумке и нахожу телефон. Включаю режим 'сотовые данные', открываю 'иконку' почты.

'Добрый день, Герман! — быстро печатаю я. — Скажите, мой роман откровенно Вам не понравился или Вы готовы его купить? Если Вы согласны приобрести мою рукопись, то я предлагаю это обсудить. Вы сможете со мной встретиться?'.

Я отправляю письмо. Мои размышления о том, каким образом я буду очаровывать Германа, чтобы стрясти с него два миллиона, прерывает мелодичный звон почты.

'Добрый день, Катя. Вам так нужны деньги?'

'Да'.

'Сколько?'.

'Мне нужно двадцать пять тысяч долларов'.

'Скажите, эти деньги требуются Вам или кому-то другому?', — уже откровенно интересуется он.

'Ему-то какое дело?'

'Мне', — быстро печатаю я.

Герман думает ещё пять минут. Время тянется

бесконечно, и я уже готова нарушить кодекс молчания, когда ко мне приходит ответ, которого я не ожидала:

'Ваша книга того не стоит, Катя. Но если Вы сегодня, после семи вечера, перезвоните мне по номеру, который я дам, то я объясню Вам, как продать Ваш роман за два миллиона'.

'Я позвоню', — печатаю я.

'Отлично. Мой телефон...'. Далее следуют цифры.'

Глава 6. Аннотация

Аннотация — краткое содержание книги для покупателей, продавцов и библиотекарей.[6]

— 1 —

22 мая 2016 года, воскресенье.

'Посадив Наташу в такси, возвращаюсь домой. Медленно допиваю вино, поглядываю на часы и размышляю, как выстроить разговор с Катей. Что мне сказать ей — я хорошо знаю, но весь вопрос в том, захочет ли она это делать? Электронные часы на iPhone отсчитывают четыре цифры: двойка, единица и два нуля. Отщёлкивают ещё минуту, и, наконец тот звонок, которого я ждал:

— Добрый вечер, Герман.

— Катя? — Я опираюсь бедром на столешницу.

— Да, это я.

Забавно, но там, в 'Меге', я думал, что у неё тот самый голос, которым королева нисходит до мажордома. А оказалось, Катя разговаривает дружелюбно и тепло, точно сто лет меня знает.

— Добрый вечер, Катя, — отзываюсь я, неволь-

---

[6] Примечания: 6

Аннотация — краткое содержание книги для покупателей, продавцов и библиотекарей.

но подлаживаясь под её тон.

— Итак, вы просили меня позвонить, — изящно намекает Катя.

— Скажите, вы хорошо представляете себе издательский бизнес? — Я делаю первую попытку перевести наш дружеский разговор в сугубо деловое русло. Но мне это не удаётся, потому что Катя премило шутит:

— Нет. Но очевидно, это то, что вы сейчас проясните мне.

Девочка весело фыркает, а я ловлю себя на том, что мои губы невольно складываются в ответной улыбке.

— Итак? — подначивает она меня.

— Хотите длинную лекцию или короткую?

— Ну, мне достаточно и короткой, но это вы диктуете дамам условия.

Меня прямо радует её подход. Отлепляюсь от столешницы, беру себя в руки и начинаю чеканить слова:

— Тогда шутки в сторону. Начнём с главного. Катя, сколько по — вашему, зарабатывает начинающий автор?

Иду в комнату и сажусь на диван.

— Этого я не знаю, но мои подруги, которые пишут книги, уверяют, что зарабатывают они

много.

— В таком случае ваши подруги либо вам лгут, либо носят фамилии Рой, Акунин, Прилепин и Улицкая. Я же собираюсь поделиться с вами фактами, а не иллюзиями.

Пока Катя переваривает первый укорот, я закидываю ногу на ногу:

— Итак, вы написали свою первую книгу, в которой — сознаюсь! — замечательные герои, чудесный сюжет и неожиданная развязка. И вот теперь, казалось бы, самым разумным было бы порекомендовать вам предложить эту рукопись издательству. Но здесь вас ожидает первое разочарование.

— Да? И какое же?

— А выбор между издательствами будет невелик. Это два года назад, как минимум, двадцать издательств оторвали бы вашу книгу с руками. А на текущий момент времени из всех платежеспособных компаний осталось всего только три. Причем две из них существуют под одной 'крышей'. А это означает только одно: спрос на бумажные книги падает.

— Вы хотите сказать, что у людей за два года пропало желание читать? Я не вижу Кати, но руку готов заложить, что моя собеседница недо-

верчиво изгибает светлую бровь.

— Я, зай… простите, Катя, хочу сказать, что у издательств уже нет возможности щедро платить новым авторам, потому что бумажные книги сейчас покупает от силы одна десятая часть платежеспособного населения.

Катя недоверчиво молчит. И, наконец:

— У вас есть этому доказательства?

— Есть. — Я завожу руку за голову и покачиваю ногой. — Видите ли, Катя, прежде чем взяться за самиздатовский бизнес, я узнавал, сколько книг было выпущено в 2013–м, 2014–м и 2015–м годах. Так вот, если вам интересно, то в 2013–м году в свет вышло около пятисот миллионов книг, а в первом полугодии 2015–ого года совокупный тираж всех книг составил только сто девяносто пять миллионов. И если в ближайшие годы эта тенденция не изменится, то на душу активного читателя придётся максимум по три новых бумажных книги, выпущенных издательствами.

— Но ведь любой автор пишет затем, чтобы его книга была прочитана!

— Верю, — соглашаюсь я. — Потому что всё большее количество авторов идёт на самиздатовские порталы или же пробует раскрутиться в Интернете самостоятельно.

— Скажите, — Катя набирает воздух в лёгкие — и: — А я правильно понимаю, что, если бы не наше пари, то вы взяли бы мою книгу?

'Чёрт, а она умная…'

— Взял бы, — каюсь я, — потому что мне это выгодно. Но вся беда в том, что, во — первых, у нас с вами возник совершенно дурацкий спор, а во — вторых, вы хотите получить двадцать пять тысяч долларов. И здесь вас ждёт второе разочарование.

— Вы не пришлёте мне свой этюд? — невинно спрашивает Катя.

'Да чтоб тебя…'

— Это я ещё не решил, — нахально отвечаю я. Кажется, Катя испуганно вздрагивает. — А что касается двадцати пяти тысяч… Катя, давайте говорить честно. В настоящее время даже очень богатый издатель предложит молодому и неизвестному автору максимум сорок пять тысяч рублей за рукопись. Причём распространять эту книгу издательство будет под своей обложкой три последующих года. А автор на это время потеряет на свою книгу все права.

— Вот как? — тянет Катя, а мне почему-то кажется, что она начинает грызть внутреннюю сторону щеки. — Ну, хорошо, предположим,

что это так... что подруги не договаривали.... Но мне также рассказывали, что с продажи каждой книги автор получает проценты. А это — вполне приличный гонорар.

- 'Приличный'? — Я смеюсь. — Катя, окститесь. Этот 'приличный' гонорар представляет собой один процент с каждой проданной книги. И это при том, что первый бумажный тираж составляет ровно три тысячи копий. Так что даже если предположить, что вы... э — э сильны в искусстве обольщения партнёров по переговорам, — я всё-таки не удержался, чтобы не 'подколоть' её, — и издатель пойдёт на 'беспрецедентный' шаг, то он даст вам максимум три процента с каждой проданной копии. Таким образом, при стоимости книги в сто рублей и первом тираже вы получите ровно пятьдесят четыре тысячи рублей.

Катя потрясённо молчит. Я встаю с дивана и иду на кухню. От моего 'выступления' у меня пересохло в горле и хочется воды, но тут Катя приходит в себя и спрашивает:

— Тогда почему вы захотели купить мою рукопись за двадцать пять тысяч долларов?

— Я? Хотел?.. Катя, — я наливаю воду в чашку, — это нужно не мне, а вам. Но у меня, как ни странно, в этом деле тоже есть свой интерес. И

я готов взяться за продажу вашей книги, но я сделаю это только, если… — отпиваю из кружки, — если вы расскажете мне, на что пойдут эти два миллиона.

— А вам, простите, какое дело? — металлическим голосом осведомляется девушка.

— Ну — у, я пока не готов инвестировать свои идеи в пустоту, в фонд озеленения луны и в правонарушения.

— А если я вас обману и не отвечу честно? — упирается Катя.

— А если я вас сейчас обманываю, и вы не увидите денег?

Между нами разливается тишина — то самое молчание, которое предшествует истине или выяснению отношений. Секунда, другая, и наконец, Катя говорит:

— Ну что ж, убедили. Да, вы правы. И я действительно могу кое-что вам рассказать. В общем, эти деньги пойдут на… один хороший проект, — ловко заканчивает Катя.

— А поподробней?

— Ну, у моего жениха есть сервисный центр.

'Да что ты?!'

— И…?

— Ну, и в этом сервисном центре проблемы.

— Какие?

Катя упрямо молчит. Похоже, слова из неё надо тащить клещами.

- 'Проблемы' означают, что в сервисный центр 'налоговая' пришла, а ваш жених торгует ещё и наркотиками? — Я решаю подлить масла в огонь.

— Нет, что вы, Герман! — Катя пугается и начинает, пусть нехотя, но всё-таки рассказывать мне, как Дмитрий Бергер разругался с банком, превратил в конкурентов друзей и продул созданный мной центр. А я совершенно некстати вспоминаю пословицу, которая говорит, что самая чистая радость — это злорадство при виде поверженного врага.

— ... таким образом, до седьмого июля Диме необходимо вернуть в банк ровно два миллиона, — в конце концов невесело признаётся Катя.

— И вы, значит, решили спасти своего жениха?

— Да.

— А зачем?

— Я люблю его.

Вот теперь паузу беру уже я. Итак, бывший муж Аллы в моих руках и всё, что требуется сейчас, это 'добить' его, рассказав Кате, какую роль в

моей жизни сыграл её жених. Но… но ведь всегда есть какое-то 'но'? Моё 'но' заключается в том, что одним из величайших достижений человечества является способность лгать. Не предполагать обмана, но сразу распознать ложь — это тактика бизнесмена. Но любой делец, прежде всего, человек. И Кате удалось бы обвести вокруг пальца даже меня, смешай она ложь с полуправдой, как это делает профессиональный лжец. Скажи она, например, что Бергер подарил ей этот сервисный центр — и я бы уже выкладывал ей, как быстро перепрофилировать бизнес, как провести сезонные акции, как разрушить альянс конкурентов и как разработать такой проект, в который проинвестирует не то что банк, а всё Московское Правительство. Но Катя была искренна со мной. А хуже всего, что сделала она это из-за мужчины, который живёт затем, чтобы делать зеркала кривыми. А значит, и мне сейчас проще слукавить, чем объяснять Кате, что Бергер относится к той породе людей, кто не пригоден для честности.

И я меняю правила игры. Я говорю:

— Хорошо, Катя, я вас понял. Давайте условимся так: в течение месяца я подберу инвестора, который приобретёт вашу рукопись.

— Но ведь издательство мою книгу за двадцать

пять тысяч долларов не возьмёт, — напоминает DUO.

— А это будет не издательство… Но у меня есть ещё два условия. Во — первых, вы мне пообещаете вернуть к концу года мои комиссионные, которые составят ровно двадцать процентов от суммы в два миллиона.

— Двадцать процентов, это сколько? — робко спрашивает Катя.

'Подарить ей калькулятор?'

— У вас проблемы с математикой? — фыркаю я.

— Ну да… А как вы угадали?

— Неважно, забудьте, — вздыхаю я. — Двадцать процентов — это ровно четыреста тысяч рублей.

— Хорошо, согласна!

— Это ещё не всё, — обрезаю её восторги я. — Потому что вторым условием будет договор. И этот договор, Катя, будет заключен между вами и вашим женихом. И по этому договору ваш жених отдаст вам ровно половину своего сервисного центра за сумму в два миллиона.

Теперь между нами разливается молчание, которое предшествует скандалу.

— Герман, а вам не кажется, что вы лезете не в своё дело? — мрачно интересуется Катя.

— Нет, мне так не кажется, потому что защита моих инвестиций и моих должников, это как раз моё дело.

На самом деле, есть нечто, что подсказывает мне изменить игру. И это 'нечто' состоит из двух очень важных вещей. Во — первых, из моей интуиции, которая, как это ни странно, всегда выводила меня на правильную дорогу. А во — вторых… В общем, как бы я ни сопротивлялся, к одним людям меня тянет, а от других тошнит, как бы они ни старались понравиться мне. А в Кате мне начинает нравиться буквально всё. И это мне не нравится, потому что то, что я делаю сейчас, больше похоже на защиту не столько моих, сколько её интересов.

— Скажите, Герман, а я могу вам перезвонить? — вдруг оживляется Катя. — Мне надо подумать.

'Хочет посоветоваться с Бергером, — мелькает в голове. — Ну уж нет, девочка'.

— Думайте. У вас есть ровно две минуты.

— Спасибо! Я перезво…

— Но если Вы сейчас только положите трубку, а потом перезвоните мне, то я увеличу ваш будущий 'долг' с четырёхсот до шестисот тысяч.

Катя в ужасе сглатывает, а я ставлю мобильный

на 'паузу'. DUO висит на линии, а я отправляюсь на кухню. Включаю электрический чайник. Стеклянно — алюминиевый монстр будет кипятиться ровно то время, которого достаточно, чтобы Катя опомнилась и приняла моё предложение. За время её рассказа я понял её, сумел 'прочитать': она горда и изменчива, но она искренна. Она точно создана из воды и ощущает настроение собеседника, но меняет свою позицию только тогда, когда сама хочет этого. Я же 'впитываю' эмоции людей, как это делает почва. И подарить своё доверие для меня означает отдать своё сердце.

Чайник вскипает. Наливаю в кружку воду, добавляю заварку, возвращаюсь в комнату. Беру телефон:

— Ну, что вы надумали?

— Насчёт ваших комиссионных в четыреста тысяч — да, я согласна. А вот насчёт договора между мной и моим женихом… Вы никому не верите?

— Скажите, Катя, я вам очень не нравлюсь со своими идеями?

— Нет, Герман, не так категорично, — задумчиво говорит Катя. — Но в вас есть что-то, что я очень хочу понять. А вот зачем — не знаю…

Я стискиваю мобильный в руке. Я один в сво-

ём доме. Я разговариваю с женщиной, которую пытаюсь подмять под себя, в то время, как эта женщина, оказывается, подбирала ключ ко мне.

— Простите, Катя, мы всё решили?

— Да.

— Тогда на сегодня разговор исчерпан.

На самом деле, я боюсь: она почти сняла с меня маску.'

— 2 —

22 мая 2016 года, воскресенье.

'Я пытаюсь удержать его на линии, но Герман вежливо прощается и вешает трубку. А я обхватываю себя руками и подхожу к окну. Рассматриваю пустую улицу и свой золотистый 'ауди', выделяющийся из ряда тёмных машин.

Говорят, что загадка — это сердце женщины. Но Герман Дьячков, пожалуй, самый таинственный из всех мужчин, которых я когда-либо знала. Там, в 'Меге' я 'повелась' на его внешность, но уже через секунду этот взрослый мужчина стал напоминать ребёнка и проиграл кареглазому мальчишке. Чуть позже мы начали переписку, и Дьячков представился мне завзятым игроком, помешанным на своём выигрыше. Ну, а сейчас передо мной возник просто человек. Мужчина с его амбициями, характером и секретами,

спрятанными в закрытый наглухо футляр, застёгнутый на все пуговицы. И мне становится интересно, какой он, настоящий Герман Дьячков? Что было в его жизни? Воспользовавшись лестью и чисто женской хитростью, мне удалось растормошить его, и вот тогда его голос зазвучал неожиданно глубоко и искренне. Умело переключив моё внимание на близкие мне темы, он подкупил меня естественностью и тем, что честно рассказал мне о подводных камнях в современном издательском деле. Он многое знал из того, что интересовало меня, и, кажется, был совсем не против поделиться со мной полезными для меня сведениями.

И я невольно сравниваю Германа с Димкой. Мой Бергер намного проще. С Димкой легче найти общий язык, но вот спорить не интересно. Возможно, это потому, что Димка никогда не касался интересующих меня тем, не знал об издательском бизнесе. И он никогда не спрашивал меня о моей книге. Отправив меня на самиздатовский сайт, он напрочь забыл о моей рукописи и ни разу не спросил меня, как сложилась судьба романа. А может, это я никогда не позволяла себе копаться у Димки в душе? Что я о нём знала?

'- Катя? — 11 марта 2015 года моя начальница

монументальной поступью входит в комнату переводчиков и безошибочно выделяет меня в толпе подгулявших девчонок, трещавших мне здравницы вокруг единственного круглого стола, заставленного тортами.

— Присоединяйтесь! — Откровенно говоря, с Верой Павловной мы никогда не ладили, но в свой день рождения мне не хотелось портить ей настроение.

— Торт очень вкусный, — поддерживают меня переводчицы.

— Нет уж, спасибо, девочки. Для фигуры сладкое не полезно, — Вера брезгливо морщится. — А ты, Катя, конечно, прости меня, что я тебя отвлекаю от праздничного застолья, но рабочее время ещё не истекло, и на тебя есть заказчик.

— Хорошо, через пять минут я приду в ваш кабинет, — безмятежно говорю я.

— Тодуа, это срочно! — Вера иногда напоминает тот тип людей, которым проще отдаться, чем объяснять им, почему ты не хочешь этого делать.

— Ладно, хорошо, иду сейчас. — Послушно ставлю на стол тарелку с недоеденным куском 'Наполеона', прилежно вытираю салфеткой рот, и, прихватив сумку, отправляюсь следом за Верой.

— Что за клиент, Вера Павловна?

— Сейчас сама всё увидишь. — Начальница недовольно поджимает губы, оглядывает мой наряд (приталенный жакет, высокие каблуки, ультракороткая юбка) и выдаёт: — Хорошо выглядишь. Это подойдёт. Только не начинай с клиентом в своей обычной манере… Ну, ты поняла.

— Не начинать 'чего'? — фыркаю я.

— Вести заумные речи насчёт того, что качество перевода напрямую зависит от потраченного на него времени. Да, и кстати, ты будешь нужна заказчику на все выходные.

— Простите, что? — Я замираю. — Вера Павловна, мы так не договаривались.

— Придётся договориться. Это очень перспективный и денежный клиент, — Вера нажимает голосом.

'Вот тогда сама и переводи', — хочется мне сказать ей. Но ругаться с Верой себе дороже, к тому же я могу сделать лучше: убедить клиента, что мы с ним не сработаемся.

В неприязненном молчании прибываем к дверям Вериного кабинета. Мой босс окидывает меня подозрительным взглядом коршуна, складывает губки бантиком и толкает дверь комнаты.

— Вот, Дмитрий Владленович, это Катя, — сладко поёт Вера.

— Екатерина? — Молодой, обаятельный, уверенный в себе мужчина с копной густых, отливающих золотом волос поднимается из кресла и дарит мне лучистый взгляд серо — голубых, чуть вздёрнутых к вискам глаз. — Очень приятно.

Он дружелюбно и вежливо протягивает мне руку. Помедлив, вкладываю в его ладонь свою.

— Мне тоже очень приятно, — ('Какие красивые у него глаза!..') — Дмитрий Владленович.

— Можно без отчества. Просто Дмитрий, — приветливо говорит мужчина.

— Хорошо, тогда просто Катя.

'Вот зачем я это сказала?..'

— Отлично, — радуется Вера и плюхается в кресло. — Дмитрий, вы уж, пожалуйста, сами объясните Кате всё, что касается перевода ваших буклетов, а я сделаю несколько срочных звонков.

— С удовольствием. — Мужчина отвечает Вере, но смотрит только на меня. Сжимает мою руку, а я невольно вздрагиваю, поняв, что забыла забрать у него свою ладонь, утонув в его взгляде.

Говорят, в сердце женщины заключены её разум и душа. Когда мне стало ясно, что я влюблюсь

в Дмитрия Бергера? Когда разглядела его глаза, смотревшие на меня с восхищением? Или же когда он не стал 'ломать' меня и в споре с Верой встал на мою сторону?

— Вот, Катя, собственно, это три тома с описанием возможностей сервисного центра. Нужен хороший литературный перевод с английского, французского и немецкого. На основании вашей работы будет создан буклет о моей фирме. Качество перевода очень важно для меня. Так что я, в свою очередь, готов сделать всё, чтобы помочь вам справиться с этой работой, — мягко, с дружелюбными интонациями в голосе заключает Дмитрий.

— Конечно, Катя всё сделает. К тому же перевод большой, так что Тодуа выйдет и в выходные! — Вера, как ледокол, вклинивается в наш разговор, прижимая ладонью динамик мобильного. А я хмурюсь, готовясь дать отпор покусительнице на мою свободу.

— Ну, не так, Вера Павловна, — Бергер ловко перехватывает инициативу. — Да, перевод нужен срочно, но если Катя скажет 'нет', то я пойму её. Я готов подождать, сколько нужно. Катя, какие сроки устроят вас? Не стесняйтесь, говорите прямо!

Бергер лукаво смотрит на меня. Вера злобно

краснеет (ещё бы: работа в выходные дни оплачивается клиентами по двойному тарифу), а я тону в глазах сидящего передо мной мужчины. Ловлю себя на мысли, что я могу и должна отказать, но… не хочу этого делать.

— Я смогу в выходные, — признаюсь я. — Куда мне нужно приехать?

— Пожалуйста, приезжайте ко мне в офис, к десяти утра.

— Вот и славно, — радуется Вера.

Основное, что женщины ценят в мужчинах — это благородство. Мужчине же от женщины нужна уверенность в его способностях.

— У Вас солидная компания, Дмитрий. — Я верчу головой, разглядывая офис, увешенный сертификатами с логотипами 'Порше', 'Фольксваген', 'Ауди', 'Сиат', 'Ламборджини', 'Сузуки', 'Бентли' и даже 'Дукатти'. — Вы, должно быть, очень хороший бизнесмен, раз у вас такие партнёры.

— Ну, — Бергер улыбается и прячет руки в карманы брюк дорогого костюма, — скажем так: я — не бизнесмен от Бога, но кое-что могу. Хотите взглянуть на контору?

— Чуть позже, а пока давайте займёмся работой.

— Хорошо, как скажете. — Бергер послушно уса-

живается за стол, подпирает кулаком подбородок и лукаво глядит на меня.

— Что? — не выдержав, улыбаюсь я.

— Да так. Знаете, мной впервые командует женщина.

— Простите, — кажется, я покрываюсь краской.

— Не извиняйтесь, не надо. Мне почему-то это даже нравится, Катя…

Доверие между мужчиной и женщиной — вещь обоюдная.

Воскресенье. Десять часов вечера. Я у Бергера в офисе. Мы только что закончили с переводами.

— Вот и всё, — я складываю в сумку ноутбук. — Ну что ж, Дмитрий, мне было очень приятно поработать с вами. В понедельник Вера выставит вам счёт, и…

— Катя, вы очень спешите? — Поднимаю глаза. Бергер внимательно глядит на меня. — Может быть, кофе выпьем? Или чай? Или бокал вина?

— Ну, если только недолго, — бросаю взгляд на часы.

— Вас кто-то ждёт?

— А что, есть разница?

— Для меня есть, Катя…

В молчаливом согласии мы спускаемся в ма-

ленькое ночное кафе. Бергер усаживает меня за столик.

— Расскажите о себе, — пока мы ждём кофе, предлагает он.

— Да нечего особо рассказывать, — я пожимаю плечами. — Всё, как у всех. Школа, институт, работа.

— Простите, вы замужем?

— Нет.

— А… вы были замужем?

— Нет.

— А я вот был женат. Это был до обидного неудачный брак. — Дмитрий принимает у официантки две белых чашки. — Я… в общем, я был искренне влюблён в свою жену, а она… мне изменяла.

— Вам? — не верю я.

— Мне. У неё — её зовут Алла — так вот, у Аллы был другой мужчина моложе меня на пять лет. Я узнал об этом лишь год назад. Никогда не чувствовал себя большим идиотом. — Бергер поднимает на меня глаза, раскрывая передо мной душу. — Вы уж простите, Катя, я… Чёрт, я столько времени об этом молчал, а вот с вами разоткровенничался!

Дмитрий смущённо проводит рукой по копне

волос, а я отчего-то думаю, что кем бы ни была его бывшая жена — она круглая дура. И что за пять коротких дней я успела привыкнуть и к этому жесту, и к светлым лучистым глазам, и к тому, что у мужчины, оказывается, бывают ямочки на щеках. Бергер перехватывает мой взгляд. Вспыхнув, прячу лицо за чашкой.

— Вы знаете, я чуть не подрался с соперником из-за жены, — Дмитрий вдруг улыбается, а в уголках его глаз появляются морщинки. — Хотел от души навалять этому пацану, но вместо этого я поступил, как все бывшие. Как… — Дмитрий подбирает слова, — как… как все третьи лишние.

— И что же вы сделали? — Я рассматриваю мужчину, сидящего передо мной.

— Открыл дверь и ушёл… Оставил всё Алле. — Бергер машет рукой и небрежно пожимает плечами. — Только свой сервисный центр не смог ей отдать, я ведь сам создавал его. Этот бизнес буквально спас меня… Я даже стал по — другому смотреть на свою жизнь. Даже помирился с Аллой, но… так и не смог её простить. Наверное, это не благородно, но слишком много горьких воспоминаний.

— Мне очень жаль, Дмитрий, — тихо говорю я.

— А мне нет.

— Почему? — Я ставлю на стол чашку, пытаясь найти опору, чтобы не погибнуть в пронзительных чёрных зрачках. Мужчина берёт меня за руку:

— Потому что останься я с Аллой, я бы никогда не создал своё дело и не встретил бы вас…

Через неделю мы стали встречаться. Через месяц стали любовниками.

Вампилов, автор 'Утиной охоты' писал, что главное в отношениях — это доверие. Быть с мужчиной, которому не веришь — безумие для женщины. И если женщина считает, что может исправить лгуна, она глубоко заблуждается. Влиянию поддаётся только сильный мужской характер, и никогда — слабый.

7 июля 2015 года Димка преподнёс мне 'ауди'.

— Дим, я не возьму, — разглядывая машину, воспротивилась я.

— Ну, хорошо. — Бергер смеётся. — 'Ауди' не новый.

— Я всё равно не возьму.

— Кать, он дёшево мне обошёлся.

— Дим, я кому сказала: 'нет'.

— Тогда выходи за меня замуж.

— Что? — растерялась я.

— Выходи за меня замуж. А машину возьмешь

в нагрузку к кольцу. Знаешь, как в советские времена люди покупали календарик, а им совали ещё и маленький бюстик Ленина?

— Да ну тебя, — расхохоталась я. А Димка вдруг встал на колено.

— А если я пообещаю любить тебя и всегда носить на руках?

Он умел ухаживать. Я была влюблена. Мы были счастливы.

И я сказала Бергеру 'да', но… Но ведь всегда есть какое-то 'но'? Моё 'но' заключалось в том, что постепенно я поняла: у Димки всё раз и навсегда разложено по полочкам. Добро означало то, что нравилось ему, и оно всегда было белым. Злом было всё остальное, и оно было окрашено в чёрный цвет. Оттенков просто не было. По мере того, как дата свадьбы подступала всё плотней, а проблемы в сервисном центре надвигались всё ближе, я стала замечать, что Бергер может быть неоправданно требовательным и раздражительным. Нет, он ни разу не повысил на меня голос, ни разу не обидел меня. Но это не относилось к тем людям, с которыми он работал. Не отдавая себе отчёт, что он может кого-то обидеть, не тратя времени на то, чтобы выслушать и понять собеседника, Бергер мог нагрубить или резко

оборвать разговор. В итоге, все его бывшие бизнес — партнеры отвернулись от него, а бизнес стал разваливаться.

А вот Дьячков… Я вздыхаю. Приходится признать, что Герман Дьячков умеет избегать конфликтов и держать под контролем свои и чужие эмоции. К тому же, как я уже успела понять, он чётко следовал заданной цели. И если препятствия на пути к замыслам Бергера были для Димки задержками, то Герман относился к остановкам, как к новым ступеням для вечного подъёма к успеху, вверх.

'Да, он человек необычный …'

Мои размышления прерывает звонок. Сигнал указывает на Бергера. Беру мобильный:

— Да, Дим, привет.

— Ты где, Катя?! — сходу, на удивление воинственным тоном кричит в трубку Димка. Впрочем, как любой уважающий себя мужчина, мой жених имеет право спрашивать свою невесту, где она болтается в десять часов вечера? Но то, что раньше я с гордостью относила к ревности Бергера, сейчас почему-то напоминает о том, что я становлюсь его собственностью. А вот это меня категорически не устраивает.

— Дим, во — первых, как я тебе и говорила, я у

себя дома, — голосом, которым можно и камни дробить, чеканю я. Димка недовольно пыхтит в трубку, но молчит и ждёт продолжения. — Во — вторых, я очень устала и ночевать останусь здесь. Ещё есть вопросы?

Бергер моментально сбавляет тон:

— Кать, а можно, я к тебе приеду?

— Проверяешь меня? — холодно усмехаюсь я.

— Нет. Мне без тебя плохо.

— Хорошо, приезжай, — без особой радости соглашаюсь я.

— Буду через четверть часа.

Откладываю телефон и раздражённо плетусь на кухню. Нехотя готовя ужин, без которого с удовольствием бы обошлась, я начинаю думать, что мои проблемы с Димкой ещё только начинаются. Это — пока цветочки. А ягодки созреют в тот день, когда мне придётся выложить Димке, на каких условиях я получу искомые два миллиона. Но, во — первых, есть ещё месяц. А во — вторых… и я фыркаю: 'Господи, да о чём я думаю?' Ведь Герман Дьячков далеко не мой Димка. И каким бы волевым и уверенным Дьячков ни старался казаться, но он позволил там, в 'Меге', веревки из себя вить какому-то мальчишке. У того кареглазого мальчика это прекрасно вышло. А значит,

получится и у меня. Не может не получиться!'

Глава 7. Выходные сведения

Выходные сведения — информация о печатном издании, необходимая для его библиографической обработки и статистического учета, а также для информирования потребителей.[7]

— 1 —

23 мая 2016 года, понедельник.

'В понедельник, в час дня обретаю себя в 'Виноградово' — небольшом коттеджном посёлке в Воскресенском районе. Сунув руки в карманы брюк, я болтаюсь по высокому, выстроенному буквой 'п' крыльцу, разглядываю кусты сирени и краем глаз наблюдаю за папой. Отец уютно устроился в старом кресле — качалке, и, покуривая трубку, просматривает распечатку.

— Па, ну что скажешь? — в конце концов не выдерживаю я.

Отец поднимает на меня такие же, как у меня, карие глаза. Аккуратно откладывает трубку, подцепляет узкую дужку очков и передвигает их

---

[7] Примечания: 7

Выходные сведения — информация о печатном издании, необходимая для его библиографической обработки и статистического учета, а также для информирования потребителей.

на затылок.

— А роман-то потрясающий, — серьёзно говорит папа. — Но самое интересное, что ты прав, Артём: эту книгу легко переложить на сценарий.

Для справки: мой отец без малого двадцать лет работает главным сценаристом в киноконцерне 'Мосфильм'. Лет десять назад, когда я стал заниматься бизнесом и 'позорить' фамилию предков, отец взял псевдоним, под которым теперь и фигурирует в титрах.

— Так где ты взял эту книгу, Артём?

— Па, я же тебе говорил: автор этой рукописи ко мне на портал прискакала. Сама.

— Автор — это Катя? Это она, да? — Отец внимательно разглядывает обложку с фотографией DUO.

— Ну да.

— Красивая девочка, — одобрительно кивает отец. — И имя у неё хорошее. Катя, Екатерина. Как у нашей мамы.

Ошеломлённо смотрю на отца, поняв, что никогда не ассоциировал имя DUO с именем своей мамы.

— Скажи, а книга этой Кати есть в публичном доступе или на твоём сайте? — между тем интересуется отец.

— Нет.

— Это хорошо.

— А то я не знаю! — Приваливаюсь спиной к витому столбику крыльца. — Я, па, ещё помню твой изумительный монолог на ту тему, что для раскрутки авторов мой сайт, может быть, и хорош, но без подтверждения авторских прав человек, который придумал сюжет, может и не получить деньги. Потому что любой проходимец может украсть рукопись и заявить на неё права.

— Включая тебя, — папа корчит забавную рожицу и подмигивает мне.

— Значит так: воровать идеи — это не мой стиль. — Я раздражённо чешу лоб. — А что касается этой книги, то в ближайшие дни она в открытом доступе не появится.

— Это Катя так решила? — изгибает бровь отец.

— Нет, это я позаботился. — Я прихлопываю навязчивого комара, жаждущего моей крови.

— А зачем тебе это понадобилось? — Папа суёт в рот янтарный мундштук, раскуривает трубку, но не сводит с меня внимательных и цепких глаз.

— Так получилось. У нас с этой Катей спор один вышел, — неохотно признаюсь я.

— А если поподробней?

В общем, вы уже поняли, что у моего отца есть одна отвратительная привычка? Скажи ему 'а', он и 'бэ' из тебя вытянет. Мама, правда, уверяет, что этой манерой я не то что похож на отца, — я бываю ещё хуже.

— Так о чём вы поспорили с Катей? — продолжает гнуть свою линию папа. — Или ты, в своей дурацкой манере, назвал эту девушку 'зайкой', а потом начал строить её под себя и учить уму — разуму?

— Да никак я её не называл, — морщусь я. — Мы с этой Катей вообще мало знакомы. Так, один раз по телефону разговаривали.

— Ну так познакомься, — безмятежно советует отец.

— Что? — Я ошарашенно гляжу на него, а он улыбается.

— Я говорю, познакомься… По — моему, эта Катя девочка с головой. А судя по её книге, у неё есть и характер, и сердце.

Я плюхаюсь в стоящее рядом кресло:

— Па, начинающие писательницы — это не мой профиль.

— Ну да, твой профиль — это споры на пустом месте, — догоняет меня насмешливый голос отца.

— Нет, мой профиль — это из всего делать деньги!.. Па, хватит препираться, давай ближе к делу: на твой взгляд, этот роман на сценарий можно продать?

— Можно, Артём. Всё можно, если очень захотеть. — Папа легонько отталкивается от пола каблуком мокасины и описывает креслом небольшую параболу. — А позволь ещё вопрос: ты сейчас в качестве кого выступаешь? В качестве владельца сайта, Катиного адвоката или же её посредника? Или ты решил комиссионные с девушки получить? Ух, как нехорошо, Артём. — Отец с уморительной укоризной качает головой.

— Да ничего я не хочу! — В минуты раздражения мне курить хочется. Хлопаю себя по карманам пиджака, нащупываю пачку 'Rothmans', выбиваю сигарету. — Мне комиссионные с Кати не нужны, — сую сигарету в рот.

— Но такая мысль была, да? — докапывается отец.

— Нет. Такой мысли не было!

Ставя точку в споре, чиркаю колесиком 'Крикета'. Папа описывает креслом ещё одну параболу.

— На тебя это как-то не похоже, — подначивает меня он.

— А я исправился, — огрызаюсь я, — я стал бес-

сребреником.

Папа Саша смеётся, а я отвожу в сторону глаза. Я не могу объяснить отцу, что меня впервые за год по — настоящему тянет к женщине. Но эта женщина принадлежит моему врагу — человеку, её недостойному.

— Артём, слушай, что ты затеял? — Поворачиваюсь, ловлю взгляд отца. — Что у тебя на уме? Ты же не просто так хочешь помочь этой девочке. Может, тебе стоит посоветоваться со мной? Знаешь, как говорится: один ум — хорошо, а полтора — лучше.

— Очень смешно, — недовольно отзываюсь я. — Па, оставь ты меня и Катю в покое. А ещё лучше позвони на 'Мосфильм' прямо сейчас, а? Я понимаю, что у тебя отпуск и всё такое, но ты узнай прямо сейчас, для меня, на каких условиях твоё руководство выкупит эту книгу?

— Ну, хорошо, уболтал. Так и быть.

Отец нащупывает телефон в нагрудном кармане рубашки, набирает номер киноконцерна. Спрашивает какого-то Арсения Петровича, долго ждёт соединения. Наконец, до меня доносится: 'Сеня, привет! Ну, как дела?'. Далее папа начинает выстреливать фразами, убеждая собеседника в уникальности книги Кати. Я же поднимаюсь из

плетёного кресла и направляюсь к дальней стороне крыльца. Рассматриваю жасмин, малину. Взглядом отлавливаю маму, которая быстро идёт к дому со стороны кухни. Маму сопровождает приблудный толстощёкий чёрно — белый кот с интригующей кличкой Барсук. Барсук льстиво вьётся у мамы в ногах, а мама громко ругает кота за украденный им кусок говяжьей вырезки. Хлопает на щеке надоедливого комара и тут же поправляет тёмную, выбившуюся из гладкой причёски, прядь волос.

'Я так люблю её, — думаю я. — А после Аллы приезжал сюда только раз в полгода, да и то после длительных уговоров. Боялся, что мама прочитает по моим глазам всё, что я скрываю. А ещё спросит, когда же, я наконец привезу к ней с отцом свою девушку? Вот только Алла никогда не была моей девушкой. Впрочем, по большому счёту, моей она тоже никогда не была…'.

— Артём, всё, готово! Иди сюда.

Оборачиваюсь: отец машет мне рукой, подзывая к себе.

— Договорился?

Папа кивает, а на крыльцо взлетает мама.

— Мужчины, обедать! — властно требует она.

— Мяу, — вторит маме Барсук.

— Сейчас идём. — Папа ловит руку мамы и нежно целует её в ладонь. — Сейчас идём, Катя… А ты, Соболев — младший, как ни странно, снова был прав: сценарий действительно потянет на два миллиона, но при условии, что это будет именно готовый сценарий, а не рукопись, и не книга.

— Йес! — Я совершенно по — дурацки вскидываю вверх кулак и делаю торжествующий взмах локтем.

Папа быстро переглядывается с мамой, а я ловлю нечто в их глазах. И это 'нечто' настолько красноречиво, что в моей бедовой голове красной строкой немедленно пробегает мысль о том, что родители явно что-то затеяли.

Прищуриваюсь не хуже Барсука, сую ладони в задние карманы брюк и отступаю к косяку двери:

— Продолжай, — говорю я отцу.

— В общем, в течение двух недель из книги надо сделать полноценный сценарий. Как думаешь, твоя Катя сможет его написать?

— Во — первых, Катя — не моя, — напоминаю я. — А во — вторых, без понятия.

— Ну, тогда, если 'не твоя' Катя не сможет переработать книгу, то дай ей телефон отца. А ещё лучше, привези девочку к нам, папа ей сам всё

расскажет, — невинно заключает мама.

'Ах, вот оно что…'

Итак, передо мной — сговор двоих. Я насмешливо фыркаю:

— Сводничеством занимаетесь, уважаемые родители? Ничего у вас не выйдет: со своей личной жизнью я как-нибудь без вас разберусь. И кстати, если уж на то пошло, то я могу рассказать Кате, как писать сценарии. Ещё не забыл, вашими молитвами.

— Правда? — звучит ироничный голос отца.

— Правда.

— А ведь не дурак, — мама смеётся и неосознанным жестом поглаживает широкое плечо отца.

— Думаешь? — папа улыбается и накрывает ладонью тонкие пальцы мамы.

А я, не выдержав, смеюсь: мои родители всё-таки добились своего. А ещё мне отчётливо ясно, что маме и отцу Катя DUO почему-то понравилась.

Спустя час вызываю такси. Мама машет с крыльца, папа провожает меня до машины.

— Так не забудь, Артём: у вас с Катей есть две недели, чтобы написать сценарий, — напоминает он.

Я киваю:

— Запомню.

— Ну, пока. Звони, если что.

Отец захлопывает дверь, и такси отъезжает. 'Сценарий, — это отлично, — думаю я. — А пока озаботимся авторскими правами'.

В 16:00 вхожу в офис адвокатской конторы 'Дробин и Ко'. Киваю секретарю:

— Привет, Маша.

— Здравствуйте, Артём, — приветливо улыбается девушка. — Илья Алексеевич вас ждёт.

— И это правильно, — отвечаю я. — А как твои дела?

Маша стремительно задвигает ящик стола и краснеет:

— Всё хорошо, всё нормально.

— Любовь зла, — я подмигиваю растерявшейся Маше и толкаю дверь с табличкой 'Илья Дробин — старший партнёр'.

— Привет юристам!

— Салют коммерсантам! — Мой единственный, выживший после моего 'развода' с Аллой, друг поднимается из кресла и в привычной манере пытается ударить меня по плечу, от чего я уклоняюсь, и удар Ильи приходится в воздух. — Ты, как всегда, вовремя.

Я протягиваю для приветствия ладонь.

— Что с Агентством ISBN?

— С Агентством всё прекрасно. Давай, садись. Кстати, чай или кофе хочешь? Или чего покрепче? Сейчас Машку позову, — Илья тянет царственную длань к телефону, напоминающему миниатюрную АТС.

— Оставь ты Машу в покое, — советую я. — Ничего мне не надо, я к тебе прямиком от родителей.

— Ясненько. А Машку ты зря жалеешь: её ещё гонять и гонять! У нас же, у юристов, как?

— И как? — Я откидываюсь в кресле.

— А так: волка ноги кормят. — Илья садится за стол, назидательно тянет вверх палец и привольно размещает на углу столешницы две скрещённых ноги в туфлях нереального сорок шестого размера.

— Ну, тогда рассказывай, куда тебя ноги завели… или лыжи твои, — я насмешливо указываю подбородком на Дробинские ботинки.

— Да иди ты, — беззлобно фыркает Илья. — В общем, вот что мы уже прошли. — Далее Дробин быстро, без лишних фраз и метафор, рассказывает мне, как провёл встречу с 'Российской книжной палатой', как встретился с чиновниками из 'Роскомнадзора' и АЗАПИ, и во что нам с ним обойдётся создание собственного издательства,

основная 'фишка' которого заключается в выдаче авторам паспорта на книгу.

— Таким образом, наш издательский пакет будет состоять из индексов ББК и УДК, а также ISBN, который, как ты знаешь, представляет собой международный стандартный книжный номер, необходимый для распространения книжных изданий в любых торговых сетях, — заканчивает свой рассказ Илья. — А с учётом того, что Агентство ISBN нашу заявку приняло, и договор с ними я, как управляющий директор, уже подписал, то до 7 июля мы пройдём регистрацию в системе международной стандартной нумерации издания. А это означает…

— … что для получения ISBN на любую книгу нам будет достаточно оформить заявку по установленной форме, что займет часа два, — подхватываю мысль Ильи я. — Таким образом, писатель получит бонус — ISBN, подтверждающий его авторство, а мы с тобой — прибыль с продажи книги в онлайн — магазинах.

— Так точно, партнёр, — Дробин удовлетворённо жмурится.

— Так, а теперь скажи-ка мне, ты подготовил второй договор?

— Тот, что на два миллиона? — Киваю. — Ага.

Тебе распечатку сделать? Сейчас Машке скажу…

— Стой.

— Почему?

— Пришли мне на почту сначала, я договор сам проверю.

— Проверит он, — недовольно бормочет Илья, — да у меня, как в аптеке, всё всегда верно! И кстати, напомнил: в договор нужно внести подробное описание сервисного центра и паспортные данных тех людей, которые заключат сделку.

— Насчёт объекта — данные я сам внесу, я этот сервисный центр ещё не забыл. А насчёт паспортных данных — узнаю у Ка… то есть у кого надо.

— Всё у тебя тайны… — Илья косится на наручные часы. — Слушай, а ты пообедать не хочешь? Я нашёл тут такое хорошее кафе.

— Я уже один раз обедал, у родителей, — напоминаю я. — А ты лучше возьми с собой Машу. И сам развеешься, и девушке приятное сделаешь.

Повисает пауза. Илья озадаченно трёт лоб.

— Ну ты даёшь, Соболев, — Дробин вскидывает на меня глаза. Я киваю. — Ты что, решил, что Машка… ну… в меня… того?

— Что ты ей нравишься? Хочешь доказательство?

— Давай, стреляй, — Илья откидывается в кресле.

— Ну — у, Маша называет тебя исключительно по имени — отчеству, буквально трепещет перед тобой и при этом держит в верхнем ящике своего стола твою фотографию.

— А может, это для пропусков, — прищуривается Илья.

— Может быть, — невинно соглашаюсь я. — Только эти пропуска должны быть размером с плакат. Потому что твоё фото размером десять на пятнадцать.

Илья моргает. Потом улыбается:

— Ну ты спец. Ладно, давай, вали.

— Удачи на любовном поприще.

Пропускаю несильный удар в плечо, прощаюсь с Ильей. Шаг — и я в секретарской. Красная, как свекла, Маша сидит за столом и старательно отводит в сторону глаза. Я грозно сдвигаю брови:

— Маш, тебя Илья Алексеевич срочно зовёт!

— Ой, — Маша пугается и стремглав несётся к Дробину в кабинет. А я смеюсь и выхожу на улицу.'

— 2—

23 мая 2016 года, понедельник.

'Пристраиваю 'Ауди' в квадрат придомовой

парковки, выпрыгиваю из машины и первое, что я вижу, как из подъезда моего дома, украшенного латунной табличкой 'Дробин и Ко', выходит облачённый в костюм мальчишка, которого я встретила в 'Меге'. Он улыбается, сдвигает с затылка на нос солнцезащитные очки. Я моргаю и замираю в полупоклоне. Не замечая меня, мальчишка достаёт мобильный, что-то ищет в нём, быстро бегает длинными пальцами по клавиатуре. Потом убирает сотовый в карман и идёт в сторону проезжей части дороги. Через секунду его стройная и подвижная фигура скрывается от меня за зарослями акаций, а я выпрямляюсь и ловлю себя на мысли о том, что я спряталась за машину, точно девчонка. Раздражённо кусаю внутреннюю сторону щеки и рассматриваю вывеску адвокатской конторы. В голове мелькает безумная идея зайти и поинтересоваться, кто такой этот парень. Но, во — первых, моя задумка действительно дурацкая, а во — вторых, мой отец и сам юрист, и я, зная его работу, руку могу отдать на заклание, что в 'Дробин и Ко' меня скорее полиции передадут, нежели выдадут мне своего клиента.

От вихря мыслей, образовавшегося в моей голове, меня отвлекает пришедшая на телефон

смс-ка. 'Только бы не Бергер, и не Вера Павловна', — молюсь я и открываю сообщение от Германа. Увиденное заставляет меня открыть рот: 'Добрый вечер, Катя. Скажите, Вы сможете позвонить мне сегодня в шесть? Есть разговор'.

Прикидываю время. Мне ещё нужно сходить в магазин, набить холодильник продуктами и переделать кое — какие домашние дела, потому что моя квартира долгое время была в запустении. И я пишу:

'Добрый вечер, Герман. А Вы не против поговорить со мной не в шесть, а в восемь?'

'К сожалению, против. У меня встреча в девять вечера'.

'Интересно, куда это он, на ночь глядя?' — думаю я. Впрочем, мне-то какое дело? И я печатаю: 'Хорошо, в шесть я Вам наберу'.

'Отлично. Тогда жду звонка, Катя'.

Запихиваю телефон в карман жакета, роюсь в сумке, ищу ключи. Двигаю к подъезду, вызываю лифт, прибываю на седьмой этаж, отпираю входную дверь. До звонка ещё час. За это время я уже не успею наведаться в магазин, зато могу хотя бы кофе выпить. Иду на кухню, включаю чайник. Пока вода греется, сдираю с себя офисную 'броню' и, голышом, на ходу завязывая в пучок хвост

волос, отправляюсь в ванную.

Через двадцать минут, облаченная в джинсы и футболку, сижу на кухне. В руках — мобильный телефон. На столе — чашка с чёрным кофе. Я медленно прокручиваю в сотовом фотографии. Вот мы с Димкой, ещё улыбающиеся и очень счастливые. Этот снимок был сделан на нашем первом свидании. А вот Димка в своём кабинете, сидит за широким столом, и, привычно упершись подбородком в ладонь, смотрит на меня и смеётся. Вот третье изображение: Димка и я в первые майские выходные, на даче у моего отца. Рядом стоит мой папа и Инесса — его жена, заменившая отцу мою маму. Я не люблю этот снимок, но все мы здесь кажемся одной семьёй. Листая фотографии, я разглядываю то весёлое, то спокойное, то улыбчивое лицо Димки и думаю, когда же всё в нашей жизни пошло не так? Отчего всё так изменилось?

Вчерашняя ночь облегчения не принесла. Димка ворвался в мою квартиру, и я почувствовала, буквально ощутила кожей, как у Бергера внутри кипит злость, которую — я знала! — он выплеснет. И это произошло в нашей постели.

Дождавшись, когда я лягу, Бергер рывком притянул меня к себе.

— Дима, не надо.

— Почему?

— Я устала и не хочу.

Он промолчал, но его руки стальным кольцом обхватили меня, не давая высвободиться, а его привычный и родной запах, смешанный с ароматом дорогого парфюма, вдруг показался мне чужим и начал буквально душить меня.

— Дим, хватит. Остановись!

Но он силой загнал меня под себя, и я, впервые увидев его неумолимые глаза, испугалась по — настоящему.

— Дима, прошу тебя, нет!

Вместо того, чтобы оставить меня в покое, Бергер принялся добиваться ответа от меня. Это было страшно и отвратительно. Неведомо как вывернувшись из-под него, я спрыгнула с кровати и отбежала на середину комнаты.

— Бергер, ты с ума сошёл? — Мне хотелось сказать это грозно и громко, но из моего горла вырвался только испуганный писк. Не сводя с меня глаз, Димка скинул с постели ноги, собираясь встать и достать меня.

— Не подходи, или я закричу!

Мой несчастный вопль резанул тишину комнаты. Услышав его, Бергер замер. Вздрогнул, мотнул головой, точно отгонял видения. Положил локти

на колени, устало пропустил между пальцами взлохмаченную шевелюру волос. Его руки казались белыми в темноте, а я отчего-то подумала, что я — с чужаком в одной комнате.

— Бергер, ты с ума сошёл? — обнимая себя руками, чувствуя, как меня начинает трясти, шёпотом повторила я.

— Что? Нет… Всё, Кать, прости. Просто… у меня на работе не заладилось. А теперь ещё и ты…

— Что 'я'? — Больше всего в эту минуту я боялась, что Бергер поднимет голову, и я снова увижу его глаза. — Что я не так сделала?

— Ты стала другой, — помедлив, нехотя произнёс Дима. — Я почти потерял бизнес, а теперь ещё и ты отказываешь мне. Последнее время ты постоянно говоришь мне 'нет'.

— А ты хотел, чтобы я с утра и до ночи скакала, как заведённая кукла? — Гнев, охвативший меня, придал мне нужные силы. — Ты считаешь, что я всегда должна говорить тебе 'да'?

— Можешь молчать. Всё лучше, чем открыто демонстрировать отсутствие желания спать со мной.

— Погоди-ка. Выходит, ты так пытаешься компенсировать неурядицы на работе? Я за этим тебе нужна? — Теперь кое-что понятно и мне. А глав-

ное, мне стало ясно, почему моё тело перестало отзываться на него. Смотрю на Димку, который молчит. Но молчание — знак согласия. — Дим, опомнись. Твой бизнес — это всего лишь деньги. Это. Всего лишь. Деньги!

— Мужик без денег — для женщины ничто, — Бергер поднимает голову и угрюмо глядит на меня. — И то, что ты стоишь там, а не лежишь здесь, — он дважды хлопает ладонью по простыне, — это как раз лучшее тому доказательство.

Между нами разливается вязкая тишина. А внутри меня образуется новая трещина.

— Прости, но тебе сейчас лучше уехать, — признаюсь я.

— Что? — Димка невольно хмурится.

— Сейчас тебе лучше уйти. Или же уеду я.

— Куда это, интересно? — Я молчу. — Ладно, всё. Я был не прав. Пойду в душ, а ты пока тоже остынь, Катя. — Бергер встаёт, и избегая глядеть на меня, решительно направляется в ванную. Хлопает дверью, откуда через минуту слышится шум воды. А я сажусь на диван, стоящий у окна. Обнимаю колени и плачу.

Я так и задремала там, на диване, свернувшись клубком. В полудрёме я ощутила, как Димка

вернулся в комнату и подошёл ко мне. Тронул меня за плечо.

— Дим, не надо!

— Не буду… Да не дёргайся ты! Я только перенесу тебя на кровать.

— Сама дойду.

Больше Бергер до меня не дотрагивался.

Утром всё было, как и раньше: мы улыбались друг другу и разговаривали, но это были уже улыбки двух чужаков, проснувшихся в одной комнате. Между нами чувствовался первый серьёзный скол, а в воздухе до предела натянутой струной звенело нешуточное напряжение. Оно ощущалось в наших коротких словах, в излишне вежливых фразах и настороженных взглядах. Оно не пропало даже тогда, когда Димка поцеловал меня в щёку, благодаря за завтрак. Взрывоопасность была даже тогда, когда мы вместе вышли из дома и спустились в затенённый акациями двор. Там, решившись, я протянула Димке ключ от замка зажигания своего 'ауди'.

— Это ещё зачем? Тебя на работу отвезти? — Бергер с недоумением воззрился на меня.

— Сейчас объясню. Но сначала… Скажи, ты не будешь против, если эту неделю я буду ночевать здесь, одна, у себя?

— Зачем?

— Дим, — помедлив, я мягко тронула его за отворот твидового пиджака, — мне не понравилось то, что случилось. Да, у тебя на работе неприятности, но я — не трофей и уж тем более, не компенсация. Беда даже не в том, что ночью ты напугал меня. Проблема в том, с кем ты меня сравнил. Возможно, я дала тебе повод так говорить о себе, приняв от тебя эту машину, но… в общем, я хочу её вернуть. Извини.

— Нет, Катя, не надо! — Бергер схватил меня за запястье, вложил в мою ладонь ключ и осторожно потянул на себя. — Не надо, Катя, пожалуйста. Пойми, мне сейчас трудно.

— Ладно, хорошо, — лишь бы не спорить, кивнула я, мысленно поклявшись прибавить стоимость своего 'ауди' к двадцати пяти тысячам долларов — тем самым, которые мне ещё предстояло достать. — Но, может быть, нам лучше пока взять в отношениях паузу? Мне кажется, тебе надо выдохнуть.

— А тебе?

— А мне — разыскать для тебя два миллиона.

— То есть, ты сможешь? — Димка изумлённо моргнул, и в его глазах появилось прежнее выражение мягкости и тепла.

— А ты как думаешь? — грустно улыбнулась я.

— И ты не сбежишь с моего тонущего корабля к другому мужчине?

— Я похожа на крысу? Или на твою бывшую жену? — Вот теперь начинаю злиться я.

— Нет. Ты похожа на мою будущую жену… Хорошо, если тебе так удобней, то поживи пока одна.

'Интересно, отпустил бы он меня так легко, скажи я ему, что не смогу найти два миллиона?' — думала я, провожая глазами его машину — не тот новенький, лаковый, чёрный 'Бентли', который был у Димки год назад, а старенькую, как и у меня, 'ауди'.

Оттрубив на работе положенные восемь часов (без учёта времени на обед, которого мне хватило, чтобы смотаться к Димке на Олимпийский проспект и забрать кое — какие вещи), я отправилась к себе домой. Дальнейшее вы уже знаете. И вот сейчас я сижу на кухне и жду шести. Мой взгляд невольно падает на часовые стрелки.

'Господи боже мой, уже шесть пятнадцать, а Дьячков просил меня позвонить ему ровно в шесть!'

Хватаю телефон, но в спешке опрокидываю чашку. Чертыхаюсь, ищу тряпку, чтобы вытереть стол. В это время мобильный истошным голосом

исполняет сигнал входящего.

— Алло, — кричу я в трубку.

— Э — э, Катя? — У Дьячкова тот удивленный тон, которым разговаривают люди, встретившие на улице живого мамонта.

— Да, это я, я, — еложу тряпкой по полу.

— Катя, у вас всё хорошо?

— У меня всё прекрасно! — Я бьюсь головой об острый угол столешницы: — Ай!

— Оно и видно, — фыркает Герман. — Вам что, кирпич упал на ногу?

— Нет, я кофе пролила, — жалуюсь я.

— Обожглись?

— Нет.

— Мне перезвонить вам?

— Нет, секунду, — откладываю мобильный, отжимаю тряпку, вытираю руки. — Всё, я готова.

— Катя, скажите, вы умеете писать сценарии?

Если бы он спросил у меня, летала ли я на Луну, я не удивилась бы больше.

— Да как вам сказать, — осторожно начинаю я. — В институте я это проходила.

— А в жизни?

— А в жизни я пока пишу только книги.

— Ясно… В общем, я нашёл для вас два миллиона, но, чтобы их получить, вам в течение

двух недель придётся переложить ваш роман на сценарий.

— Что? — удивляюсь я. — Зачем?

— Вашу книгу хочет купить одна уважаемая киностудия.

— Какая?

- 'Парамаунт Пикчерс' подойдёт? — фыркает Дьячков. — В общем, это 'Мосфильм', Катя… И если вы действительно знаете, как писать сценарии, то это сэкономит время вам и мне. Если нет, то я готов вам помочь.

— И сколько я вам буду должна за это? — не смогла удержаться я, помня его прыть.

— Нисколько, — в ответ огрызается Герман. — Считайте, что это уже входит в мои комиссионные.

— Хорошо, — мямлю я, — простите… А с чего мы начнём?

— А начнём мы с того, что я перешлю вам шаблон сценария. Вы как следует посмотрите на него, а завтра зададите мне все вопросы.

— А я могу перезвонить вам сегодня, предположим в десять часов, как вчера? Мы сможем поговорить по 'Скайпу', — закидываю удочку я, потому что мне очень хочется его увидеть.

— Нет, — резко говорит Герман. Потом исправ-

ляется и берёт другой тон: — Простите, Катя, но я не смогу. В это время у меня другая встреча.

— Встреча?

'Так поздно?'

— С девушкой, — смеётся Дьячков, и я понимаю, что я произнесла свой вопрос вслух. — Так что до завтра, Катя.

Герман вешает трубку, а на мою почту приходит письмо с обещанным мне трафаретом. 'Спасибо', — торопливо печатаю я. В ответ — тишина. Итак, Герман отправился по девочкам, а меня ждёт работа. Вздохнув, сажусь за компьютер. Последняя мысль, перед тем, как я окончательно погружаюсь в шаблон, это вопрос: тот мальчишка, что был с ним, тоже пойдёт по 'зайкам'?'

Глава 8. Ляссе

Ляссе — узкая лента для закладки страниц в книге.[8]

— 1 —

24 мая 2016 года, вторник — 7 июня 2016 года, вторник.

' 'Доброе утро, Герман! Я прочитала шаблон сценария, и у меня есть вопросы'.

'Доброе утро, Катя. Странно, если бы у Вас их не было. Что Вас интересует?'

'В почте долго писать. Можно, я Вам позвоню?'.

'Можно. Как насчёт шести часов вечера?'.

'Ах, ну да (смайлик). Простите, я забыла, что у Вас с девяти вечера встречи с Вашими девушками'.

'Вашими молитвами, Катя'.

'Хорошо, перезвоню Вам в шесть'.

Так завязывалась наша переписка.

Утром я просыпался, брал с собой ноутбук или планшетник и отправлялся в близлежащий, уже заполненный компьютерными кофеманами 'Старбакс', — или же шёл на кухню. Согревая

---

[8] Примечания: 8

Ляссе — узкая лента для закладки страниц в книге.

ладони о фирменный бумажный стакан с дымящимся капучино или же залив кипятком обычный растворимый, я просматривал новые книги, присланные мне модератором. В двенадцать звонил Дробину и либо заезжал к нему на обед, либо встречался с группой талантливых программистов, которые разрабатывали платформу для нашего с Ильёй издательства. В шесть созванивался с Катей, в семь забирал Наташу, чтобы выбраться с ней в кафе или в кино, но чаще мы ехали ко мне.

В одиннадцать 'зайка' выставлялась домой, и начиналось моё священнодействие. Устроившись за кухонным столом, я перечитывал письма Кати, проглядывал те эпизоды сценария, которые она успевала прислать мне и предлагал ей свои правки. Иногда Катя охотно соглашалась со мной, но чаще спорила. Обычно это начиналось так:

'Добрый вечер, Катя. Есть фрагмент, который нужно переписать'.

'Добрый вечер. Поясняйте'.

'Печатать долго. Можно, я Вам позвоню?'.

'Только не в шесть (смайлик)'.

'Тогда во сколько?'.

'В одиннадцать или в двенадцать. В это время я ещё не ложусь'.

'А что скажет Ваш жених?'.

'А он в командировке!'.

И я звонил. Выкладывал, что мне не нравилось. Закончив свой мастер — класс и приняв излюбленную позу (нога на ногу и рука, закинутая за голову), я слушал то, что отвечала мне Катя. У неё был приятный голос, с той лёгкой, чувственной хрипотцой, которая неизменно вызывала мой интерес. В какой-то момент я даже стал позволять себе прикрывать глаза, чтобы представить её точёное лицо с зелёными, как дягиль, глазами.

— Герман, ау, вы где? Вы меня вообще слушаете? Я вам только что вопрос задала, — смеялась в трубку Катя.

— Прости, я задумался, — будучи пойманным с поличным, однажды покаялся я.

— Хорошо, я тебе сейчас всё повторю, — пригрозила Катя.

— Давай, я тебя слушаю, — усмехнулся я.

Так мы перешли на 'ты'.

К концу первой недели в нашей приятельской беседе наметился новый прогресс. Катя как-то вскользь поделилась со мной проблемами на работе. Я же в свою очередь рассказал ей, как меня достал один автор. Посмеявшись над Катиной начальницей (нет худшего хозяина, чем бывший

раб) и над писателем, чьи провокации по искусственному занижению рейтинга конкурентов сошли на нет благодаря внедренному мной хитроумному приложению, Катя и я благополучно перешли к обсуждению тех закрытых и философских тем, за которыми, как это ни странно, всегда видны наши принципы и характер.

— Занятный ты парень, — призналась Катя в один из дней.

— Почему? — Я улегся на диван, с интересом ожидая, что последует дальше. И Катя не подвела:

— Ну, знаешь, есть люди, которые окружают себя стеной, хотя сами мечтают, чтобы кто-то её разрушил. И при этом, — с лёгким смущением фыркнула она, — эти люди всячески упираются, когда кто-то пытается эти стены сломать.

— А ты, значит, хочешь проникнуть за мои заграждения?

— Ну, в общем, да.

— А зачем? Я не настолько любопытный тип, как тебе кажется.

— Да как сказать, — смутилась Катя. — Вообще-то ты начинаешь мне нравиться.

Она засмеялась, а я впервые по — настоящему захотел её разобрать и понять, что же в ней

тикает.

Впрочем, я отдавал Кате должное: она не предпринимала попыток силой пробиться мне в душу, хотя и не оставляла попыток заглянуть туда.

— Слушай, Герман, может, нам стоит обсуждать сценарий по 'Скайпу'? — однажды предложила она.

— Зачем?

— Ну, я люблю смотреть в глаза собеседнику. К тому же, ты меня уже видел, и я, если честно, тоже кое-что прочитала про тебя в 'Википедии'.

— Кать… — тяжело вздохнул я.

— Что? — невинно откликнулась Катя.

— Извини, но нам лучше оставить всё, как есть.

— Ну ладно, как скажешь.

Увы, я так и не смог открыться ей: я слишком дорожил тем согласием, которое воцарилось между нами. Но было ещё кое-что: впервые за долгое время моя душа лечилась в ощущении равновесия, выцветшего в моей памяти. А эти две недели подарили мне покой. Я был почти счастлив и не хотел ничего менять. Но реальность часто вмешивается в наши планы, а прошлое и настоящая боль всегда к нам возвращаются.

7 июня моя сероглазая 'зайка' явилась ко мне

домой с целой кипой тетрадей и с виноватым видом попросила у меня воспользоваться моим ноутбуком.

— Артём, можно я у тебя реферат допишу? У меня сессия.

Мысль о том, чтобы пустить Наташу за мой компьютер, меня, мягко говоря, не прельщала, и я поинтересовался:

— А с твоим ноутбуком что?

— Ну, он не пашет. А у меня экзамены на носу. — В доказательство своих слов Наташа жалобно морщит нос. — Артём, ну, пожалуйста.

— Ладно, садись, — с неохотой соглашаюсь я.

— Ой, вот спасибо! — Наташа с благодарностью виснет на моей шее, после чего с удобством рассаживается на стуле. — Я ненадолго, — весело обещает она и по — хозяйски придвигает к себе мой 'Хьюлетт'. — Максимум час, а потом ты и я кое — чем займёмся.

'Кое — чем' означает наш неизменный интим, который начал мне приедаться.

— Может, лучше в кино сходим?

— То есть? — выпрямляется на стуле Наташа.

— В смысле, в кино новый фильм идёт. Говорят, хороший.

— У нас что-то не так? — 'Зайка' уставилась на

меня подозрительными глазами.

— Всё у нас так. Пиши свой реферат, а я книгу почитаю.

— Хорошо, как скажешь, — и Наташа с головой ныряет в мой компьютер. Посмотрев на то, как её пальцы в бешеном темпе летают над клавиатурой, подавил в себе последний червячок сомнения. Прихватил 'планшетник', отправился в комнату и улёгся на диване. Пристраиваю 'девайс' к колену, нахожу рукопись нового автора. Забравшись в дебри детективного сюжета, я даже не заметил, как провёл на тахте полтора часа вместо часа, обещанного Наташей. Но от чтения меня отвлекли не стрелки на часах, а то, что из кухни, где над рефератом трудилась 'зайка', перестал раздаваться мерный и бойкий стук клавиш.

Чужие эмоции сложно считать, но зато их можно впитывать. А ложь для меня — это чувство, которое просто висит в воздухе.

'Компьютер… Реферат… Интернет… моя почта… Интересно, а что там Наташа делает?'

Откладываю планшетник, скидываю ноги с дивана и отправляюсь на кухню. В проёме двери вижу 'зайку', скорчившуюся на стуле. Наташа уставилась в ноутбук с тем напряжённым видом, с которым люди читают нечто, запретное для

них. При звуке моих шагов Наташа вздрагивает и поднимает голову. Секунда — и я вижу в её глазах не страх, а гнев и все те эмоции, которые очень напоминают ревность. Остановившись в дверях, я жду, и, видимо, на лице у меня то бесценное выражение, от которого Наташа краснеет.

— Так что тебе в моём ноутбуке понадобилось? — невозмутимо осведомляюсь я.

— Кто такая Катя, Артём?

Пауза. Ошарашенно гляжу на 'зайку':

— Что?

— Кто такая Катя? У тебя с ней отношения? — Наташа взвинчивает голос, а в кухне начинает витать аромат разборок 'по — семейному'. — Так кто такая Катя?

Пережив первый шок, отлепляюсь от стены и делаю шаг к столу. 'Зайка' испуганно откидывается на спинку стула. Я же передвигаю к себе ноутбук и вижу открытый 'Outlook'. В нём — вскрытые письма, Катины и мои. Выпотрошенный сценарий, выуженный из кучи писем договор по разделу сервисного центра, и, наконец, фотография Кати. Закрываю глаза. Считаю до десяти, чтобы не придушить 'зайку'. В итоге, опираюсь одной ладонью о спинку стула, вторую кладу на стол. Наклоняюсь, чтобы видеть лицо

Наташи.

— Так для чего тебе мой компьютер понадобился? — очень тихо спрашиваю я. — Решила поиграть в Мату Хари?

— Я просто хотела отправить Ольке свой реферат, — отнекивается Наташа. — Открыла иконку почты и увидела вот это!

— Врёшь, — мёртвым от злости голосом режу я. — Скажи, — я не свожу глаз с Наташи, — тебе старшие никогда не объясняли, что чужие письма нельзя читать?

— Объясняли, — Наташа хищно кривит алый рот. — А ещё мне рассказывали, что нельзя спать сразу с двумя девушками.

— Так — так, продолжай, — преувеличенно любезно предлагаю я.

— И, между прочим, это ты виноват. Я, может, и не стала бы залезать в твою почту, если бы ты… если б ты не… в общем, ты изменился. Ты меня… не хочешь, — Наташа бросает мне обвинение.

— А я должен всё время хотеть, да? — Прищуриваюсь. — 'Зайка' моя, я ведь нормальный человек, а не заводная игрушка.

— Зато раньше ты всегда хотел, — огрызается Наташа. — А две недели назад ты в первый раз сказал мне 'нет'. А потом вообще, как отрезало.

'Давай сходим в кино, давай сходим в кафе', — передразнивает меня 'зайка'. — Ты случайно не замечал, что мы стали реже встречаться?

— И это тебя убивает, — киваю я. — Так сильно убивает, что ты не придумала ничего лучше, как прикрыться несуществующим рефератом и влезть в мой компьютер. Так?

— Так! Я просто не знала, что мне делать! И я посоветовалась с Олькой, а Олька рассказала мне один проверенный способ, и…

'Да тут целый заговор.'

— Ну, дальше, — поощряю 'зайку' я.

— Ну, и Олька предложила мне твой мобильный проверить, но он у тебя под паролём. И вот тогда…

— … Вам с Олей пришло в голову развести меня на доступ к моим файлам.

— Да! — заходится в крике 'зайка'. — И я оказалась права, потому что у тебя рассказ в черновиках. Этот этюд к Кате, — Наташа презрительно кривит губы. — А ещё тут целая папка твоих писем к ней… Ты спишь со мной, потому что она тебе не даёт, хотя так тебе нравится?

Женская ревность и любопытство — два пагубных порока. И если первое просто отравляет твою жизнь, то второе проникает в твой дом под ли-

чиной энтузиазма и желания оказать посильную дружескую 'помощь'.

— Олька советовала по датам проверить, — ввинчивается в мои уши пронзительный голос 'зайки'. — И я проверила. Ты писал этой Кате этюд о том, что ты мечтал бы с ней сделать, в тот самый день, когда я была у тебя… Как ты мог? Я… я же живой человек!

У Наташи срывается голос. Я же отлепляюсь от стула, тру ладонями лицо. Не сдержавшись, всё-таки чертыхаюсь и бью кулаком в стену. Наташа невольно вжимает голову в плечи, трусливо мечется взглядом по моему лицу и начинает плакать. Крупная прозрачная капля срывается с кончика её носа и падает на клавиатуру. Наташа шмыгает носом, её лицо некрасиво морщится, взгляд становится жалким, и она ударяется в настоящий рёв. А я мигом теряю весь свой запал. Почему-то ловлю себя на мысли, что женские слёзы изобретены для того, чтобы нами манипулировать. Не верите? Надави на жалость — и посыплется каждый второй. Вот и я опускаюсь на корточки и, поглаживая колени Наташи, начинаю просить:

— Ну перестань. Ну, пожалуйста. У меня с Катей ничего не было, слышишь меня?

— Кто такая Катя?

Очень хочется отвесить Наташе оплеуху, но вместо этого я принимаюсь вытирать её мокрые щёки.

— Катя — это новый автор на моём сайте, — каюсь я.

— Да? Ну и как этот твой сайт называется? — 'Зайка' обиженно хлюпает носом.

- 'Звёзды самиздата'.

— Правда?

— Правда.

— Покажи, — Несчастная Наташа трёт ладонью глаза и доверчиво прижимается к моему плечу.

Придвигаю злосчастный ноутбук, ввожу знакомый веб — адрес:

— Вот, смотри сама.

'Зайка' внимательно изучает страницу, после чего снова хмурится:

— Но здесь написано, что сайт принадлежит Герману.

— Так и есть, — подтверждаю сей неоспоримый факт я. — До 7 июля хозяином сайта для всех будет небезызвестный тебе Дьячков.

— Так ты поэтому его именем подписываешь свои письма к Кате? — Киваю. — А скажи, — Наташа судорожно вытирает нос, — эта Катя тебе

очень нравится?

— Так, хватит, — в конце концов, не выдерживаю я. Поднимаюсь и отхожу в сторону.

— Я тебя ей не отдам! — догоняет меня голос Наташи. Оборачиваюсь. Знаете, что интересно? В голосе у Наташи слёзы, а в глазах — откровенная злость. — Я люблю тебя, а ты… Ты…

— Наташ, — устало отзываюсь я, — может, уже хватит? Ну какая любовь?

— А зачем ты общаешься с Катей? Тоже играешь с ней в какую-то игру?

— Оставь эту тему.

— Почему это?

— Потому, что Катя собирается выйти замуж за другого человека.

— И как зовут этого человека?

— Господи, да какая тебе разница?

— А тебе скажу, какая: у тебя в почте есть договор на раздел сервисного центра. И ты очень хочешь, чтобы Кате досталась доля в нём. Ты даже писал этой Кате, что отдашь ей два миллиона! С чего бы такая щедрость, Артём?

Знаете, кто я? Я — дурак, который чуть было не открыл нараспашку душу в то время, когда мне надо было запереть её на засов.

— Всё, хватит. Собирайся.

— Что? — в ужасе выдыхает Наташа.

'Зайка' растерянно открывает рот. Сглатывает, поднимается, после чего с отчаянным видом захлопывает ноутбук и направляется прямиком ко мне. Кладёт руки мне на талию, встаёт на цыпочки, но я, пользуясь разницей в росте, отвожу подбородок в сторону:

— Нет.

— Опять нет? Почему? — яростно шипит Наташа. — Из-за неё всё, да? Из-за этой Кати?

Я молчу, разглядывая серые глаза, так похожие на глаза Аллы. Наташа в свой черёд упрямо прикусывает губы и за каким-то чёртом опускается передо мной на колени.

— С ума сошла? — холодно интересуюсь я.

— Ты её забудешь, — с угрозой произносит 'зайка' и со знанием дела проводит ладонями по моим ногам, вниз и вверх. — Я тебе обещаю.

— Ты что задумала?

Вместо ответа Наташа дёргает кнопку на моих джинсах, тянет вниз 'язычок' молнии и прижимается щекой к моему бедру.

— Ты их всех забудешь, — обещает она. Прежде чем меня опаляет её дыхание, успеваю сделать шаг назад:

— Прекрати это.

Наташа растерянно поднимается. А я ищу сигареты.

Через пятнадцать минут, которые мы проводим в её злых слезах и моём молчании, сажаю Наташу в такси.

— Артём, мы ещё увидимся?

'Ну, это вряд ли', — думаю я.

— Я тебе сам позвоню.

'Зайка' немедленно всхлипывает. Я вручаю таксисту пятьсот рублей, называю адрес Наташи, после чего, не оглядываясь на отъезжающий автомобиль, иду к своему подъезду. Вызываю лифт, отпираю квартиру и возвращаюсь на кухню. Сажусь за ноутбук и разглядываю свою выпотрошенную почту. Письма — Катины и мои. Глядя на переписку, опороченную детской ревностью и любопытством двух глупых 'заек', я думаю о том, что Наташа, как это ни странно, права: я заигрался в прятки, в то время, как в жизни всегда приходится выбирать между тем, что тебе нравится, и тем, что ты сделать должен.

— Прости меня. — Я выделяю то, что так долго хранил — фотографию Кати, письма и мой этюд, и навсегда их стираю. После чего кладу пальцы на клавиатуру.

'Добрый вечер, Катя, — начинаю быстро пе-

чатать я. — Сценарий почти готов, так что я отправляю тебе договор на раздел сервисного центра. Внеси в него паспортные данные, свои и Дмитрия Бергера. Один экземпляр договора вместе с копиями ваших паспортов передашь мне с курьером. Как только это произойдёт, я переведу тебе деньги. На этом наше сотрудничество можно считать законченным'.

Нажимаю на кнопку 'отправить'. Моё письмо уходит, а я откидываюсь на спинку стула и жду. Отклик Кати приходит молниеносно:

'Зачем ты так?'.

Но мне нечего ей ответить'.

— 2 —

24 мая 2016 года, вторник — 8 июня 2016 года, среда.

'Вот и всё: как я ни старалась, но повозка судьбы привезла меня к точке назначения. За две недели, что были у нас с Германом, я решила: он передумает. Он поймёт и не станет принуждать меня к выполнению условий сделки. Но я ошиблась: передо мной был всё тот же Дьячков — холодный, спокойный, расчётливый, обдумавший всё наперёд.

Рассматривая соглашение, упавшее мне на почту, я чувствую, как внутри меня образуется

ком. Усилием воли сглатываю и запрещаю себе плакать. Стараясь успокоиться, расхаживаю по квартире и задаю себе вопрос: что мне теперь делать? Да, волей — неволей, но мне придётся предъявлять договор Бергеру. Но сначала я хочу кое-что проверить. Набираю воздух в лёгкие, давлю вкус непрошенных слёз, беру телефон. Набираю номер, по которому предпочла бы никогда не звонить. Гудок, два, три, четыре. 'Возьми трубку', — мысленно приказываю я.

— Катенька? — откликается папа. — Здравствуй, котёнок.

— Привет, — сухо отзываюсь я. — Скажи, ты свободен? Мне твоя помощь нужна.

— Всё, что только хочешь! — радуется отец, но в его голосе — виноватые нотки, которые всегда возникают при нашем разговоре, потому что между нами призрак моей мамы. Пришло время сознаться: я ношу фамилию матери, потому что не смогла простить отцу его второго брака. Впрочем, женись он через несколько лет после смерти мамы, — и я бы смирилась, я бы слова не сказала отцу. Но папа нашёл другую всего через год.

— Па, у меня есть договор, который я должна подписать. Ты не мог бы его проверить?

— Что за документ? — Секрет второй: мой па-

па Георгий — заместитель прокурора города Москвы. — Не смей ничего подписывать без меня, — предупреждает отец.

— Правда? — огрызаюсь я. Папа тут же сбавляет тон:

— Катя, когда ты подъедешь?

— Ты на службе?

— Нет. Я на даче, у меня отпуск.

'Вот чёрт…' На даче у папы — Инесса. Его вторая жена, которая моложе его на пятнадцать лет и которая очень любит разыгрывать роль моей доброй мачехи.

— Слушай, па, давай лучше в городе встретимся.

— Катя, — при намёке на то, что я хочу избежать встречи с Инессой, у отца моментально прорезается стальной тон, — Катя, ну сколько можно! Столько лет прошло… Пожалуйста, прекрати вести с Инной войну. Поверь мне, она тебя любит.

— Это она тебя любит! — со всей присущей мне злостью парирую я.

— Катя, приезжай с договором на дачу, — командует отец.

— Знаешь, что? Я тебе это соглашение на электронную почту сейчас пришлю, а потом я перезвоню тебе, и ты мне…

— Не получится, — отрезает отец. — Как ты знаешь, я не сторонник этих новомодных штучек. Пожалуйста, бери своё соглашение и приезжай сюда, когда ты сможешь. Всё, я жду тебя.

Папа вешает трубку, а я сжимаю кулак и со всей силы, плашмя бью им по подоконнику. Папа поймал меня на удочку не хуже Германа, потому что мой отец знает: я никогда не позволю себе подписать документы, из-за которых он может лишиться погон.

На следующее утро, перезвонив отцу и вооружившись отгулом, вытребованным у Веры, выхожу из дома. Настроение у меня прескверное (это ещё мягко сказано!), но, стиснув зубы, сажусь в автомобиль и выжимаю газ в пол. Через час с хвостиком обретаю себя в коттеджном посёлке 'Певчее'. Останавливаю 'ауди' у ворот, нажимаю звонок.

— Катенька! — Калитка распахивается, а передо мной возникает Инесса: маленькая, невзрачного вида женщина — шар, чей рост заканчивается там, где начинается мой подбородок. Как всегда, на Инессе бесформенный свитер до пят и чёрные леггинсы.

'Моя мама была красавицей. Что мой отец нашёл в тебе?' Я презрительно щурюсь и бросаю

скороговоркой:

— Здрасьте, тетя Инна.

Инесса тянется с объятиями, но я искусно пресекаю её маневр, делая шаг в сторону. Инесса грустно вздыхает:

— Сейчас я ворота открою, ты машину на участок загонишь.

— Не стоит. Я, к счастью, ненадолго.

Огибаю женщину — колобок и марширую к двухэтажному дому, утопающему в кустах жасмина. Невольно отмечаю, как разрослась фиолетовая сирень и что каштан увенчан плетью винограда, а вокруг дома наконец появился ухоженный и нарядный цветник из маленьких подмосковных роз, который так хотела мама. 'Новая хозяйка у нас с головой: знает, что отцу нравится', — подстёгивает меня очередная злая мысль.

— Катенька, — папа стоит на крыльце и машет мне. Невольно ускоряю шаг, чтобы, как в детстве, броситься отцу на шею, но, одёрнув себя, продолжаю спокойно идти по белой, выложенной плиткой, дорожке. Приближаюсь к крыльцу.

— Привет, — сухо бросаю я. — Пойдём, где-нибудь сядем. Есть разговор один на один.

Игнорируя Инессу, которая топчется за моей

спиной, прохожу в дом, который знала всю свою сознательную жизнь. Но это уже не тот дом, в котором были папа, мама и я, — теперь в нём правит совсем другая женщина. 'Десять лет прошло. Это глупо', — скажете вы. Возможно. Но я — такая.

— Катя, когда вы закончите с папой, скажите мне. Будем обедать, — раздаётся за моей спиной робкий голос Инессы. Готовясь дать ей отпор, поднимаю глаза на отца. И что-то есть в его взгляде, из-за чего я сдаюсь:

— Хорошо, тётя Инна, скажу.

Отец с облегчением вздыхает, Инесса радостной бабочкой упархивает в кухню, и до меня немедленно доносится весёлый грохот кастрюль.

— Спасибо, что не стала отказываться от обеда, — с искренней признательностью говорит мне отец.

— Не за что. Обращайся.

Я вообще быстро отыгрываю свои упущенные позиции. Папа стискивает челюсти, но через секунду делает вид, что у нас всё прекрасно.

— Ну, садись и рассказывай. — Он указывает мне на два плетёных стула и круглый стол с салфеткой, вышитой моей мамой. И мне отчего-то становится приятно, что Инесса оставила и эту

салфетку, и мебель, и интерьер дома, который был ещё при моей маме. Но я отгоняю добрые чувства и сажусь за стол.

— Папа, — решительно открываю папку, — посмотри на этот договор. Речь идёт о разделе сервисного центра, которым владеет Димка.

Отец принимает сколотые страницы и тут же отлистывает в конец соглашения. Поднимает на меня вопросительный взгляд:

— Тут сумма сделки не вписана.

Но я молчу. Откровенно говоря, сумма стояла, но это я её удалила, чтобы не подставлять Димку.

— Сумма появится, — выдаю я искусную ложь. — К тому же, она будет номинальной и составит ровно пятьдесят тысяч рублей.

Пятьдесят тысяч рублей — это моя зарплата, поэтому отец спокойно проглатывает моё вранье.

— А зачем Дмитрию понадобилось делить с тобой свой центр?

— А это его подарок на свадьбу, — невинно хлопаю ресницами я.

— Да? Очень интересно… — недоверчиво тянет отец. — А соглашение кто составлял?

Иногда мой папа напоминает бульдога, вцепившегося в собеседника. Но это — излишки его

профессии, от которых я, прокурорская дочь, умею отбиваться.

— А договор составлял один мой хороший знакомый, — отвечаю я.

— А у него есть имя? Как его зовут? — Отец уставился на меня. — Ты давно с ним знакома? Я его знаю?

— Папа, — фыркаю я, — скажи, пожалуйста, мне сколько лет?

— Двадцать семь, а что?

— Но не пятнадцать? Так неужели я обязана представлять тебе всех, кого я знаю? Бергера тебе недостаточно?

— Нет, но, — папа досадливо морщится, — но я бы предпочёл знать всех твоих знакомых. И иногда видеть их в этом доме, вместе с тобой.

— Я бы тоже хотела этого, — моментально парирую я. — Но, к твоему сведению, теперь это не только твой дом, но и дом твоей милой Инессы.

— Ты никогда не простишь мне этого брака, да? — Отец откладывает договор на стол. — Катя, столько лет прошло… И потом, разве Инна мало для тебя сделала?

— Много сделала, — немедленно соглашаюсь я. — Квартиру мне свою подарила, а сама переехала к тебе.

— Знаешь, порой ты ведёшь себя, как ребёнок, — отец укоризненно качает головой. — Я ещё мог понять, когда ты в семнадцать лет взяла фамилию мамы. Но сейчас-то ты за что мне мстишь?

— Напомнить тебе, что Инесса была 'лучшей подругой' мамы? — злюсь я. — Что она вечно тёрлась в нашем доме во время маминой болезни? И что ты женился на этой женщине всего через год, как умерла мама? — Да, это удар под дых, но я ничего не могу поделать с собой.

— Катя, — тяжело вздыхает папа, — в таком случае, позволь и мне кое-что напомнить тебе: твоя мама хотела, чтобы у тебя была та, кто её заменит.

— А ты и рад стараться, да?

Вскакиваю со стула и отхожу к окну.

'Зря я сюда приехала… Каждый раз одно и то же.'

— Знаешь, папа… — начинаю я, но меня прерывает голос отца.

— Знаешь, Катя, я бы жизнь свою отдал, лишь бы твоя мама жила. Но это — мечта о невозможном… Я никогда тебе не говорил, но… в общем, перед смертью твоя мама взяла с меня слово, что я никогда не приведу в наш дом женщину,

которая испортит жизнь тебе и перечеркнёт наше с мамой прошлое. А потом, когда я остался один… а ты была ещё маленькой… и я видел, как Инесса тянется к тебе… и мне казалось, что она, может быть, и не заменит тебе маму, но станет тебе подругой… я думал, это будет правильный выбор… Но ты не приняла Инну. И я попытался это остановить. Но — не смог… Я полюбил, Катя.

— Что? — Оборачиваюсь и вижу откровенные, полные горечи, глаза отца.

— Я полюбил Инну… Полюбил, хотя считал, что после смерти твоей мамы этого никогда не случится, но так распорядилась жизнь. Или — моё сердце. Я знаю, ты всегда считала меня сильным человеком, — отец виновато качает головой, — но даже очень сильный мужчина не всегда может быть до конца сильным. В этом сложно признаться себе… Но ещё сложнее сказать об этом взрослой, независимой дочери… Ты прости меня, — беспомощно заканчивает отец, — но постарайся понять, что никто не может прожить жизнь в одиночестве. Даже ты. И уж тем более я.

Отец опускает голову. И в его позе столько неподдельной тоски и отчаяния, что меня пронзает острая игла жалости.

— Папа, — я делаю шаг к нему, обнимаю его

за плечи и крепко прижимаюсь к его широкой спине. — Я… — ищу правильные слова и никак не могу их найти. — Прости, папа. Я не хотела.

— Я знаю, — отец похлопывает меня по руке. — Всё хорошо, детка…

— Ну что, вернёмся к договору? — Сконфуженный моей лаской и своей откровенностью отец водружает очки на нос, а я присаживаюсь рядом. Смотрю, как длинные папины пальцы пролистывают страницы, как он внимательно вчитывается в текст. Иногда его полные губы шевелятся, и я понимаю, что папа повторяет про себя какую-то формулировку. Временами он возвращается к странице, которую уже видел. Наконец, откладывает листки в сторону и внимательно глядит на меня.

— Что? — пытаюсь прочитать свой приговор на лице отца. — Всё очень плохо?

— Знаешь, что интересно? — отец задумчиво покусывает зубами металлическую дужку очков. — Я, конечно, не в курсе всех твоих знакомств, но вот этот твой знакомый сделал всё, чтобы защитить тебя.

Ощущение такое, что отец окатил меня из ушата ледяной водой.

— Что? — тупо перепрашиваю я.

— Повторяю: договор, составленный твоим таинственным знакомым, защищает тебя абсолютно. Умный он, этот твой знакомый, ничего не скажешь. — Папа усмехается и качает головой. — И хотя формулировки в договоре явно писал юрист, но составлены они со слов того, кто отлично знает, как устроены все схемы бизнеса… Кстати, ты поняла, в чём суть соглашения?

— Да. То есть нет… Пап, я не знаю, — бормочу я, не в силах осмыслить, что Герман Дьячков, оказывается, играл за меня.

— Тогда позволь мне тебе кое-что объяснить: подписав этот договор, твой Бергер не сможет оспорить долю, переданную тебе. Единственное, как он может получить её обратно — это если ты подаришь её ему. Сама. Причём сделаешь это добровольно.

Далее отец начинает сыпать юридическими терминами, втолковывая мне что-то о неотторжении, а я проваливаюсь в звенящую тишину, за которой звучит твёрдый голос: 'Защита моих инвестиций и моих должников, это, Катя, как раз моё дело'.

— Так что это за знакомый? — находит меня настойчивый голос отца. От ответа меня спасает появление Инессы.

— Пойдемте обедать? — робко предлагает она.

— Сейчас. Спасибо, тёть Инна, — на автомате отвечаю я. У Инессы радостно вспыхивает лицо, но мне не до её эмоций.

— Руки помою и вернусь. — Я ищу в кармане джинсов мобильный, чтобы позвонить Дьячкову и спросить его, а что, собственно говоря, у нас с ним вообще происходит?

— А может, ты потом поговоришь со своим знакомым? — фыркает отец. Инесса переводит умоляющий взгляд с меня на стол, накрытый, как на празднике.

— Ладно, только руки помою, — в конце концов смиряюсь я.

Отец благодарно кивает. Инесса улыбается.

В четыре часа дня, еле встав на ноги после обильного обеда, я начинаю собираться в обратную дорогу.

— Возьмёшь с собой что-нибудь, Катенька? Пирожок, курицу или, если хочешь, я тебе всего понемногу заверну? — предлагает Инесса.

Помедлив, киваю. Инесса с готовностью скрывается в кухне, а отец идёт провожать меня.

— Так может, всё-таки расскажешь мне про своего знакомого? Скажи хоть, как его зовут? — Папа суёт руки в карманы брюк и не сводит с меня

прокурорского взгляда.

— Да нечего особо рассказывать, — пожимаю плечами я. — У него всё, как у всех: друзья, коллеги, работа. Два глаза, один нос, один рот.

— Да? Ну ладно. Может, потом расскажешь… или к нам его привезёшь, — невинным голосом говорит отец. Я фыркаю: мой отец в своём репертуаре. — А как у вас с Дмитрием дела? — Вот тут я замираю с поднятой в воздухе ногой и жду продолжения. — Я слышал, у твоего жениха проблемы с сервисным центром?

— Ты всё-таки не удержался, чтобы не навести справки, да? — прищуриваюсь я.

— Ну да. Но чуть — чуть. Немножко. Совсем. — Папа складывает указательный и большой пальцы, пытаясь наглядно продемонстрировать мне это его 'немножко'.

— Ну, и что же ты выяснил? — поворачиваюсь к отцу.

— Выяснил, что твой Димка свой бизнес почти в трубу продул, — преспокойно заявляет папа. — Откровенно говоря, Бергер твой мне никогда не нравился, но это твой выбор, который я должен уважать, но…

— Папа, пожалуйста, не отклоняйся от темы. Так что там не так с его бизнесом?

— Ну — у, — тянет отец, — в общем, штука в том, Катя, что при создании этого сервисного центра поручителем перед партнёрами группы компаний 'Volkswagen' выступал некто Соболев, — папа задумчиво чешет нос, — Соболев Артём Александрович, москвич, восемьдесят девятого года рождения. Твой ровесник, можно сказать. Договор, что ты мне привезла, случаем не он ли составил?

— Что? — удивляюсь я. — Нет. Конечно, нет. Я в глаза его не видела, этого твоего Соболева.

— Ну, хорошо… Кстати, к счастью для Соболева, я тоже его не видел.

— Почему 'к счастью'? — фыркаю.

— Потому что в его действиях нет ничего криминального, — усмехается папа. — Но я всё-таки обратился к кое — кому. В общем, после создания центра этот наш Соболев куда-то пропал, а коммерческая структура, задуманная им и полученная твоим Бергером в результате дарственной его бывшей жены, начала разваливаться, и…

— Так, стоп. Подожди. Вообще-то, Димка рассказывал мне, что он сам создал свой центр, — непримиримо складываю руки на груди.

— Ну, Димка твой действительно вкладывал в бизнес много сил и времени, но уже после

развода со своей, теперь уже бывшей женой, — невозмутимо произносит папа. — А сначала была дарственная от его жены.

— И зачем, по — твоему, была нужна эта дарственная?

— Точно не могу сказать. Но, видишь ли, в своё время мне твой Бергер поведал несколько иную историю. По его словам, он и его бывшая жена вкладывали деньги поровну, но записан этот центр был на Аллу. А когда они разошлись, то Бергер твой побоялся, что Алла попытается претендовать на часть его дела. И вот тогда Бергер попросил Аллу закрыть этот вопрос дарственной.

— Да? Гм… Ну, продолжай, — сую руки в карманы.

— А нечего особо продолжать. Твой Бергер сейчас в долгах, как в шелках, — преспокойно заявляет папа. — И, как я понимаю, единственная возможность для твоего Димки спасти сейчас этот центр — это отписать тебе ту его часть, на которую не смогут наложить лапу ни банк, ни конкуренты… Катя, а может мне деньгами вам помочь? Ты только скажи, сколько надо.

'А вот это очень хорошая мысль', — внутренне ликую я. Но, сообразив, что тогда мне придётся

выложить отцу, что Димке требуется два миллиона, пинками отгоняю от себя эту идею.

— Я подумаю и перезвоню, хорошо? — в очередной раз 'перевожу стрелки'.

— Ну, как скажешь. — Папа морщится от осознания факта, что я не заглотила наживку, и открывает мне дверцу 'ауди'. — Но если что-то будет не так, то сразу ко мне, ясно? И ещё мой тебе совет: прежде, чем подписывать договор, поговори-ка по душам с Бергером. Что-то он крутит, по — моему…

От ответа меня спасает появление неугомонной Инессы с необъятным пакетом в руках.

— Вот, я собрала тебе, Катенька, — она протягивает мне подношение, после чего, не претендуя ни на мой поцелуй, ни на объятия, отступает в сторону.

— Ладно, папа. Впрочем, спасибо за совет. — Я целую отца и перевожу взгляд на Инессу. — До свиданья, тётя Инна. — Медлю, но всё-таки быстро чмокаю её в мягкую, абсолютно лишённую косметики, щёку. — Спасибо, — бормочу я.

Стараясь не замечать ошеломлённого взгляда отца и распахнутых, восторженных глаз Инессы, запрыгиваю в 'ауди', накидываю ремень безопасности и жму на газ.

Выехав на Киевское шоссе, прижимаюсь к обочине. Достаю телефон и набираю Бергеру, но Димка не отвечает. Больше того: автомат металлическим голосом сообщает мне, что его телефон либо выключен, либо вне зоны действия сети. 'Ладно, потом с этим... А пока займёмся-ка мы Дьячковым. Узнаем, что за игры такие...' Звоню ему, но Герман тоже недоступен. 'Сговорились они оба, что ли?' Но я упряма. Впрочем, Бергер мне сам перезвонит, а что касается непостижимого Дьячкова, то я знаю, как добраться до него самым действенным способом. И я перевожу мобильный в режим 'сотовые данные' и включаю почту. Но прежде, чем я успеваю вызвать кнопкой шаблон письма и написать Герману: 'Привет, перезвони, есть вопросы по договору', я замечаю, что у меня одно входящее сообщение. Правда, отправлено оно с неизвестного адреса.

'Кто-то из подруг? Реклама?.. А может, это Бергер, который где-то посеял свой телефон?' Открываю письмо:

'Здравствуйте, Катя. Нам нужно срочно поговорить по поводу небезызвестного Вам Германа. Дело в том, что он совсем не тот, за кого себя выдаёт. Позвоните мне, узнаете много нового и интересного. Меня зовут Наташа. Мой телефон...'

— далее следуют цифры'.

Глава 9. Отстав

Отстав — полоска плотной бумаги или картона, наклеиваемая на корешок переплетной крышки для придания ему прочности и упругости.[9]

— 1 —

8 июня 2016 года, среда.

'У вас никогда не возникало ощущения, что судьба затягивает вас в центрифугу событий, а жизнь вдруг превращается в бомбу с часовым механизмом, которая вот — вот рванёт? Это именно то, что чувствую сейчас я. Кусаю губы, тру лоб, пытаюсь оценить последствия своего поступка и наконец набираю номер, указанный в письме.

— Алло, — манерно тянет женщина.

— Добрый день, это Наташа?

— Да. А это кто?

— Меня зовут Катя. Вы просили меня позвонить.

— Как хорошо, Катенька, что вы мне набрали, — медовым голосом поёт в трубку женщина. — Итак, во сколько и где мы встречаемся?

---

[9] Примечания: 9

Отстав — полоска плотной бумаги или картона, наклеиваемая на корешок переплетной крышки для придания ему прочности и упругости.

— А встречи не будет, — преспокойно отвечаю я, успев к тому времени обрести душевные силы.

— Но… как же? — удивляется женщина.

— А так, — откидываюсь на спинку кресла. — У меня, к сожалению, нет времени, и к тому же я… — делаю паузу, — не люблю встречаться с посторонними мне людьми.

— Но я думала… — растерянно тянет Наташа.

'Знаю я, что ты думала: что я по первому свисту полечу слушать гадости о людях, общением с которыми я дорожу. Нет уж, милая.'

— Наташа, — задушевно начинаю я, — вот смотрите, как я это вижу. Во — первых, у вас откуда-то есть мой имейл, но я с вами не знакома. Во — вторых, вы написали мне письмо, где намекали, что можете рассказать мне нечто нелицеприятное про некоего Германа. Но у меня много знакомых мужчин, которые носят это имя. А в — третьих, мы с вами разговариваем уже целую минуту, но вы так и не удосужились сказать мне что-нибудь конкретное, зато с завидным упрямством тянете меня на встречу. Ну и как, по — вашему, всё это выглядит со стороны?

На другом конце линии молчание. Видимо, до моей собеседницы с лисьим голосом начинает доходить, что её авантюра не пройдёт и надо

срочно менять тактику.

— Да, вы правы, Катя, — наконец, неохотно соглашается Наташа. — Я как-то не подумала… Ну, а если так: я хочу поговорить с вами о хозяине портала 'Звёзды самиздата'?

'О! Это уже кое-что.'

— Простите, вы девушка Германа? — Напрямик спрашиваю я. — Если так, то вам лучше решать ваши проблемы вместе с ним, потому что я не…

— Кто 'девушка Германа'? Я? — Наташа заходится в смехе и, видимо, обретает былую уверенность. — Нет, Катенька, к вашему сведению, я встречаюсь совсем с другим человеком. И этот человек очень хорошо знает вас. И вы, судя по всему, тоже неплохо знаете этого человека, раз он решил заплатить вам целых два миллиона за…

— Что? — Я распахиваю глаза.

— … два миллиона рублей за какой-то дурацкий сценарий.

— Так. Я подумаю и перезвоню вам, — обрываю свою собеседницу я.

— Собираетесь сначала переговорить с Германом? — Прямо вижу злорадный блеск в глазах этой женщины. — А настоящий Герман Дьячков не в курсе, что вы вообще существуете на свете. Так что предлагаю всё-таки встретиться. Про-

сто, — женщина на секунду задумывается, — мне надо с вами кое-что обсудить. И если я права, то попробовать с вами договориться.

Откровенно говоря, встречаться с этой странной особой мне совершенно не улыбается, но фамилия 'Дьячков' и таинственная история о том, как эта Наташа проведала про два миллиона, заставляют меня пойти на уступку.

— Ладно, — неохотно соглашаюсь я. — Предлагаю встретиться в 'Старбакс' на Ленинградском проспекте. Сегодня, в шесть вечера. Вас устроит? Знаете, где это?

— Знаю, — с непонятным мне раздражением отзывается женщина, — там мой молодой человек по утрам кофе любит пить. И, как я понимаю, делает он это вместе с вами.

'Час от часу не легче…'

— Наташа, — тяжело вздыхаю я, — я не знаю, что любит делать по утрам ваш молодой человек, но раз вы в курсе, где находится это кафе, то я буду там ровно в шесть.

— Круто, — ёрничает Наташа.

— Рада, что вам понравилось. Кстати, а как я вас узнаю?

И тут эта стерва медовым голосом поёт:

— Не беспокойтесь, Катенька, я вас сама найду

— я видела вашу фотографию у своего молодого человека.

Пока я пытаюсь осмыслить и переварить эту новую для меня информацию, Наташа победоносно фыркает и вешает трубку.

Ровно в шесть, перебрав в голове все версии относительно того, чем закончится эта встреча, паркую 'ауди' в вечно забитом машинами Авиационном переулке. Вхожу в 'Старбакс'. Маленькое кафе переполнено юными девицами, которые с наигранной надменностью рассматривают серьёзных молодых людей с 'маковскими' планшетниками. Оглядываюсь, пытаясь вычислить в толпе свою недавнюю собеседницу, которой, по моему мнению, должно быть около тридцати лет.

— Катя, — слышу знакомый голос. Поворачиваюсь и замечаю девчонку лет восемнадцати. С изумлением понимаю, что я видела её в 'Меге' недели две тому назад.

— Катя, Наташа — это я. — Девушка одаряет меня снисходительной улыбкой.

Первое, что приходит мне в голову — это немедленно развернуться и уйти. Второе — прямо сейчас позвонить Герману и посоветовать ему выбирать себе не 'заек', а женщин постарше и,

желательно, поумней.

— Катя, идите сюда, — настаивает девчонка. Она приподнимается со стула, очевидно, собираясь при моём отступлении рвануть за мной. Представив себе, как эта нелепая сцена будет выглядеть со стороны, смиряюсь со своей незавидной участью, подхожу к девушке и сажусь за стол. Наташа тут же начинает разыгрывать роль хозяйки заведения:

— Вы ничего не хотите? Латте тут, кстати, неплохой. А вот капучино я не рекомендую.

— Спасибо, я ничего не буду. — Откидываюсь на стуле.

Растерявшись от холодности моего тона, Наташа начинает хищно грызть губки. А я разглядываю её и отчего-то думаю, что, когда она вырастет, то будет очень похожа на бывшую жену Димки. Как это ни странно, но Наташа действительно напоминает Аллу: те же серые глаза, та же томность во взоре, и тот же пунцово — алый рот хищницы — из той породы, что всегда с добычей в зубах. Наташа в свою очередь мажет по мне глазами, жадно ощупывает моё лицо и, кажется, даже пытается заглянуть под стол, чтобы разглядеть мои ноги. Кладу правую руку на стол, указательным пальцем левой постукиваю по циферблату

наручных часов:

— Наташа, у нас мало времени.

Девчонка вспыхивает.

— А вы красивы, — ни с того, ни с сего злобно заявляет она. — Я-то думала, что на снимке фотошоп, или это эффект умело наложенной косметики, но у вас даже блеска для губ нет… Впрочем, вы гораздо старше меня, — злорадно заключает Наташа и откидывается на стуле так, как это секундой ранее сделала я. — Вам, если не секрет, сколько лет?

— Секрет, — без улыбки отвечаю я. — Так о чём мы будем разговаривать?

Наташа нервно трёт загорелые ручки, после чего решительно ставит локти на стол и сводит кисти в замок:

— Германа Дьячкова на самом деле зовут Артём. А Артём — это мой парень, — упирая на местоимение 'мой', произносит 'зайка'.

— Поздравляю, — благосклонно киваю я. — Ещё какие новости?

— А вы, кажется, даже не удивлены? — Наташа изгибает бровь. Я тяжело вздыхаю.

— Милая девушка, — в своей излюбленной манере начинаю воспитание зарвавшейся молодёжи я. — Прежде, чем мы обсудим вашего

молодого человека, разрешите сказать вам, что мне известна одна милая привычка современных и — увы! — избалованных вниманием девушек мужчин. И эта манера заключается в том, чтобы представляться 'зайкам' различными именами. Например, Герман мог сказать вам, что он — Артём. Вы понимаете, к чему я веду?

— Нет, — узит глаза Наташа. — И к чему же?

— А к тому, что так молодым людям проще отказаться от надоевшего им знакомства. И если вы имели в виду этот обман Дьячкова, то я его переживу, потому что это ко мне не относится.

— Скажите честно, вы спите с Артёмом?

'Нет, она всё-таки ненормальная!'

— Нет, Наташенька, — качаю головой я. — Но я вспомнила, где я вас видела. Это было в 'Меге' пару недель назад. Некий юноша познакомился с вашей подругой, а вас отвёл к Герману. Ну, а потом, — я небрежно покачиваю ногой, — вы, очевидно, переспали с Дьячковым, а он бросил вас, и вы решили, что это из-за меня. Так?

Хищно поджав губки (и что за привычка дурацкая?), Наташа медленно кивает.

— Наташа, вы поверите мне, если я скажу, что я не встречаюсь с Дьячковым, потому что у меня есть жених? — Наташа молчит. — Вы знаете,

почему я вообще пришла сюда?

— Чтобы узнать про Артёма?

'Господи ты боже мой…'

— Нет, Наташа, — терпеливо, уже по новой начинаю объясняться с этой дурочкой я. — Меня заинтересовало, откуда у вас мой электронный адрес, и как вы узнали про два миллиона?

Наташа бестолково таращится на меня, и вдруг, к моему удивлению, начинает давиться хохотом.

— Нет, я точно дура, — смеётся она. — Так Артём, получается, не солгал: у вас с ним действительно ничего не было. И вы ему так, просто мечта… дурацкая фантазия… на пустом месте!

— Вы не ответили на мой вопрос. — Вот теперь я точно злюсь.

— Катя, — Наташа победоносно глядит на меня и придвигается ближе, — обманывали вас, а не меня. Потому что ваш Герман Дьячков — это и есть мой Артём. Артём Соболев. Теперь всё ясно?

Пауза. После чего у меня возникает стойкое ощущение, что выложенный коричневой плиткой пол в 'Старбакс' летит у меня из-под ног вместе со стулом, на котором сижу я, потому что в моей голове всплывает фраза, сказанная мне папой: '…при создании сервисного центра Бергера поручителем перед партнёрами выступал

некто Соболев Артём Александрович, москвич, 1989 года рождения'.

— Катя, очнитесь, — Наташа щёлкает пальцами перед моим носом. — Повторяю: Артём Соболев — это мой молодой человек. И это он настоящий хозяин 'Звёзд самиздата' — того портала, для которого вы написали сценарий.

— Книгу, — автоматически поправляю я.

— Что 'книгу'? — не понимает Наташа.

— Я написала книгу.

— Ой, да мне-то какая разница? — Наташа небрежно машет рукой. — Важно другое: Артём меня не обманывал.

Вот тут я и беру себя в руки.

— Наташа, — стараясь говорить равнодушно, спрашиваю я, — а чем вы можете доказать, что мой Герман Дьячков — это ваш Артём Соболев?

— А зачем это вам? — прищуривается Наташа.

— Ну, видите ли, у меня с Дьячковым был один джентельменский договор. А с учётом того, что вы мне сейчас сказали, я понимаю, что наше с ним соглашение будет расторгнуто, и мой сценарий летит в трубу.

Наташа морщит лоб:

— Честно говоря, я не очень понимаю, о чём вы… Но если вы мне пообещаете, что вы не будете

подлаживаться к Артёму, то я могу вам кое-что рассказать.

''Подлаживаться' к Артёму? Что-что, а вот этого точно не будет. К тому же, я даже не знаю, как он выглядит.'

И я говорю:

— Безусловно, я вам обещаю.

Наташа вглядывается в моё лицо:

— Странно, но я почему-то вам верю… Есть в вас что-то такое, искреннее… Ну ладно, была не была. — 'Зайка' поворачивается и тянет к себе модную сумку, висящую на спинке её стула. Ставит сумку на стол, копается в ней, после чего извлекает на свет золотистый iPhone.

— Артём подарил, — перехватив мой взгляд, поясняет Наташа и принимается увлечённо копаться в своём телефоне. — Вот, нашла… Ну, Катя, как по — вашему выглядит Герман Дьячков?

— Светлые волосы, светлые глаза, коренастый, выше среднего роста.

— Правильно, — одобрительно кивает Наташа. — Герман такой. А вот это — Артём. Мой мальчик. — Она умильно улыбается и придвигает ко мне мобильный.

Ощущение того, что мир, дав мне под дых, окончательно ушёл у меня из-под ног, усилива-

ется, потому что на фотографии — мальчишка, которого видела в 'Меге'.

— Это и есть Соболев? — сглотнув, спрашиваю я.

— Ага. Здесь я Артёма ещё в первый день нашего знакомства сфоткала, — хвастается Наташа. — А вторая фотография сделана в день нашего первого свидания. Он тогда мне ещё тюльпаны подарил. Ну и мы… — Наташа с таинственным видом замолкает.

'И вы переспали.'

Поднимаю на Наташу растерянный взгляд:

— Ясно. А ещё какие-то доказательства того, что это Соболев, есть?

— Есть. Вот на какой номер вы звоните Артёму? — Наташа прищуривается.

Помедлив, называю цифры с кодом 'Мегафон'.

— А на самом деле, у Артёма 'МТС'. А номер, по которому звоните вы, куплен на имя Аллы… Аллы, Аллы… как её там? О, вспомнила… Аллы Бергер.

— Что? — смотрю на убивающую меня каждой фразой девчонку, а та вдруг начинает оправдываться:

— Кать, я не знаю, что это за Алла, но я была у Артёма дома, и видела, как он копался в письмен-

ном столе, откуда и вытащил и эту сим — карту, и телефон, и конверт с копией паспорта этой Аллы, и… А вы что, знаете её? — соображает Наташа. — Алла — она очень симпатичная? — Наташа ревниво прикусывает губы.

— Ничего не могу сказать, — слабым голосом отзываюсь я. — Просто я растерялась, услышав про… номер. — У меня дрожат руки, и я сцепляю их в замок: — Наташа, а если не секрет, кто дал вам мой электронный адрес и рассказал про деньги? Это ваш Соболев расстарался?

— Нет. Я вчера залезла в компьютер Артёма, — Наташа невозмутимо глядит на меня. — Просто пару дней назад у нас… — она хмурится, — в общем, у нас с ним вышла небольшая размолвка. Вот я и решила, что у Артёма есть отношения с кем-то ещё. Искала данные этой Аллы, а в итоге нашла всю вашу с ним переписку. Вы не представляете, какой я закатила Артёму скандал, — смеётся Наташа. — А вообще-то Артём очень хороший. Он — человечный. И у него тоже слабости есть.

— Правда? — слабо отзываюсь я, пытаясь увязать разбегающиеся от меня мысли о том, что сейчас всё встало на свои места: и таинственность Соболева, и грустная история моего Димки.

— Правда — правда. Представляете, Артёму уже двадцать семь, а водительских прав у него до сих пор нет, — доносится до меня жизнерадостный голос Наташи. — Но самое забавное в том, что… Короче, знаете самую популярную в Москве систему онлайн — заказа такси? — Киваю, продолжая размышлять о своём. — Так вот, её мой Артём придумал, когда в пятый раз на права не смог сдать, — умильно хихикает Наташа. — Это мне, кстати, Герман под большим секретом поведал. Он всегда к Артёму ревновал. Завидует, наверно.

Если бы не трагизм ситуации, я бы расхохоталась.

— Ну, что, повеселила я вас? — Наташа лукаво изгибает бровь. — Не жалеете, что пришли? По — моему, мы неплохо провели время.

— Это точно, — эхом отзываюсь я. — Но мне, к сожалению, уже пора. — Поднимаюсь со стула.

— Но только чур Артёму обо мне ни — ни, — предупреждает Наташа. — Вы обещали. Или же я от всего отопрусь, а вы…

— Мы с вами не соперницы, — помедлив, говорю я. — На мой взгляд, вы с Соболевым очень друг другу подходите.

Я хотела сказать это с сарказмом, но мой голос меня подвёл. Не разгадав в моей фразе второго

дна, Наташа благосклонно кивает:

— Я тоже так думаю. Ну, до свиданья, Катя. Звоните, если что.

— Спасибо. И прощайте.

Оказавшись на улице, я сбрасываю маску невозмутимости, которую с переменным успехом носила последние полчаса. Сжимаюсь в комок. Мне больно. Мне очень плохо. Почему, спросите вы? Скажу. Есть такая средневековая немецкая легенда: искусный крысолов решил отомстить магистрату немецкого Гамельна за отказ выплатить ему вознаграждение и под звуки колдовской дудочки увёл из города всех детей, чтобы они безвозвратно сгинули. А моего персонального крысолова зовут Артём Соболев. И он — мальчишка, ставший моим наваждением. Человек, который играл со мной. Обманщик, заманивший меня в западню. Профессиональный лгун, которого я так и не разгадала.

Поймав жадные взгляды любопытных прохожих, понимаю, как я выгляжу со стороны: я — смешна и жалка. И я поднимаю вверх голову и марширую в сторону Авиационного переулка. 'Лжец… грязный лгун… лжец, — кричат слова в моей голове в такт каждому моему шагу, — а ты, DUO, даже не добыча — ты просто приманка,

потому что Соболеву с самого начала был нужен сервисный центр Бергера, чтобы разобрать его по частям и пустить на дно и так уже тонущий Димкин бизнес'. Давя в себе ком из гнева, ярости и проклятых слёз (дурацкая женская слабость!), останавливаюсь рядом с 'ауди', сдёргиваю с плеча сумку, пытаюсь найти в ней ключи от машины. Слышу трель мобильного. Выхватываю из кармана юбки телефон. Не глядя на определитель, рявкаю: 'Да!', всем сердцем желая, чтобы позвонил тот, на ком я сейчас по праву могу сорваться.

— Катя, привет! — 'Господи, вот спасибо тебе за этот подарок!' — Ты звонила мне, но я был в метро. Что ты хотела? — интересуется мой крысолов Соболев.

— Ну здравствуй, Дьячков, — тоном, не предвещающим ничего хорошего, чеканю я.

— Э — э… Катя, прости, у тебя всё хорошо? — любезно интересуется этот 'Мюнхгаузен'.

— Да как тебе сказать? — злобно отзываюсь я. — На фоне того удовольствия, которое получал ты, когда водил меня за нос, я чувствую себя полной идиоткой.

— Ты это о чём? — недоумевает профессиональный враль.

— О чём? — И тут мой взгляд падает на ключи от 'ауди', зажатые в моей руке. — А ну-ка скажи мне, если у тебя автоматическая коробка передач, то в каком положении должен быть рычаг, когда ты заводишь машину?

— Что? — сглатывает он.

— Отвечай! — Я уже ору в трубку.

— Э — э... Я на механической езжу, — отзывается этот 'темнила'.

— Правда? Клёво! — от злости у меня даже зубы начинает ломить. — Тогда тот же вопрос, но относительно механической коробки передач.

— На...э — э... на первой. То есть на нейтральной... Слушай, Кать, да какая разница?

— Что, не знаешь? — Я уже топаю ногами, разгоняя бешеным взглядом ошарашенных моим криком прохожих. — Ах да, и как я забыла: рождённый ездить на такси — водить машину не может. Да?

— Что? — фыркает он. — Слушай, Кать...

— Я знаю, что меня зовут Катя! — рычу я. — А тебя как зовут? Ты же не Герман. Ты же Артём Соболев.

Пауза. А я мигом теряю весь свой запал. Мне не хватает воздуха. Пытаюсь набрать его в лёгкие — и, к своему ужасу, всхлипываю. Глаза заволо-

кивает влажная плёнка, из правого глаза падает слеза, а я, к своему ужасу, беспомощно хлюпаю носом.

— Кать, ты что, плачешь? — тихо спрашивает 'Дьячков'.

— Нет!

— Кать…

— Всё, хватит. — Собираюсь повесить трубку и слышу прямо-таки командный тон:

— Катя, ты сейчас где?

'Срифмовать тебе?' А Соболев продолжает наседать на меня:

— Ты где? Я кого спрашиваю?

— На парковке, Авиационный переулок, напротив дома четырнадцать. Стою и раздумываю, где тут отделение милиции, — вредным голосом отзываюсь я.

— Подожди секунду.

— Что, струсил? — Я злобно тру правый глаз.

— Нет. Скажи, твой 'ауди' золотистого цвета?

— Что? — от удивления я даже всхлипывать перестала. — Подожди-ка, — осеняет меня, — ты что, ещё и следил за мной?

— Стой, где стоишь, — приказывает этот гад.

— Знаешь, что? Да пошёл ты к чёрту! — Бросаю трубку. Дрожащим пальцем пытаюсь попасть

в кнопку сигнализации, но, видимо, нажимаю сразу на два 'ключа', потому что 'ауди' издаёт мощный рёв.

— Чёрт… чёрт… вот чёрт, — задыхаюсь я и пытаюсь справиться с непослушной машиной. 'Ауди' орёт дурным голосом, на вопли машины собирается толпа, я краснею от злости, и…

— Дай мне. — Перед моим носом возникает смуглая мужская рука, которая ловко выдёргивает брелок из моих скрюченных пальцев. После чего мой нежданный спаситель, видимо, жмёт на нужный 'ключ', потому что 'ауди' затихает как трусливый пёс, признавший хозяина.

А я медленно оборачиваюсь. Первое, что я вижу — вздымающуюся после бега жёсткую грудную клетку, выглядывающую из-под наспех надетой рубашки. Свет буквально пронизывает тонкую ткань, создавая эффект истончающейся одежды, за которой угадывается смуглое, поджарое, гибкое тело. Мои глаза невольно ощупывают обнажённую шею и поднимаются на уровень подбородка, полуоткрытого полного рта и изящного носа, украшенного аккуратной горбинкой. Мгновение — и мой растерянный взгляд утыкается в карие глаза, в которых плещется искорка здорового юмора.

— Ну, привет, — моё темноволосое наваждение забавно морщит нос. — А ловко ты меня сделала, с машиной… Кстати, если не секрет, как ты узнала про меня?

— Не секрет. Мой папа — зампрокурора, — зловредным голосом сообщаю я.

— Да ладно. — Соболев улыбается. Представляете? Он — улыбается!

— Не веришь? — злобно прищуриваюсь я. — А хочешь, сейчас спрошу у отца, сколько лет тебе за обман 'светит'?

— Кать, да перестань, — фыркает Соболев. — Я же ничего такого не сделал.

— На портале ты значишься как Дьячков, — напоминаю непримиримым тоном.

— Модератор не успел имя хозяина на сайте сменить, — невинно улыбается Соболев.

— Ты писал мне от имени Германа, — обвиняющим голосом режу я.

— Ага. А ты подписывалась, как DUO.

— Да ты же выдавал себя за другого человека! — Я чуть ногами не топаю.

— Это разрешено. Запрещено паспорт другого человека показывать… Кать, ну успокойся. На, держи, — он возвращает мне брелок и смотрит на меня так, точно трогает. Я невольно отступаю

и отчего-то вспоминаю, каким я увидела его в первый раз. Он был в костюме, а не в рубашке и джинсах, в которых он кажется таким естественным. И настоящим.

— А знаешь, Соболев, — ещё пытаюсь ехидничать я, — костюм тебе не идёт. А вот в этом наряде ты вполне в своём возрасте.

— Знаю, — он смущённо вздыхает и трёт лоб.

— Вот и я так и знала, — зачем-то признаюсь я.

— В смысле? — Мальчишка моментально ловит меня в капкан своих глаз.

— Забудь. — Пытаюсь распахнуть дверцу 'ауди', чтобы уехать, но Соболев придерживает её:

— Кать, ну раз уж ты приехала, то давай где-нибудь посидим. И по — настоящему познакомимся. — Он на секунду задумывается. — Хочешь, пойдём в 'Старбакс'?

'Очень смешно!'

— Нет уж, спасибо. Я уже упилась кофе.

— А хочешь, можем подняться ко мне?

И тут до меня доходит, каким образом этот мальчишка увидел мой 'ауди' на парковке…

— Ты что, тут живёшь?! — Соболев кивает и суёт руки в задние карманы брюк. — И ты приглашаешь к себе меня? Меня?!

— Ну да. А что тут такого? К тому же, в моей

квартире тебе будет удобней орать на меня. Это ведь то, чего тебе сейчас больше всего хочется?

— Знаешь что, Соболев? — Набираю в грудь воздух, но обречённо машу рукой, распахиваю дверцу машины, зашвыриваю в салон сумку и готовлюсь последовать за ней. Мальчишка быстро перехватывает меня за локоть.

— Руки, — дёргаюсь я. Но Соболеву до лампочки. Более того, он умильно склоняет голову к плечу.

— Кать, я понимаю, что ты обиделась, — объясняет он мне, как маленькой девочке. — Но ты же всё поняла. Я…

- 'Поняла'? — Я воинственно стряхиваю его руку, которая жжёт меня даже через ткань моей блузки. Но Соболев не отступает. И я опираюсь спиной о тёплый бок 'ауди' и сую ладони в карманы юбки, почти в точности отзеркалив его позу.

— Ну что ж, Артём, давай побеседуем по душам, — с наигранным спокойствием соглашаюсь я. — Что я, по — твоему, должна была понять? Что ты создавал сервисный центр для — уже бывшей — жены моего Бергера? — К моему изумлению, Соболев кивает мне так, точно мы говорим о погоде. — Или я должна была понять, что ты сдуру вложил в дело свои 'кровные', которые впоследствии решил вытрясти из меня, узнав,

что я собираюсь замуж за Димку? — В карих глазах мелькает недоумение. — Да, мне нужны два миллиона рублей, — отчаянно признаюсь я. — Мне очень нужна эта сумма, потому что тех, кто мне дорог, я просто так не бросаю… И если б ты был нормальным, взрослым мужчиной, а не мальчишкой, который никак не наиграется с 'зайками'… — Я намеренно делаю паузу. Соболев со свистом втягивает воздух в лёгкие, но продолжает упрямо смотреть мне в глаза, — если б ты не был мальчишкой, погрязшим в своих комплексах, то ты бы уже давно понял, что не все женщины такие, как Алла. — Соболев сжимает рот, но взгляда с меня не сводит. 'Нет, я тебя достану!', — уже с остервенением думаю я и повышаю голос: — Впрочем, я знаю, что представляла из себя Алла Бергер. Ты, кстати, ей под стать: спал с ней, хотя знал, что она замужем. Да? — В карих глазах Соболева — вспышка боли, но он не отступает. И я решаю его 'дожать'. — Знаешь, Артём, — раздумчиво произношу я, — я только одного понять не могу: а с чего ты так обиделся на Бергера? Ведь он был мужем Аллы, а не ты. Ты был любовником… А Димка стал третьим лишним.

Пальцы Соболева вдруг разжимаются. Но вместо того, чтобы уйти, он придвигается ко мне

вплотную, и я в немом протесте вскидываю вверх руки.

— Не подходи, — я упираюсь ему в грудь.

— Что бы я тебе сейчас ни сказал, ты ведь мне не поверишь, да? — Он наклоняется и произносит слова еле слышно, но с таким отчаянием, силой и напором, что я почти глохну. — Впрочем, я знал, что именно так всё и будет. Только на минуту позволил себе усомниться, когда увидел тебя здесь, внизу. Я решил, что ты… Впрочем, это уже неважно. — Он раздражённо дёргает подбородком и отступает назад, выпуская меня из капкана своих рук. — Похоже, по — твоему правду надо доказывать… Хорошо, в таком случае завтра утром получишь свои два миллиона рублей.

— Что? — не верю своим ушам я.

— Ты меня слышала, — уже спокойней произносит Соболев. — Единственное, о чём я тебя попрошу: пожалуйста, прежде, чем отдавать деньги Бергеру, покажи ему договор, который я присылал тебе. И предложи ему подписать это соглашение. И если я ошибся в нём, то я готов за это заплатить. Но если я прав, то мы с тобой ещё встретимся.

Последнее сказано с уверенностью человека, знающего обо мне что-то такое, чего не знаю даже

я. Пока я, растерянно моргая, таращусь на него, Соболев приближает к моему уху свои губы.

— Прости за то, что я сейчас делаю, но ты не оставляешь мне выбора. Прости меня, хорошо? — Он мягко треплет меня по плечу. Ошарашенно открыв рот, взираю на него с изумлением. Артём же быстро, коротко кивает мне, разворачивается и уходит. Его удивительно прямая спина и развёрнутые плечи через мгновение скрываются в толпе людей и исчезают в периметре старого, уютного двора. А я ловлю себя на мысли о том, что я — как бы ни старалась! — уже не могу бросить ему вслед обидное и жалкое слово 'мальчишка'.

От раздумий меня отвлекает звонок. Смотрю на определитель: 'Димка'. Беру трубку:

— Привет.

— Ага, — раздражённо произносит он. — Ну, что у тебя случилось?

— Что за тон? — холодно осведомляюсь я.

— Прости, я замотался, — недовольно винится Бергер. — Я деньги ищу, но у меня ничего не получается. Ни — че — го.

— Завтра я привезу тебе сумму, — помолчав, отзываюсь я.

— Кать, что, правда? — Такое ощущение, что у Бергера лампочка внутри зажглась.

— Правда, Дим. Только… — и тут я всё-таки решаюсь. — Только сначала нам нужно кое-что обсудить. И, лучше всего, сделать это сегодня.

— Как скажешь, — радуется Димка. — Ты приедешь ко мне?

— Да. Через час буду.

Через час обретаю себя в сервисном центре Бергера.

— Проходите, Дмитрий Владленович вас ждёт, — улыбается секретарша.

'Ну, ещё бы', — невольно думаю я. Стучу в дверь, открываю — и опля! — Димка с распростёртыми объятиями спешит ко мне.

— Моя спасительница, — шутит он и пытается меня обнять.

— Дим, давай после, а? — Я отступаю в сторону.

— Ух, какая деловая, — наигранно смеётся он. — Сначала дела, да, Катя?

— Да, сначала дела, — отвечаю я, невольно сравнивая двух мужчин. Один — ещё совсем молодой, но знающий себе цену. Второй — взрослый, харизматичный, представительный, но внутри у него не стержень, а пружина. Вот только первый обманывал меня, а второй?

Поглядывая на Димку, прохожу в кабинет, украшенный сертификатами, создающими ви-

димость, что бизнес держится на плаву. Сажусь за стол. Бергер обегает вокруг меня и плюхается в кресло.

— Ну, — потирая руки, начинает он, — что ты придумала?

— Дим, — рассматриваю оживлённое лицо Бергера, — я сейчас перешлю тебе одно соглашение. Его надо подписать для того, чтобы получить два миллиона.

— Прекрасно, — Димка снисходительно пожимает плечами и придвигается к монитору компьютера. Открываю мобильный, выуживаю договор и отправляю Димке на почту. Бергер утыкается в ноутбук, а я встаю и подхожу к окну. Опершись ладонями о подоконник, разглядываю пустую парковку, год назад ещё полную машин, нуждавшихся в услугах центра.

'Почему всё так? — думаю я. — В чём причина, что у одного всё получается, а второй бьётся как рыба об лёд, но не может сдвинуться с мёртвой точки? Неужели всё дело в судьбе? Или — это какая-то особенная черта характера, которая заставляет одного следовать своей цели, создавать и идти наперекор трудностям и недоброжелателям, в то время как второй компенсирует собственную слабость тем, что со злобой на-

брасывается на успешных? Какой странный человеческий магнит: слабых тянет к сильным, только сильным они не нужны'.

— Прочитал, — отвлекает меня голос Димки.

Оборачиваюсь: Бергер нещадно грызёт колпачок ручки, а его пальцы комкают ткань брюк дорогого костюма. — Кать, — он цепко ловит мой взгляд, — кто составлял это соглашение?

— Юрист, — помедлив, отвечаю я.

— Да уж, не подкопаешься… И так всё лихо закручено. А почему вообще возник этот договор?

— Ну, мой кредитор не уверен, что я смогу вернуть ему заём в срок. Вот и хочет обезопаситься.

— Понятно… А ты, случаем, не хочешь получить долю в моём деле? — Димка неприязненно смотрит на меня.

— Нет, не хочу, — качаю головой, — мне твой бизнес не нужен. Но это — условие договора, под который мне дают нужные тебе два миллиона.

— Ясно… Ну что ж, делать нечего… В конце концов, сначала деньги… А потом, когда всё закончится, ты напишешь мне дарственную и вернёшь мне свою долю. И дело с концом. — Выдав это, Бергер снисходительно пожимает плечами.

— Дим, — откликаюсь я, — а ты не хочешь спро-

сить, как я нашла эти два миллиона?

— У знакомых заняла, — небрежно бросает Димка, — ну, или попросила. В общем, потом сама всё расскажешь… Так, стоп. В договор надо паспортные данные внести. Ты захватила свой паспорт? Давай! — не глядя на меня, тянет ладонь Бергер.

— Я продала свою книгу на сценарий, — не двигаясь, признаюсь я. — Свою первую книгу.

— Вот как? Ну, значит, ты у меня талантище… Кать, ты дашь мне свой паспорт?

— Дим, а что, если я откажусь возвращать тебе твою долю? — не меняя позы, тихо спрашиваю я.

Пауза. Бергер бледнеет, точно я ударила его по лицу:

— Кать, что ты сказала?

— Ну, что если я откажусь возвращать тебе свою долю? Что тогда будет, Димка? — Я приваливаюсь бедром к подоконнику.

— Та — ак, — глубокомысленно тянет Бергер. — Тебе что же, лавры моей бывшей спокойно спать не дают? — Бергер откидывается на кресле и кладет ногу на ногу. — Алла тоже вечно уверяла меня в своей любви, а в итоге сопротивлялась до последнего, лишь бы оставить себе кусок в моём деле, — с ледяной улыбкой произносит он. —

Впрочем, Алла и отдала-то мне свою часть только потому, что я пригрозил ей судом, на котором выложу всё про её похождения. А ты что задумала? Удержать меня тем, чтобы войти в моё дело? Если так, то не беспокойся, Кать: я от тебя никуда не денусь, — Димка высокомерно хмыкает.

— Дим, — прерываю его веселье я, — а как ты получил этот центр?

— Что? — Бергер моргает так, точно перед ним выросла кирпичная стена. — Ты это о чём, Катя?

— Ну, есть история, которую ты рассказал мне в день нашего знакомства. И есть версия, которую ты выложил моему отцу. Так какая же из них честная?

Бергер смотрит на меня, я — на него.

— Дим, скажи мне правду.

— Правду? — Димка ставит локти на подлокотники кресла, сцепляет пальцы в замок, смотрит на меня исподлобья. — Ну что ж, раз уж ты так хочешь, скажу. Мне, в общем, тоже врать надоело… Да, я получил этот бизнес из рук Аллы. Ну и что? К тому времени я уже охладел к ней, но она продолжала меня любить. И, по её мнению, если бы мы владели общим делом, то это сблизило бы нас. А кто бы на моём месте поступил бы иначе, ну-ка ответь? — Димка презрительно улыбается.

— И что, Алла сама создала этот центр?

— Кто-кто? Алка? — Димка брезгливо морщит нос. — Нет, Кать, у Аллы на это не хватило бы мозгов. Зато хватило хитрости подсуетиться и найти себе юного 'спутника жизни', который отличался смазливой мордашкой и талантом на почве коммерческой деятельности. Но самое смешное, что он был настоящим сопляком, и когда Алла его бросила, он заявился прямо сюда, ко мне. Представляешь? Решил поиграть в казаки — разбойники.

— Он просил тебя вернуть ему центр?

'Господи, пусть Димка скажет 'да'. Пусть только скажет 'да'…'

— Нет. Деньги сопляка не интересовали. Он просил отдать ему Алку. Как будто это я её держал. — Димка пренебрежительно фыркает.

— И — что же ты сделал? — Я до боли в суставах сжимаю пальцами край подоконника.

— А я объяснил ему, кто он такой. Сказал ему, что он — третий лишний. Видела бы ты его лицо: его чуть удар не хватил от горя. Ха! Он даже за дверной косяк схватился, чтоб не упасть, а потом выполз из моего кабинета, и…

— И — как его звали? — перебиваю я.

— Артём его звали, — небрежно бросает Бергер

и тут же прикусывает язык.

— Артём Соболев? — уточняю я.

— Да. А откуда ты знаешь? — Бергер скидывает ногу с ноги и впивается в меня острым, неприятным взглядом, за которым угадывается страх.

— Откуда? — эхом отзываюсь я. — А разве не ты, две недели назад, сидя вот в этом кресле, в этом самом кабинете, разговаривал со своей Аллой, которой и велел найти некоего Артёма Соболева, чтобы тот вытащил твой бизнес из дерьма? Помнишь это, Димка?

— Ах да, помню. Вот чёрт. — Бергер прикусывает губы.

— Дим, это подло.

— Подло? Ну ты даёшь, Катя. — Бергер закидывает голову назад и наигранно смеётся. Впрочем, его искусственный хохот обрывается так же быстро, как и начался, потому что Димка вскакивает на ноги и направляется ко мне. — Подло? Нет, мне так не кажется. Этот сосунок спал с моей женой. Целый год. Понятно?

— Подожди. То есть ты с самого начала знал, что у них была связь? — Бергер кивает. — И молчал? — Бергер вздрагивает. — Знал и молчал… Значит, тебя это устраивало… Дим, а сколько тогда этому Артёму было лет?

— Да какая мне разница? — хорохорится Бергер.

— Ты говорил, что он тебя младше.

— Двадцать пять ему было. Ясно?

— Совсем юный мальчик… А ты использовал его. Ты, а не Алла… Алла просто искала отдушину, а ты занёс ей в голову мысль о сервисном центре? И не появись этот Соболев, возник бы кто-то другой… Просто так сложилось, что этот мальчик был ещё и коммерсант… как ты говорил, от Бога. Так получается, Димка?

— Всё, хватит, Катя. Мне не в чем перед тобой оправдываться. Я тебе уже объяснил своё отношение к этому дерьму. К тому же, твой Соболев сам виноват! — Димка повышает голос.

— В чём? Что ты им воспользовался? — склоняю к плечу голову. — Скажи, а этот Артём знал, что Алла была замужней женщиной?

— Знал — не знал. Что это меняет?

— Многое меняет.

— Например? — Димка надменно изгибает бровь.

— Например, Соболев мог отказаться создавать этот центр, если бы знал, что женщина, ради которой он ввязывается в дело, его обманывает.

— Ты по себе, что ли, судишь? — Бергер с глум-

ливой улыбкой глядит на меня.

— По себе? Да, наверное… — Перевожу взгляд в окно и нахожу свой 'ауди'. Я любила эту машину, привыкла к ней.

'Как я без неё буду? Впрочем, Бог с ней, придумаю что-нибудь. В конце концов, научусь на такси ездить…'

— Ну и что ты предлагаешь сейчас? — находит меня голос Димки. — Мне прислать твоему Соболеву свои глубочайшие извинения?

— Просто вернуть ему этот центр. Он ведь по праву принадлежит ему. Этот бизнес — не твой, Димка.

— Это мой центр! Мой! — Бергер бьёт ладонью по стеклу, рядом с моим ухом. — Мой? Понятно тебе? Я — бизнесмен. Я — коммерсант. Я вложился в этот проект, я…

— Ты всё продул, Димка. У тебя ничего нет. А то, что осталось, 7 июля заберет за долги банк.

В глазах Бергера — молния. Димка выпрямляется, разворачивает плечи, и я вижу, как его холёная рука сжимается в кулак:

— Не смей так говорить, Катя! Не смей, поняла? Или я…

— Что? — склоняю голову к плечу. — Ты меня ударишь? Только попробуй. Я, к твоему сведению,

не сирота, и у меня отец есть.

При напоминании о моей семье Бергер сдувается как воздушный шарик.

— Кать, прости. Я не хотел. Я погорячился. Просто это обидно слышать. Хорошо, давай я подпишу этот чёртов договор. Давай сделаем, как ты хочешь. Сейчас нужно удержать бизнес на плаву, это — самое важное, а потом мы с тобой сами как-нибудь разберёмся. Ты меня любишь, я тоже тебя люблю, и… — Поймав мой взгляд, Димка кусает губы, разворачивается и пулей несётся к компьютеру. Садится за стол. — Вот смотри: сейчас я внесу в договор свои паспортные данные и всё подпишу. Сколько экземпляров тебе нужно?

— Ничего не будет, Димка.

— Что? — замирает Бергер.

— Не получится у нас ничего. — Я отталкиваюсь от подоконника, подхожу к стулу, беру свою сумку. Ищу в ней ключи и документы на 'ауди'. Кладу их стопкой на стол, сверху добавляю ключи от его квартиры. — Держи, Дим. Конечно, продажа машины принесёт небольшие деньги, но, может, это спасёт 'твой' бизнес?

— Что? — замирает Бергер. Потом жалко морщится: — Нет, ты не можешь так поступить. Ты не можешь уйти.

— Я уже это сделала… И пожалуйста, я тебя очень прошу: ты не звони мне больше. А за своими вещами я кого-нибудь пришлю.

Подхватываю сумку, под взглядом Бергера иду к дверям и выхожу на улицу. Смотрю на небо, на пустую парковку, со страхом жду приступ боли и паники — и с удивлением ощущаю только огромное облегчение, словно Димка и я никогда не должны были быть вместе'.

— 2 —

8 июня 2016 года, среда.

' 'Артём, я была не права. Я всё поняла'.

'Артём, давай встретимся'.

'Артём, ну не молчи'.

'Артём, да, я виделась с Катей. Она мне всё рассказала, и мне очень, очень жаль, что я тебе не поверила'.

'Прости меня'.

'Я люблю тебя'.

'Не бросай меня!'

'Ты не можешь быть таким жестоким'.

'Знаешь, я подумала: а ведь прыгнуть вниз с десятого этажа — это же не больно'.

И наконец: 'Передай моей маме, чтобы хоронили в закрытом гробу, а то будет не эстетично'.

'Заканчивайэто', — быстро, в одно слово печа-

таю я и переворачиваю мобильный, чтобы не видеть Наташины сообщения. Судя по вибрации iPhone, 'зайка' выдаёт ещё пару слезливых писем и наконец отступает от меня. А я кладу руки на стол и опускаю в ладони голову.

В чём я ошибся? Неужели в том, что я всегда старался выбирать себе женщин, которые, как я считал, идеально мне подходили, в то время как сам я нуждался в той, которую просто хотел чувствовать?

После истории с Аллой что-то хрустнуло в моей душе, сломавшись раньше времени. И до сегодняшнего дня я даже не догадывался, что я испытывал к Кате. Не собирался встречаться с ней, избегал личных тем, задушевных разговоров. Но стоило мне понять, что она может остаться с Бергером, и я задохнулся от ревности. Заблудившись в лабиринте из собственных чувств, я попытался найти выход совсем в другой стороне, хотя все мои ощущения упрямо вели меня только к ней. А потом я увидел её внизу — и пропал. Не захотел отпускать её. А сейчас я, кажется, вообще дошёл до того, что был готов пообещать Кате 'навсегда' прямо здесь и сейчас, лишь бы она вернулась ко мне.

'Ты влюбился?' — спросите вы. 'Нет, — отвечу

я. — Но я был близко, очень'. И дело не в том, что Бог создал Катю по стандартам идеальной красоты — она была из той редкой породы людей, которые заслуживают счастье больше других, точно знают, какое оно, это счастье.

Когда-то я и сам хотел найти это счастье. Верил, что оно бывает, и, может, именно поэтому никогда не отдавал себя целиком ни одной женщине. Даже с Аллой, которой я буквально бредил, я держал пусть маленькую, но дистанцию. А может быть, всё дело в том, что, когда после разрыва с Аллой мои останки приползли в мой дом, я понял: счастье — это не соло, не третий лишний, а только дуэт из доверия и взаимности.

Прижавшись лбом к своим холодным рукам, рассматриваю умерший монитор компьютера. Мои размышления прерывает звонок. Гляжу на определитель: 'Катя'. Помедлив, беру трубку.

— Привет, — отзываюсь я.

— Привет, у тебя есть время? — устало спрашивает она.

— Есть. — Не в состоянии усидеть на месте, я встаю и начинаю кружить по кухне.

— Артём, я встречалась с Бергером. Я показала ему соглашение по разделу центра, и он… в общем, он мне всё рассказал — про тебя, про себя,

про Аллу. Прости, я не знала. Мне очень жаль.

— Забудь, — отзываюсь я. — Скажи, я правильно понял, что ты ушла от Бергера?

— Да, — помедлив, признаётся Катя. — Выходит, ты знал, что у меня с Димкой закончится именно так?

— Догадывался.

— Ты посчитал его альфонсом? Но он же не такой, — защищает Бергера Катя. — Просто ему не повезло, а он очень любил этот центр.

— Да нет, я не говорю, что Бергер был у тебя на содержании, — я невольно морщусь. — Просто он из тех, кто любит всегда производить впечатление. Любым способом демонстрировать, что он выше других, что он — особенный. Избранный. А поскольку себя он оценил высоко, то не смог смириться с уценкой.

'Я просто знал, что он — слабак, и что ты поймёшь это…'

— Артём, а тебе никогда не рассказывали, что у тебя в кустах даже не рояль, а целый симфонический оркестр? — грустно смеётся Катя. — Впрочем, ты во всём оказался прав. Даже в том, что скажи ты мне сразу про Димку, — я бы тебе не поверила.

— Ну, просто в него ты верила больше…

Мы молчим. Катя первой прерывает паузу:

— В общем, как бы там ни было, я звоню тебе, чтобы поблагодарить и сказать, чтобы ты не переводил мне деньги.

— А это было не для Бергера. Это оплата за сценарий, — напоминаю я.

— Артём, не будет сценария, — тихо говорит Катя. Но голос, которым она произносит слова, звучит так, точно она уже приняла решение. — Ты, пожалуйста, извинись перед теми людьми из 'Мосфильм', которых ты нашёл, и скажи им, что я отказалась. Просто… всё дело в том… в общем, у меня всегда была мечта: я хотела написать книгу. Просто книгу — чтобы издать её, чтобы она понравилась. Чтобы взять её в руки. Чтобы ощутить хоть раз, что это такое. И сейчас, когда всё закончилось, я больше не хочу продолжать играть в то, что мне совсем не нужно.

— Ясно, — отзываюсь я. — И что, если не секрет, ты теперь собираешься делать?

— Ну, сначала внесу в свой роман кое — какие правки, а потом отправлю рукопись в какое-нибудь издательство.

— А на моём портале ты свою книгу разместить не хочешь?

— Нет, уже не хочу, — грустно фыркает Катя.

— Боишься, что читатели не оценят? — пытаюсь шутить я.

— Нет. Боюсь, что ты тогда от меня никогда не отвяжешься… Ну что ж, давай прощаться. Ещё раз спасибо тебе и удачи. Прощай. — Катя первой вешает трубку.

'Почему ты не остановил её? — спросите вы. — Почему даже не попытался?' Ну, в отличие от вас я очень давно понял, что иногда единственным средством, позволяющим зажить прежней, нормальной жизнью, является забвение. Катя нуждалась в нём, а мне требовалось время. К тому же, я не всегда играл честно. И прежде, чем прийти за Катей и обещать ей счастье и небо в алмазах, я должен был вернуть ей мечту, которую я украл у неё'.

Глава 10. Концевой титульный лист

Концевой титульный лист — последняя страница издания с его выпускными данными.[10]

— 1 —

8 июня 2016 года, среда — 5 июля 2016 года, вторник.

''Катя, нам нужно поговорить'.

'Катя, прости меня'.

'Катя, я тебя люблю'.

'Катя, ты не можешь вот так просто выкинуть меня из своей жизни!'.

'Я не могу без тебя'.

'Ты ещё приползёшь ко мне!'.

Получив ещё пять подобных смс — ок от Бергера, я почти решаюсь избавиться от своей сим — карты, но — не могу. 'Почему?', — спросите вы. Честно, я не знаю.

Я каждый день хожу на работу. Общаюсь с Верой и девочками из бюро переводов. Днём звоню папе, а пару раз даже поболтала с Инессой. Я

---

[10] Примечания: 10

Концевой титульный лист — последняя страница издания с его выпускными данными.

заполняю делами все дневные часы, но впереди меня всегда ожидает вечер. Заказав пиццу или прожевав самодельный бутерброд, я привожу в порядок квартиру. Потом открываю компьютер и вношу правки в свою книгу. Я не меняю роман — я убираю то, что было ненастоящим. Первым делом удалила посвящение Дмитрию Бергеру, 'герою на все времена'. Вторым — заменила обложку, оставив там не мужчину и женщину, а ангела с чистыми, белыми крыльями. Это — моя Муза. Переписала несколько сцен. Подчистила диалоги. Я работаю над книгой, а из моей души понемногу уходят противоречивые чувства: обида, стыд, гнев, разочарование — и жажда упасть в объятия сильных, способных защитить меня рук. Но у меня никого нет. Я просто учусь жить заново.

Через неделю у моих героев появляются не маски, а настоящие лица, характеры и неподдельная суть, а моя квартира приходит в божеский вид. Ещё через семь дней я отдаю рукопись на корректуру. Получив пять свободных вечеров, я устраиваю свой быт: выбрасываю из квартиры старую мебель и отправляюсь в 'ИКЕА', где заказываю большую кровать с обитым бархатом изголовьем (всегда хотела такую!), два зеркальных шкафа,

круглый кофейный столик, стеклянные полки для кухни, два кактуса, а ещё разлапистый цветок с зубодробительным названием 'филодендрон', который я окрестила Филей.

20–го июня один из кактусов зацвел мелкими фиолетовыми цветочками, Филя дал первую стрелку белого цветка, похожего на лодочку, а моя книга вернулась от корректора. И я, воспользовавшись перерывом на работе, села сочинять письмо в издательства, куда хотела отправить свой роман.

Во вторник моё рабочее утро началось со звонка мобильного. Номер был незнакомым. Оставив в сторону кружку с только что заваренным 'Нескафе', поднимаю трубку:

— Да?

— Екатерина? Добрый день, вы можете говорить?

— Да, могу. Здравствуйте.

— Меня зовут Илья Дробин. Я — главный редактор издательства 'Дробь и Со'. Слышали о таком?

— Нет… А вот вашу адвокатскую контору я, кажется, знаю. Вы на Ленинградском проспекте находитесь? — прищуриваюсь.

— Абсолютно точно.

— И что же вы хотите? А кстати, откуда у вас

мой номер?

— Дал некто Артём Соболев. Знаете такого?

— Ну да, — выдыхаю я. — А что…

— Он — владелец портала 'Звёзды самиздата', — зачем-то объясняет мне Илья. — И в своё время вы отправляли Артёму свою рукопись, но он отказал вам в публикации. Так вот, вам, я думаю, будет небезынтересно узнать, что я с ним недавно встречался. Я хотел предложить ему сотрудничество на предмет издания книг новых авторов. И среди нескольких рукописей, которые он мне показал, я увидел и ваш роман, Катя. Не хотите издать его? У нас очень выгодные условия, — уверяет меня неизвестный мне Илья. — Во — первых, вы получите на книгу бесплатный ISBN, что защитит ваши авторские права. Во — вторых, у вас будет возможность разместить свой роман в онлайн — магазинах, но при этом вы также сможете самостоятельно продвигать свой роман. Что касается прибыли от продажи вашей книги, то она будет делиться пополам в тех случаях, когда размещением будет заниматься наше издательство. — Дробин ещё что-то объясняет мне, а я тру переносицу.

— А скажите мне, — прерываю я Дробина, — какое отношение к вашему издательству имеет

Артём? Он что, с вами работает?

— Вообще-то, в данном конкретном случае Соболев выполняет роль посредника, который за небольшой процент находит для нас перспективных авторов.

— И где находится ваше издательство? — не верю я. — Я бы очень хотела на него взглянуть, если не возражаете.

— В Томск поедете? — невинно предлагает Дробин.

— То есть? — моргаю я.

— Катя, это моя адвокатская контора находится в Москве. А юридический адрес издательства — в Томске, — смеётся мой собеседник. — А вообще-то издательство — это онлайн — проект. Команда единомышленников, собранных на одном сайте.

— И можно на этот сайт взглянуть?

'Спасибо Соболеву: я теперь девушка осторожная.'

— Конечно, можно. И даже нужно. Наберите в 'поисковике' 'дробь и ко'. Слово 'дробь' — по — русски, 'ко' — по — английски. Как 'commerce'. Знаете, как пишется?

— Знаю. Я, вообще-то, переводчик, — усмехаюсь я.

— Да — а? Ну тогда вообще всё прекрасно. Как

закончите портал смотреть, перезвоните мне, что бы вы ни надумали. Просто у меня уже есть несколько книг для издания, но сейчас идёт конкурсный отбор. К тому же, у нас пока относительно небольшие мощности, и я не хочу упускать других авторов, если вы паче чаяния откажетесь от сотрудничества. За сим откланиваюсь, — смеётся неведомый мне Илья и прощается.

Подперев щёку кулачком, я раздумываю, и что за подарки такие? Решительно придвигаю к себе ноутбук, открываю 'поисковик' и ищу издательство Ильи Дробина. Ссылка приводит меня на совсем не похожий на 'Звёзд самиздата' технологичный, нарядный сайт с иллюстрациями, видео — инструкциями и цветными фотографиями членов команды 'Дробь и Со'. Уверенности в том, что это не авантюра, добавляет внушительный список детской литературы, остросюжетных детективов и качественной современной прозы, к которой всегда стремилась я, а также интервью с Дробиным, и — отсутствие упоминания Соболева. Мелькает мысль позвонить Артёму и поблагодарить его за то, что он порекомендовал меня, но я не могу этого сделать. Пока — не могу. Я просто не готова. Потому что каждую ночь, когда я ложусь в постель и закидываю руки за

голову, передо мной, в тишине и темноте, оживают воспоминания. Но вспоминаю я не человека, с которым жила почти год, а того, кого видела трижды. Взгляд карих глаз с лукавой искоркой смеха, искренняя улыбка — и лицо, созданное для греха. Я могла бы быть с ним, но я не готова стать 'зайкой'. Я никогда и ни за кем не бегала. И никогда не позволяла себе влюбляться в мужчин, которые меня не любили.

— Тодуа, хватит мечтать, на тебя заказ пришёл, — окликает меня Вера Павловна. Она так неслышно подошла, что я не успела закрыть 'окна' компьютера. — А это ещё что? — Вера тычет пальцем в сайт 'Дробь и Со'.

— Это — одно издательство, — недружелюбно отзываюсь я.

— Ну и что тебе там понадобилось?

— Я книгу написала, — неохотно признаюсь я. — В нерабочее время. — С долей сарказма подчёркиваю я. — И я хочу издать её. — А вот это уже звучит гордо.

— И кто хозяин всего этого великолепия? — Вера иронично вскидывает вверх тонкую, выщипанную бровь, буровя накрашенным глазом сайт Дробина. Вместо ответа щёлкаю мышкой на его интервью. — Ой, да это Илья, — ни с того, ни с

сего радуется Вера.

Я моргаю. Вера перехватывает мой ошарашенный взгляд:

— Я знаю этого мальчика. С ним Машенька, дочь моей Лариски встречается. — (Лариска — это лучшая подруга нашей незамужней Веры). — Правда, мальчик из Томска, но он пробивной. Хороший. И очень конкретный. 'Плехановский' в Москве закончил. А потом открыл в Москве адвокатскую контору, куда Машенька, как будущий юрист, пришла проходить практику. И вот сейчас они вместе, и… в общем, тебя это не касается. Но если Илья предложил тебе издать у него книгу, то тут даже думать нечего. Соглашайся, Тодуа. А хочешь, я Лариске своей позвоню?

Пауза.

— За — зачем? — растерялась я.

— Ну, Лариска попросит Машеньку, чтобы та переговорила с Дробиным и Илья дал тебе лучшие условия. Ты же моя сотрудница, — Вера перехватывает мой изумлённый взгляд. — Конечно, мы с тобой никогда не ладили, но это не означает, что я не ценю всё, что ты для меня делаешь.

— Вы мне ничем не обязаны, — напоминаю я.

— Да уж конечно! — Вера прищуривается. —

Впрочем, если надумаешь, то моё предложение в силе. А сейчас живо к заказчику, он уже пять минут ждёт! — Вера обретает командирский голос и упирает в бока руки.

Встаю со стула, и мы оказываемся лицом к лицу.

— Спасибо, — тихо говорю я.

— Не за что, Тодуа, — ухмыляется Вера. — Шагом марш к клиенту!

В конечном счёте, рекомендация Веры и привела к тому, что я позвонила Дробину. В результате десятиминутных переговоров мы условились, что я подпишу договор и отправлю ему свою рукопись. Правда, отцу в этот раз соглашение я не решилась показывать — побоялась, что папа развернёт бурную деятельность, а Дробин (который и сам юрист), непременно об этом проведает. Но это вовсе не означало, что я бросилась в омут с головой: прочитав соглашение, я выудила на сайтах онлайн — магазинов полный перечень книг, вышедших в издательстве Дробина, и, в меру своих способностей, разыскала ссылки на авторов. Оказалось, среди писателей, сотрудничающих с 'Дробь и Со', фигурировали как авторы, уже известные в литературных кругах, так и начинающие писатели, размещавшие свои 'про-

зы' и 'проды' на самиздатовских сайтах — в том числе, и на портале Соболева, к тому времени открыто признавшего, что 'Звёзды самиздата' принадлежат ему.

В общем, пристроив книгу, я успокоилась. И всё бы ничего, если бы ровно через неделю, в восемь утра, меня не поднял звонок мобильного.

— Да — а, — протянула я в трубку, пытаясь сдержать зевок.

— Екатерина?

— М — м.

— Добрый день. Это курьер из 'Дробь и Со'. Простите, что я так рано, но я хотел узнать, когда вас можно застать дома?

— А вам зачем? — Протираю глаза.

— А у меня есть подарок для вас от издательства — ваша книга в бумаге. Правда, всего только два экземпляра. К сожалению, это немного, — извиняется курьер, — но мы решили отблагодарить каждого автора, кто работал с нами, и отпечатали книги за свой счёт. Ну как, подарок примете?

— Конечно! — моментально просыпаюсь я. — Это… это же здорово! Я буду дома ровно в шесть. Нет, в семь. Точно, в семь! — торжественно обещаю я.

— Адрес свой не подскажете? — интересуется

курьер.

— А у вас что записано? — Курьер диктует тот адрес, что был внесён в мой договор с издательством. — Точно. Еще добавьте седьмой этаж и код от домофона.

Продиктовав вежливому курьеру данные, я как на крыльях полетела в бюро переводов. Отсидев свой трудодень, пережила две встречи с клиентами. Пропустила мимо ушей обязательный укорот от Веры и в полшестого во весь дух припустилась домой. В полседьмого отперла дверь квартиры, зашвырнула в комнату сумку, содрала 'офисную броню' (жакет, чулки, юбку), приняла душ, влезла в любимые шорты и устроилась на кухне, ждать.

Ровно в семь зачирикал домофон. Подхватив трубку, я прямо-таки пропела:

— Да — а?

— Курьер из издательства, — ответил мне неуловимо — знакомый голос.

— Постойте, а мы разве с вами утром разговаривали? — насторожилась я.

Вместо ответа в трубке домофона послышался писк, предшествующий открыванию двери, потом детское чириканье: 'Ма, ну ты где?' и наконец трубное: 'Денис, немедленно иди сюда, ты дяде все ноги отдавишь!'. После чего связь с домофо-

ном оборвалась. Повесив бесполезную трубку, я осталась топтаться под дверью. Услышала грохот лифта, лязг металлических дверей, прильнула к дверному глазку, но вместо фигуры курьера увидела пакет с надписью: 'Дробь и Со', который рассыльный (тоже мне, шутник!) пристроил напротив моего дверного глазка.

Распахиваю дверь, и…

— Ну, привет, DUO!

— Э — э…

Замерев в дверях, я, кажется, даже открыла рот. Ещё бы: на меня дружелюбно смотрел большой любитель 'заек': тёмные волосы, улыбка до ушей, джинсы, кроссовки, майка — и весёлые карие глаза со знакомой лукавой искоркой.

— Ты что тут делаешь? — пискнула я.

Соболев невозмутимо пожал плечами:

— Да просто мимо шёл. А потом увидел у твоего дома чувака вот с этим пакетом. И мне стало интересно, к кому это он направляется. Я, помнится, рекомендовал пару авторов этому издательству, вот и решил полюбопытствовать, кому так повезло. Заглянул в пакетик и увидел твою книгу… Слушай, ты меня в свой дом пустишь или нет?

— А как ты узнал мой адрес?

Как вы понимаете, отодвигаться от двери в мои

планы не входило.

— А кто мне паспортные данные для договора с Бергером присылал? — улыбается Соболев.

— Паспортные данные? — хмурюсь я. — Что-то я не припомню.

И тут до меня доходит, как этот хлыщ оказался здесь.

''Дробин и Партнеры'... Соболев был в этой адвокатской конторе... 'Дробь и Со'... 'Со' — от 'commerce'? Фигушки!.. Ну, врун, я тебе сейчас покажу!'

— Ну, проходи, 'курьер', — зловеще приглашаю я. В конце концов, не орать же на него на лестничной клетке?

— Кать, ты чего так в лице переменилась? — приглядывается ко мне Соболев, но тем не менее отважно переступает через порог. — На вот, пакет держи.

Хватаю свёрток — и вот клянусь вам, если б там не лежала моя книга! — я бы швырнула пакет в лицо этому мерзавцу.

— Иди на кухню, — указываю головой маршрут. Покусав губы, Соболев выполняет команду. — 'Дробь и Со' — это твой проект? — начинаю я. — Это твоё издательство? 'Со' — это же первый слог от твоей фамилии? А 'дробь' — это что, дет-

ское прозвище твоего Дробина? Всё в индейцев играете? — В глазах Соболева прыгают чёртики, губы дрожат от смеха, этот мерзавец кивает, а я чуть ногами не топаю. — Значит, книгу мою решил помочь мне издать? — Соболев фыркает. — О господи, — взвыв, опускаюсь на стул, — ну зачем ты решил помочь мне, ну скажи?

— Я по тебе соскучился.

— Что? — ошарашенно поднимаю на него глаза.

— Я по тебе соскучился. А издательство действительно моё. Правда, на паях с Дробиным. Но ты же не стала бы связываться со мной, скажи тебе Илья правду? А насчёт курьера, — Артём смущённо кусает губы, — ну да, ты права: не самая удачная затея… Кать, а может, нормально поговорим? Мне правда тебя не хватало'.

— 2—

5 июля 2016 года, вторник.

''Упс. Зря сказал', — понимаю я, увидев, как Катя от ушей до груди заливается алой краской.

— Ты… — с расстановкой, с придыханием произносит она, а её зелёные глаза мечутся по моему лицу. — Ты… я… тебя…

— Кать, ну прости меня. — Делаю попытку спустить всё дело на тормоза. — Ну не хотел я тебя

обманывать. Но если б не эта маленькая ложь, то ты бы так и маялась со своим романом.

— Я собиралась предложить рукопись издательству! — кричит она. — Я просто хотела издать книгу!

— Ну, ты это и получила в конце концов, — защищаюсь я. — К тому же, в онлайн будет больше показов. Поверь, тебе ещё понравится.

— Что? Нет, я тебя сейчас точно ударю. — Катя грозно сжимает крохотный кулачок и решительно двигает ко мне. Жду, что будет дальше. И Катя обхватывает ладонью мой кадык. — Я сейчас придушу тебя!

— Давай! — Я тяну Катю к себе. Катя сверлит меня глазами.

— Убить тебя мало, — шипит она. Её пальцы на моём кадыке сжимаются, и я невольно сглатываю. Сообразив, что я всё-таки живой, Катя, точно обжегшись, отдёргивает руку и начинает крутиться в моих ладонях, пытаясь освободиться.

— Кать, ну прости. — Я пытаюсь обнять её. Катя изгибается. Перехватываю её за талию. — Ну прости, что я врал. Но там, где дело касалось тебя и меня, я всегда был честен. Ну, дай мне шанс. — Кружу губами вокруг её рта.

Катя ахает. Бережно и нежно провёл подушеч-

кой большого пальца по её нижней губе. Катя резко выдохнула и уставилась на меня:

— Ты что делаешь?

— А на что это похоже?

Чуть — чуть прикусил её губы. Услышал её лёгкий вздох. Прошептал её имя. Минута, другая — и две тёплые ладошки всё-таки улеглись у меня на плечах. Осмелев, закинул назад её голову, провёл губами по изящной линии, которая соединяет шею и женское плечо. Услышал мягкий выдох и крепче прижал её к себе.

— Артём, — растерялась Катя.

И я перестал сдерживаться. Я скучал по ней. Боялся, что мы больше не увидимся. И только увидев её глаза, понял: она ждала меня и знала, чем это закончится.

Потянув её к себе, впился ей в рот, яростно и сильно. Почувствовал, что она дрожит, и немедленно ослабил хватку.

— Катя, — позвал я, давая ей глоток воздуха, — Катя, только не говори 'нет'.

Она отводит глаза в сторону, я опускаю руку вниз и тяну вверх её майку. Почувствовав прохладный ветерок и мою горячую ладонь на своей обнажённой коже, Катя тихо застонала и спрятала лицо у меня на груди. Я прошёлся пальцами

по кольцам её тоненьких рёбер и скорее угадал, нежели услышал её всхлип. Обвёл окружность груди, очертил шёлковую ложбинку.

— Ты хочешь?

— Это безумие. Так нельзя. Я же тебя не знаю, — шепчет она, зарывшись пальцами в волосы у меня на затылке.

— Нет, ты меня хорошо знаешь. — Завел пальцы под кромку её шортов.

— Сколько? Три дня?

— Два месяца. Так что по всем законам жанра мы с тобой оправданы… Скажи, ты хочешь? — Она кивнула. Переместил ладони под её бедра и поднял её, заставляя обхватить меня ногами. — Где у тебя кровать?

Перехватываю взгляд Кати, брошенный в сторону кухонного стола.

— Ну нет, — качаю головой я. — Не так. В первый раз с тобой — только не так. Где твоя спальня?

Катя, помедлив, подбородком указывает мне на первую слева комнату.

— Пошли, — толкнул плечом дверь и увидел то, что мне требовалось.

Опустил Катю на постель, и она тут же попыталась одёрнуть свою майку.

— Ты что, стесняешься? — поразился я.

— Чуть — чуть, — признаётся она.

— Ну и зря. — Стоя над ней, завёл руки назад, стянул футболку. Поставил колено на кровать и потянулся к губам Кати. Она охотно приняла мой поцелуй, я погладил её сведённые вместе ноги. Помедлив, Катя послушно опустилась на локти. Потянул с неё шорты. Опустив голову на плечо, Катя прикусила губу, глядя, как я раздевал её.

— Ляг, а то сбежишь. — Я чуть — чуть подтолкнул её и заставил прижаться спиной к изголовью кровати. Подвернув под себя ногу, устроился между её разомкнутых коленей.

— Артём, слушай, ты что делать собираешься? — занервничала она.

— Ш — ш, — провёл пальцами по внутренней стороне её бёдер.

— Артём! — смущённо пискнув, Катя инстинктивно дёрнулась. Пришлось придержать её. — Артём, — её глаза заметались по моему лицу, — слушай, ты же не будешь…

— Почему 'не буду'? — Я скользил пальцами, не проникая глубоко и только подразнивая. Дождался её рваного вздоха и, приподняв её левую ножку, осторожно закинул её на своё плечо.

Катя сконфуженно покусала губы, но в этот раз промолчала. Воспользовавшись её невольным

согласием, опустил вниз голову, и она ахнула. Попыталась закрыть локтем лицо и не смогла: разметала руки в стороны и набрала полные пригоршни ткани покрывала. Уперлась затылком в изголовье, прижала к губам тыльную сторону ладони. И вдруг попыталась оттолкнуть мою голову.

— Ш — ш, успокойся.

Через минуту ласка возымела эффект: тоненькие пальцы впились мне в волосы и начали потягивать мою голову вниз и вверх, а мягкая розовая пяточка устроилась у меня между лопаток. Почувствовал, как Катя раскрылась, как начала вибрировать.

Я так хотел видеть её глаза в тот миг, когда она в первой раз станет моей.

— Посмотри на меня, — попросил я.

— Не могу, — всхлипнула она.

— Можешь. — Завёл ладонь под её шею и заставил приподнять голову. В моё лицо уставились широко распахнутые глаза, уже затуманенные дымкой подступающего оргазма, к которому я её вёл. — Пожалуйста, посмотри на меня.

Она всхлипнула, и её начала бить крупная дрожь.

— Артём, я… сейчас… я…

Ощутив, какая она там, внутри, и как она мне отвечает, перевернул её на бок, спиной к себе. Чертыхнувшись, рванул вниз свои джинсы, — и задохнулся, когда Катя, заведя назад руку, взяла меня в кольцо своих тёплых пальчиков.

— Подожди. — Я спрятал лицо в облако её волос. — Сейчас. Я сам. Подожди…

Приподняв её, вошёл в неё и услышал стон. Приказал себе двигаться ровно, медленно, глубоко. Катя вздрогнула, когда я вернул руку между её сдвинутых ног. Поддавшись ко мне, покачала бёдрами, показывая, что хочет резче и быстрей.

— Не торопись… Только не спеши… Поверь, я знаю, что делаю.

Медленное, глубокое скольжение внутри неё — резкий удар пальцами — и я перехватил Катю, когда она, выгнувшись, громко закричала, сжимая меня в тугом кольце своих мышц. Не взирая на её стоны, переместил руку под её майку, на грудь, то поглаживая её, то сминая. Хриплые крики Кати постепенно превратились в протяжные, чувственные стоны. Заметив, как она прикусила зубами уголок подушки, переместил руку на исходную позицию.

— Артём, я… больше не могу… я…

— Ещё как сможешь.

Выпад вперёд — движение назад — и я начал водить пальцами по её бархатной плоти. Катя заметалась и, забывшись, начала звать меня. И я перестал сдерживаться. Заставил её согнуть правую ногу и начал буквально вбиваться в неё. Почувствовал, как она завибрировала, и в два рывка догнал её. И прежде, чем в моей голове взорвался ослепительный белый свет, успел прошептать:

— Катя…

— Как ты хочешь, чтоб у нас было? — Я лежал на боку, и подперев голову, рассматривал Катю, которая уже пять минут, как задумчиво изучала потолок.

— Что? Ты о чём? — Она вздрогнула и медленно повернулась ко мне.

— Я спрашивал, как ты хочешь, чтоб у нас было? Будем просто встречаться или будем каждый день засыпать и просыпаться вместе? Сразу съедемся или так поживём? Или тебе нужно время, чтобы сначала всё обдумать?

Катя моргнула. Потом оперлась на локти и попыталась сесть. Поискала глазами одежду. Поняв, что прикрыться нечем, аккуратно оправила маечку и скрестила ноги. Я провёл ладонью по её круглому колену.

— Нет, подожди, — остановила она меня. — Что ты сейчас сказал?

— Я спросил, как ты хочешь, чтоб у нас было?

— Ты что, это серьёзно?

— А разве похоже, что я смеюсь? — в свою очередь, удивился я.

— У нас ничего не получится, — заявила Катя. — Мы с тобой слишком разные.

— Да? А я вот думаю, что мы как раз очень друг другу подходим. Вот смотри сама. — Откинувшись на спину, заложил руки за голову. — Во — первых, у меня есть портал и издательство, а ты хочешь писать книги. Кто-то же должен их издавать? Я в тебя верю, поэтому готов предоставить свой плацдарм для всех твоих свершений.

— Спасибо, — фыркнула Катя. — Но, к твоему сведению, у меня невыносимый характер.

— Зато в постели ты супер. Это компенсирует.

— Ладно, — усмехнулась Катя. — Что дальше?

— Во — вторых, — я поднимаю руку и складываю пальцы в знак 'виктории', — мы живёт друг от друга всего в пяти автобусных остановках. Можем пешком друг к другу в гости ходить.

— Слушай, если ты рассчитываешь на вкусные обеды, то ничего не выйдет, — немедленно отзывается Катя. — Я, знаешь ли, не люблю готовить.

— А я не умею. И наплевать. Зато я знаю два хороших ресторана, где готовят на вынос, а ещё рядом есть 'Старбакс'. Так что я обещаю вкусно кормить тебя, если ты позволишь мне иногда ночевать у тебя. Кровать у тебя прикольная.

— А если не позволю? — Катя уперлась подбородком в коленку, с интересом меня разглядывая.

— Ну, тогда ты будешь ночевать у меня, а я обеспечу питание. В — третьих, — я переворачиваюсь на живот, — мы с тобой ровесники. А значит, у нас всегда будут общие интересы. Вот скажи, ты какую музыку любишь?

— Не шумную!

— А я люблю классику.

— У тебя на всё ответ готов, да? — засмеялась Катя.

— А ты всегда всё взвешиваешь? — Я потёрся щекой о её голую ножку. — Кать, поверь, нам будет очень хорошо вдвоём.

— А если ты ошибаешься? Что тогда? К тому же, как я поняла, ты не любишь предохраняться.

— Неделю назад обследование проходил. Показать справку?

— Потом мне на почту пришлёшь. Если только это не справка Дьячкова, — фыркнула она.

— Кать, ну, давай попробуем. Ну пожалуйста. — Я начал подминать её под себя.

— Ну, ладно, — в конце концов вздохнула она. — Но только посмей хотя бы раз назвать меня 'зайкой'!'.

Глава 11. Послесловие

Послесловие — заключительное слово или заключительная часть к сочинению.[11]

— 1 —

6 июля 2016 года, среда — 8 сентября 2016 года, четверг.

'И мы попробовали. Очень скоро я, к своему удивлению, поняла, что Артём Соболев, который, казалось, носит тысячу масок, открыт, дружелюбен, абсолютно не прихотлив и очень прост в быту. К тому же, он умел и любил ухаживать. Узнав, что мне нравятся подмосковные розы, почти каждый день приносил мне по маленькому букету. Старался провожать и встречать меня с работы. Вызнав, что я без машины, не попытался навязать мне новый автомобиль (который я бы всё равно не взяла), но предложил мне такси с водителем. А когда я ответила, что не люблю ездить на пассажирском сидении (те, кто сами сидят за рулём, прекрасно поймут меня), согласился мотаться вместе со мной на метро и в автобусах.

---

[11] Примечания: 11

Послесловие — заключительное слово или заключительная часть к сочинению.

Правда, при этом забавно морщил нос, разглядывая переполненные вагоны метро и пустые автобусные салоны.

Раз в неделю аккуратно набивал мой холодильник едой. Сам, правда, по магазинам не бегал, но, в отличие от Бергера, который вечно вешал эту проблему на меня, Соболев решил этот вопрос, договорившись с кладовщиком из близлежащего 'Перекрёстка'. В итоге, я получала свежие овощи, фрукты и ягоды, и забыла про пиццу, которая уже начала сказываться на моей фигуре. Хоть раз, но обязательно звонил мне днём, чтобы сказать: 'Я по тебе соскучился'. И даже когда был занят, всегда находил для меня минутку.

Он был идеальным во всём. Почти… Но постепенно ко мне пришло понимание: как бы я ни старалась, главным в отношениях всегда будет он. И это нельзя переделать. Артёма вообще невозможно было прибрать к рукам. Да, он был мне верен, был моим, но я так и не смогла подмять его под себя. Когда мы только начали, я показала ему свой характер. Он промолчал (в отличие от Бергера, который не преминул бы закатить мне истерику) и невозмутимо продолжил всё делать по — своему — так, как считал нужным. Наиболее ярко эта черта характера Артёма проявлялась в

том, как он организовывал свой рабочий день. Спокойно, авторитарно, чётко. В бизнесе у Соболева категория 'друзья' отсутствовала. Даже с Ильёй Дробиным, с которым он искренне дружил, если дело касалось бизнеса, дружеское общение моментально принимало чётко — очерченную форму 'я — хозяин, ты — подчинённый'.

— И как ты его терпишь? — однажды спросила я у Ильи, с которым Артём познакомил меня в середине июля.

— Он очень умный, Катя. — Сидя на лавочке перед своей адвокатской конторой, Дробин перевёл взгляд на Артёма, расхаживающего по двору с телефонной трубкой у уха. — Но Артём — как хозяин маленького государства. Я не сразу привык к этой его манере отделять личное от рабочего. А потом мне даже понравилось: Артём всегда берёт на себя всю ответственность. Таких людей мало. Но ты должна знать одну вещь, — Илья внимательно посмотрел на меня, — если Артём узнает, что ты смеёшься над ним, или обсуждаешь его за глаза, или его обманываешь, то он уйдёт и обрежет все связи. Раз и навсегда. Сразу. Так было с Аллой. Знаешь про такую?

— Да, знаю. Скажи, а Артём очень её любил? — рискнула спросить я.

— Очень, — кивнул Илья. — Но, как ни странно это сейчас прозвучит, именно он её бросил. Хотя не факт, что забыл.

Я запомнила этот разговор. А потом осознала: Артём ни разу не признавался в любви мне. Один раз только взял в ладони моё лицо и долго — долго разглядывал мои глаза.

— Почему ты так смотришь? — замирая, спросила я.

Артём промолчал, но продолжил смотреть на меня так, точно пытался увидеть в моей душе что-то такое, чего не знала о себе даже я. И видимо, нашёл, потому что уже через мгновение зарылся носом в мои волосы, и я услышала:

— Тебя нельзя не любить. Но я просто тебя чувствую.

Тогда я решила, Артём любит меня, только сказать боится.

Миновал июль — самый жаркий месяц в Москве, и Артём повёз меня знакомиться с его родителями. Выйдя из электрички, посмотрел на небо и наливающиеся влагой тучи и предложил взять такси.

— Пойдём лучше пешком, — попросила я. Артём кивнул, взял меня за руку и, вероятно, ощутил, как дрожат мои пальцы.

— Боишься? — улыбнулся он.

— Чуть — чуть.

— Ты понравишься моим, поверь. — Сжимая мою ладонь, уверенно сказал он. — Только тут одно дело…

— Они решат, что я ещё одна 'зайка'? Ты часто привозил к родителям своих девушек? — неловко пошутила я.

— Да нет, — Артём поморщился. — Просто… в общем, помнишь тот сценарий, над которым ты работала?

— Да, — кивнула я. — Ты ещё говорил, что у тебя на Мосфильме есть какие-то связи. Но ты же вернул этим людям деньги?

Артём вздохнул:

— Кать, я никому ничего не возвращал, потому что контракта не было.

— То есть? — Я даже замерла с поднятой ногой.

— Мой отец на Мосфильме работает. Он — главный сценарист, — повинился Артём. — И он обязательно тебя спросит, почему ты отказалась закончить сценарий. Правда, я уже объяснял отцу, что ты всегда хотела издать только книгу, но мой папа всё равно не отвяжется от тебя. Так что готовься к расспросам.

— Ах вот, значит, как, — задумчиво протяну-

ла я. Потом прищурилась и высвободила свои пальцы. — Слушай, Соболев, а те два миллиона рублей, которые ты собирался мне заплатить, они вообще откуда? Ты же… — от невольной догадки я чуть не задохнулась. — Ты что, собирался достать эти деньги из собственного кармана? Так получается? — Артём кивнул. — Зачем?

— Я не хотел отдавать тебя Бергеру, — нехотя сообщил мне Артём.

— Но ты всё-таки отпустил меня, — напомнила я. — Почему?

— Потому что с некоторых пор я считаю, что любовь — это не то чувство, за которое нужно бороться.

И я поняла: он боится любви. Он не хочет в меня влюбляться.

Прошёл август, и рейтинг моей книги стал постепенно падать. А я начала задумываться над сюжетом нового романа. Потом наступил сентябрь — тот самый, московский, тёплый, с красными кленовыми листьями, пряным запахом жухлой травы и мокрого асфальта, и разноцветными астрами, которые продавались на каждом углу. Артём и я всё ещё были вместе. Я познакомила его со своей семьёй, отец принял Артёма, а Инесса буквально влюбилась в него. 'Он такой добрый.

И так смотрит на тебя, — ворковала она. — Он тебя любит. Впрочем, он уже и сам, наверное, не раз говорил тебе об этом?'. 'Нет, он никогда не говорил', — я небрежно пожала плечами. Инесса с тревогой взглянула на меня и дипломатично перевела разговор на другую тему.

В тот день я уселась за новый роман. Мне требовался отдых от отношений, которые я не понимала, и теперь часть вечеров я проводила только в обнимку с компьютером. Мы стали реже видеться с Артёмом, но казалось, Соболева это вполне устраивает.

— Ты меня скоро бросишь, — однажды не то в шутку, не то всерьёз, предрекла я.

— Я, конечно, не большой фанат сильно занятых женщин, но… — уютно устроившись со мной в объятиях на диване, весело заключил Артём, — у тебя есть ещё ночи. А они свободны.

— Но тебе ведь этого мало? — Я погладила щетину на его смуглой щеке (в выходные Артём не брился). Щека была тёплой, а щетина мягкой. А я вдруг подумала, что, если б я только могла, я бы всё отдала, лишь бы он любил меня.

— Вот найдешь себе 'зайку', — не удержалась я.

— Какую ещё за… Слушай, Катя, а ты часом не ревнивая? — изогнул бровь Артём.

— Нет, я не ревнивая, — отрезала я и спрыгнула с его колен.

Но я солгала. Я ревновала Артёма к его прошлому, к 'зайкам', но больше всего, я ревновала его к Алле. В тот день я впервые поняла, что влюбляюсь в него. И я начала бояться.

Мои опасения сбылись ровно через два дня. Я сидела в офисе, занимаясь переводом сложно — технического текста, когда в комнату влетела Вера:

— Так, синхронисты Мартынова и Петрова, быстро на выход. А тебе, Тодуа, охранник велел передать: тебя внизу спрашивают.

— Кто? — подняла голову от технической макулатуры я.

— Какая-то женщина.

'Какой-то женщиной' могла быть любая из моих бывших подруг, клиенток, — и даже Инесса, которая, после того незапамятного разговора, стала наведываться в Москву, чтобы навестить меня. Правда, Инна всегда заблаговременно предупреждала меня о своём визите. Но догадываться — только время терять, и я кивнула:

— Хорошо, спасибо.

Прихватив с собой сумку, спустилась на улицу. Толкнула дверь — и замерла. Ещё бы: передо мной

стояла Алла Бергер. За то время, что мы не виделись с ней, она стала ещё красивее. Но в её чертах появилось ещё кое-что: удивительная решимость и самоуверенная храбрость хищницы, готовой сражаться до конца. И это немедленно подтвердилось, когда я развернулась, чтобы уйти.

— Постой, Катенька. — Алла шагнула ко мне и ловко взяла меня под руку. — Ну, как твои дела? Ты рассталась с Дмитрием? — завела она своим певучим, плотоядным голосом. — И почему, если не секрет? Нашла себе другого?

— Что вам от меня надо? — От возмущения я даже руку её забыла убрать.

— Может, пойдем куда-нибудь? Посидим? Мне надо с тобой кое-что обсудить.

— У меня нет для вас денег, — дерзко и резко врезала я.

— А с чего ты решила, что я возьму у тебя хоть копейку? — Алла брезгливо оттопырила губу. — Кстати, если тебе интересно, то кредит Дмитрий всё-таки погасил. И знаешь, кто помог ему? — ('Артём?.. Нет, не может быть.') — Я нашла всю сумму. Развелась со вторым мужем и его отступные пошли на благое дело. Так что бизнес Дмитрия снова на плаву.

— С чем вас и поздравляю. Теперь можно ид-

ти? — Я стряхнула её пальцы.

— Нет — нет, я ещё не закончила. Сейчас для расширения центра требуется ещё полмиллиона, и я подумала: а не пора ли мне навестить Артёма?

— Что? — ахнула я.

— Ты ведь с ним встречаешься? — прищурилась Алла.

— С чего вы взяли?

— Помнишь договор, который ты привозила Дмитрию? Я знаю, кто его составил.

— На здоровье.

— А знаешь, почему я в курсе? — по — свойски подмигнула мне Алла. — Год назад я держала в руках подобный договор. И его составил Артём — сделал для меня, чтобы защитить меня. И такой же текст — но под копирку! — он сделал для тебя.

— Алла, что вам надо? — от возмущения и обиды я даже вздрогнула.

— Хочу предупредить тебя. — Алла наклоняется ко мне, и я чувствую запах лайма и ментола, который я ненавижу. — Ты не знаешь Артёма… Многие считают, что у него на первом месте деньги, а на втором — женщины. Но это не так. На первом месте у него всегда были отношения

с женщиной. С одной. И в своё время он очень любил меня. Любил так, как тебе и не снилось. Он мечтал на мне жениться — хотел этого, даже когда понял, что я ещё не разведена. Он даже кольцо мне купил. А тебя он звал замуж? — Пауза. — В таком случае, я думаю, что раз я теперь свободна, а между вами нет ничего конкретного, то самое время возобновить наши с ним отношения. Ты как считаешь, я ещё ничего?

Такое ощущение, что земля уходит у меня из-под ног.

— Я люблю его, — лениво продолжает Алла. — А он любит меня. И с этим ничего не поделаешь. Это наше прошлое, Катя, и Артём его помнит… А ты с ним как, просто спишь? Или строишь какие-то планы на будущее?

— Пошла вон.

— Что? — оскорбилась Алла.

— Пошла вон, — взяв себя в руки, совершенно спокойным голосом повторила я. — И только попробуй ещё раз здесь появиться.

— А то что? — выдыхает Алла, моментально растеряв весь апломб самоуверенной стервы.

— Попробуешь — и узнаешь.

Заставляя себя всё делать размеренно и медленно, тяну тяжёлую дверь и захлопываю её

перед носом возмущённой Аллы. Оказавшись за спасительной и надежной защитой стальной двери, взлетаю вверх по лестнице. Забежав в тёмный угол пролёта, прижалась спиной к холодной стене, закусила зубами ладонь.

'Вот и всё, Тодуа, — промелькнуло в моей голове. — Не было никакого дуэта. Были только он и ты. И ты всегда знала, что рано или поздно, но он уйдёт: он тебя не любит. Он никогда не говорил тебе о любви — он просто тебя чувствовал. Но самое ужасное заключается в том, что ты его уже любишь. Он подмял тебя под себя, и ты влюбилась в него, как 'зайки' — как те дурочки, которым он никогда не принадлежал. И он ничего не обещал тебе. Ничего. Он просто хотел попробовать…'.

— 2 —

8 сентября 2016 года, четверг.

'Закончив разбираться с делами, взглянул на iPhone: через час у Кати заканчивался рабочий день. Встретить её и сводить куда-нибудь? Может, в центр съездить, если она не очень устала? Нажимаю на вызов. Гудки: один, два, три, четыре. Странно, Катя всегда сразу мне отвечала. Наконец она берёт трубку, и я слышу удивительно спокойное:

— Привет.

— Привет. Я по тебе соскучился. Ну что, как обычно, встречаемся через час у твоего бюро?

— Нет. — Я не узнал её голос.

— Что случилось? — нахмурился я.

— Нам… нужно поговорить, Соболев. Сегодня.

— Вообще-то я собирался заехать за тобой на работу, — напоминаю я.

— Нет, это неудобно, — помедлив, отзывается Катя. — Будет лучше, если ты просто придёшь ко мне домой.

— Хорошо. Во сколько?

— В семь.

— Что-нибудь купить? — Пытаюсь сообразить, что происходит.

'У неё на работе проблемы? Что-то с новым романом не так? Её кто-то обидел?'

— Ничего не надо. Просто приходи ко мне в семь вечера. — Катя вешает трубку.

А я растерянно откладываю телефон. Походил по квартире, попинал мебель, попадавшуюся на пути. Похлопал себя по карманам. Вспомнил, что в июле я в очередной раз бросил курить, но, как все заядлые курильщики, продолжаю держать в ящике стола пачку сигарет. Разыскал зажигалку и отправился на балкон.

Сделав затяжку, я задал себе всего один вопрос:

что у нас с Катей? Когда мы только начали, она попыталась подмять меня под себя или выставить на эмоции. Она обладала твёрдым характером и несгибаемой волей, но я — мужчина и априори сильней её. И вот тогда Катя установила между нами пусть крохотную, но дистанцию, которую я не стал брать штурмом, а просто взял эту девочку за руку и повёл за собой. Я знал, что после Бергера ей понадобится время, чтобы научиться доверять мне и верить в то, что мужчина может быть защитником. Я ничего не требовал от неё, ни к чему не принуждал — я просто ждал её. Но каждый день я делал её чуть — чуть слабей. Эмоциональней. Женственней. На мой взгляд, это работало на нас. И я ждал — всё время, каждый день ждал, когда она поймёт, что она меня любит. Признает это первой и скажет мне. 'И, кажется, дождался', — с иронией подумал я, вспомнив тон, которым Катя со мной разговаривала.

Характер людей проявляется в решениях, которые они принимают в тот миг, когда всё, чем они дорожат, может быть потеряно. В полседьмого вечера я сунул руки в рукава куртки и отправился к Катиному дому. В семь набрал код домофона, вошёл в подъезд, поднялся на её этаж. Хотел позвонить в квартиру, но дверь почему-то была не

заперта. Переступив порог, огляделся и увидел Катю за кухонным столом. Помертвевшую, бледную, но, как ни странно, абсолютно спокойную.

— Что происходит? — осведомился я.

— Скажи, ты любишь Аллу?

— Что?

— Я сегодня с ней встречалась. Она хочет вернуться к тебе. Ты знал об этом? Ты общаешься с ней? Ты уже с ней встречаешься?

— Кать, ты издеваешься?

— Ты всё ещё звонишь мне с номера, купленного на её имя, — равнодушно напоминает Катя. — Ты постоянно носишь этот телефон с собой. Это для того, чтобы всегда видеть её звонок? Так, Артём? Только не ври — отвечай честно. Я не буду устраивать истерик, клянусь.

Я уже говорил, что прошлое, как и настоящая боль, всегда к нам возвращаются? Перед моим мысленным взглядом встало лицо женщины, которая была самой большой моей слабостью и самым большим поражением.

— Артём, я всё понимаю. Но если ты до сих пор действительно не можешь забыть Аллу, то будет лучше, если ты уйдёшь прямо сейчас, и… В общем, я хочу, чтобы ты забрал свои вещи. Извини.

— Вот так просто? Ты просто дашь мне уйти? —

Я стоял и разглядывал Катю, её застывшее лицо, руки, непримиримо скрещенные на груди.

— Ты сам говорил, что любовь — это не то чувство, за которое надо бороться. — Катя пожала плечами и встала из-за стола. Повернулась ко мне спиной.

— Точно… — от злости у меня даже пальцы заледенели, — я это говорил… А теперь, будь любезна, повернись ко мне лицом — я пока ещё никуда не ухожу. А во — вторых, на, смотри сама. — Я бросил на кухонный стол свой iPhone.

— Я не лазаю по чужим телефонам, — равнодушно бросила Катя из-за плеча.

— Уж конечно, ты же не 'зайка', — огрызнулся я. — Так почему, по — твоему, я использовал эту сим — карту? Повтори.

— Ты плохо слышишь?

— Зато хорошо соображаю! Хочу напомнить, что сначала я звонил тебе с этого номера, чтобы ты меня не вычислила. Никто не знал этот телефон: только ты и Алла. А потом я просто привык набирать тебе с этого аппарата. А что касается Аллы… Скажи, ты знаешь, что такое 'чёрный список' в системе iPhone? — Пауза. Катя небрежно пожимает плечами. — Очень полезная функция. И заключается она в том, что, когда собеседник

тебе надоел, ты просто отправляешь его в 'чёрный список'. Так что проблема Аллы в том, что она не может до меня дозвониться. Даже её смс — ки до меня не доходят. Я их просто не получаю.

— У тебя ещё 'МТС' есть, — холодно напоминает Катя.

— Слушай, я купил ту 'симку' всего полгода назад! — Я всё-таки разозлился. — Тебе документы показать? Давай, сейчас домой смотаюсь и притащу. Или тебе их как справку о здоровье, на почту прислать?

— Не надо, я тебе верю, — помедлив, устало отозвалась Катя. — Но… — и тут она впервые за всё время нашего разговора посмотрела мне в лицо, — но зачем тогда Алле понадобилось устраивать весь этот цирк? Неужели ей так деньги нужны?

— Кать, — я привалился спиной к дверному косяку, — Алле нужен Бергер. Да, я её любил. Но мне не пятнадцать лет, чтобы не понимать: эта женщина никогда меня не любила. Ей всегда был нужен её бывший муж. Только один мужчина. Да, я хотел ему отомстить, но не за Аллу, а за то, что он — редкостный му… короче, слабак он, понятно? А что касается Аллы, то — несмотря на всю её беспринципность! — ей на том свете

зачтутся многие из её грехов хотя бы потому, что она умеет любить. Не закостенев в гордости, не окопавшись в попранном самолюбии, не расставляя виртуальные вешки, чтобы, не дай бог, е сократить дистанцию, — она просто ищет любую возможность, чтобы вернуть себе любимого человека. И пусть всё это неправильно, и пусть это кривое зеркало, но, рано или поздно, Алка добьётся своего, и Бергер вернётся к ней. Спорим?

— А ты…

— А я нужен Алке для очередного финансового вливания. А чтобы ничто не стояло на пути к её заветной цели, Алла, на всякий случай, решила убрать с дороги тебя. А дальше схема простая: мальчик встречается с девочкой. Девочка наслушалась гадостей, а поскольку она очень гордая, то обязательно решит бросить мальчика первой. Мальчик естественно будет страдать. А взрослая женщина будет утюжить у дома мальчика, поскольку она знает, где он живёт. Она его подкараулит и пожалеет. А благодарный мальчик в очередной раз выручит женщину нужной суммой или услугой — и опля! — дело у Аллы в шляпе. Сумма в кармане, мальчик в ж… в заднице. Но самое интересное заключается в том, что Алка легко выкрутится и без меня, можешь

мне поверить. Она в одиночку даже 'Сбербанк' возьмёт, если это поможет Бергеру.

— Подожди, но ты же сам говорил, что за любовь не стоит бороться, а теперь получается, что именно это ты ценишь? — Катя поднимает на меня растерянный взгляд.

— Кать, я понял, что любовь существует, в тот самый день, когда наконец осознал: её нельзя сделать руками. Потому что, если б её можно было сделать руками, я бы уже её сделал. Но проблема в том, что настоящую любовь можно только почувствовать. И я её чувствую. Чувствую, когда смотрю на тебя. Вижу в том, как ты ждёшь меня. Ощущаю, когда ты глядишь на меня. Я даже знаю, когда тебе больно и когда ты радуешься — чувствую это даже на расстоянии… И я очень хочу, чтобы и ты чувствовала это ко мне. Но я не могу тебя заставить. Не могу и не хочу.

Я думал, Катя на шею мне бросится. Но DUO во многих моментах была непредсказуемой девочкой. Сначала моргнула. А потом я увидел, как обточилось её лицо, как она сжала в кулачки руки.

— А знаешь, ты прав, Артём, — металлическим голосом произнесла Катя. — Это можно только почувствовать. Дай-ка сюда этот проклятый

телефон. — Подхватив со стола мобильный со злополучной 'симкой', Катя поискала на корпусе iPhone пластиковую задвижку. Естественно, не нашла — и, не моргнув и глазом, выкинула iPhone в форточку. Выполнив пируэт, мобильный с грохотом приземлился внизу и, судя по звукам, напомнившим слово 'аминь', приказал долго жить.

— Так, с этим мы разобрались, — деловито произнесла Катя. — А теперь, мой милый, иди-ка ты домой. И хорошенько подумай, что все эти месяцы чувствовала я.

Но я не пошёл.

— Кать, ты действительно хочешь, чтобы я ушёл? — Катя прищурилась. — Ты меня любишь? — Я шагнул к ней, развернул к себе и попытался прижаться лбом к её лбу. Не получилось: она упрямо вывернулась из моих рук. — Катя, я же люблю тебя. — Катя попятилась, и я обхватил ладонью её затылок. — Кать, я не буду извиняться, — я тянул её к себе. — Скажи, ты меня любишь?

— Я знаю тебя всего три месяца, а с Аллой ты был целый год, — отчеканила Катя, продолжая вертеться в моих руках.

— Пять, — я сжал ладони покрепче.

— Что 'пять'? — не поняла она.

— Ты знаешь меня пять месяцев, а с Аллой я в общей сложности встречался сто дней. — Молчание. Потом в зелёных глазах промелькнуло недоумение. — Та — ак. Погоди, погоди… Я кажется, понял… Ты что, решила, что я с Алкой каждый день крутил? Ты поэтому ей поверила?.. Или, нет, подожди… Ты что, по этой причине полгода играешь в свободную и независимую женщину? Время тянешь… дистанцию держишь… до года добирала! Так? — осеняет меня. — Это — так?

Катя продолжает упрямо молчать.

И вот тут я взбесился. Дёрнул её к себе, впаял в стену. Перехватил её запястья и впечатал их в пространство между её головой и кухонным шкафом. Секунда — и я нашёл её полуоткрытый рот. Мгновение — и она ответила мне, да с такой страстью и яростью, что в шкафу зазвенела посуда. Но мне было уже наплевать: я увидел ту женщину, что пряталась в Кате. Женщину, по которой я с ума сходил. Женщину, которая меня любила. Женщину, в которой было моё счастье.

— Ты меня любишь, — выдохнул я, блуждая губами по её плечам и груди. — Ты меня любишь. Скажи мне это. Сама скажи… Я всё равно от тебя не отстану.

В ответ — упрямая тишина. Я выдернул из джинсов Кати клетчатую рубашку. Она рванула вверх мою майку. Покосился на кухонный стол. Поморщился, и, подхватив её на руки, понёс в спальню. Разложил на кровати и принялся сдирать с неё остатки одежды:

— Ты меня любишь?

Катя вцепилась в пряжку моего ремня. Я дёрнул застёжку на её джинсах. Обхватив её коленями и тяжело дыша, уселся на её бедра, срывая с неё лифчик. На секунду Катя замерла, глядя на меня немигающими глазами. Я вдохнул, выдохнул — и уже мягко опустился на неё, обхватил ладонью её подбородок, заглянул в глаза.

— Ты долго будешь меня пытать? — взмолился я. — Ну, ответь мне. Пожалуйста.

— Да, я тебя люблю, — улыбнулась Катя.

— На эмоции решила меня выставить? — моргнул я.

— Да, — она даже не смутилась.

— Зачем?

— Хотела убедиться, как сильно ты меня любишь.

— Ну и как?

— Убедилась. Ты без меня и дня не проживёшь.

— Ну ты и штучка, — покачал головой я. —

Всё-таки сделала меня, да?

Катя потянула меня к себе:

— Да… Займись со мной любовью.

Ночь. Чёрное небо, белые звёзды. Искорки женского смеха. Матовое, отливающее серебром, тело моей женщины. Я обретал её. Всем телом прикасался к ней, а она дарила мне счастье, которое я ощущал всем своим существом. Прошлое растворилось. Ушли измены, рассыпались неудачи. Остались только Катя и я. Мурашки на её теле. Её стоны. Мой хриплый крик. Общий вдох и выдох. Музыка настоящей любви. Сотворение новой жизни.

Катя так и заснула в моих руках, а я лежал и смотрел на неё. Я размышлял, что человеческие чувства — суть вещь многогранная. Здесь нет белого, да и чёрного тоже нет. Здесь серое — цвет естественный. Потому что за каждым минусом стоит плюс, а за каждой победой следует поражение. А ещё я подумал, что, когда ты по — настоящему любишь, то ты не знаешь, почему это происходит. Ты просто любишь, вот и всё.

— Кать, ты выйдешь за меня замуж?

Её ресницы дрогнули:

— Что?

— Ты слышала. Выходи за меня. Нам будет хо-

рошо вместе. Или будешь до года добирать?

— Нет, не буду. Я выйду за тебя. А то вдруг ты ещё сбежишь…

— Куда, о господи?!

— Откуда я знаю? — засмеялась она. — Ну, вдруг найдёшь себе 'зайку'…

Остаётся только добавить, что три месяца Катя стала моей женой, уволилась из бюро переводов и начала писать книги, которые чуть насмешливо именовала 'женскими историями', хотя на мой взгляд, это была вполне качественная современная проза. Я же купил участок в Виноградово, недалеко от дома своих родителей, и теперь там под присмотром Кати и моего отца возводился кирпичный дом в два этажа: с большой спальней, кухней, библиотекой, уютным зимним садом — и двумя детскими комнатами. А ещё через полгода в темноглазой династии Соболевых родилась светловолосая девочка. Моя первая дочь. Екатерина. Катя, назвала её моя жена. Так наш дуэт превратился в трио. Впрочем, теперь это была уже другая история'.